

ЧЕЛОВЕК **СООБЩЕСТВО** **УПРАВЛЕНИЕ**

Научно-информационный журнал

№4 · 2007

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный
журнал

4-2007

Издается с марта 1999 г.
Периодичность – 4 номера в год

Свидетельство о регистрации
№Р2829 от 16 марта 1999 г.
выдано Северо-Кавказским
региональным управлением
по СМИ

Учредитель:

Кубанский государственный
университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149, к. 404-н
Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149
Кубанский государственный
университет

Статьи для публикации
принимаются
по электронному адресу:
chsu1999@yandex.ru

Дизайн обложки:
С.Г.Ажгихин, М.Н.Марченко
Оригинал-макет:
Д.А.Хрипков

Отпечатано в типографии
Кубанского государственного
университета
Краснодар, Октябрьская, 25

Подписано в печать 27.12.2007
Уч.-изд. л. 11,03. Усл. печ. л. 11,33
Тираж 1000 экз. Заказ №

Главный редактор:

Е.В.Морозова, д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:

Т.А.Алексеева, д-р филос. наук, проф. (МГИМО (У)); **А.А.Арутюнян**, д-р филос. наук, проф. (Ереванский ГУ); **В.А.Бабешко**, д-р физ.-мат. наук, проф., академик РАН (Кубанский ГУ); **А.А.Бодалев**, д-р психол. наук, проф., академик РАО; **А.А.Гаврилов**, д-р экон. наук, проф. (Кубанский ГУ); **С.Деллер**, PhD, проф. (университет Висконсин – Мэдисон, США); **В.В.Знаков**, д-р психол. наук, проф. (Институт психологии РАН); **Я.Л.Коломинский**, д-р психол. наук, проф. (Белорусская академия образования); **А.Е.Лаптева**, д-р юр. наук, проф. (Институт государства и права РАН); **А.А.Стризов**, д-р филос. наук, проф. (Волгоградский ГУ); **П.М.Хакуз**, д-р филос. наук, проф. (Кубанский ГТУ); **А.Ю.Чирг**, проф. (Адыгейский республиканский государственный институт гуманитарных исследований); **В.К.Шаповалов**, д-р пед. наук, проф. (Северо-Кавказский ГТУ); **В.Ю.Шпак**, д-р филос. наук, проф. (Ростовский ГУ); **Е.Р.Ярская-Смирнова**, д-р социол. наук, проф. (Саратовский ГТУ).

Редакционная коллегия:

О.А.Оберемко, зам. гл. редактора, канд. социол. наук, доц.; **Г.С.Курбатова**, отв. секретарь; **Т.Т.Авдеева**, д-р экон. наук, проф. **В.П.Бедерханова**, д-р психол. наук, проф.; **А.И.Приходько**, д-р техн. наук, проф.; **А.М.Ждановский**, канд. ист. наук, проф.; **А.А.Лузаков**, канд. психол. наук, доц.; **З.И.Рябкина**, д-р психол. наук, проф.; **В.М.Юрченко**, д-р филос. наук, проф.

4-2007

Содержание

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

- Алексеева А.Ю.* Уверенность, социальное и межличностное доверие: критерии различия.....4
- Грязнова О.С.* Теда Скокпол: феномен революции в структуралистской перспективе.....21
- Ковенева О.В.* Грани опыта в свете американского прагматизма и французской прагматической социологии.....39

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Верстова М.В., Улько Е.В.* Правовые представления личности с различной установкой к участию в суде присяжных.....64

КАФЕДРА

- Дженкинс Р.* Глобализация и идентичность: теоретический обзор.....81
- Евстигнеева Н.В., Оберемко О.А.* Модели анализа нарратива95
- Коваленко С.А.* Социальная политика: основания и модели.....108

РЕЦЕНЗИИ

- Оберемко Т.В.* Педагогическое проектирование как познание и преобразование окружающего мира.....121

РЕФЕРАТЫ133

SUMMARY135

УВЕРЕННОСТЬ, СОЦИАЛЬНОЕ И МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ДОВЕРИЕ: КРИТЕРИИ РАЗЛИЧИЯ

.....

А.Ю. Алексеева¹

Постановка проблемы

Доверие является категорией, которая активно используется в социологических, экономических, политических, антропологических и иных исследованиях, однако его определение остается серьезной проблемой из-за неоднозначности его интерпретации². Как отмечает С. Касталдо, «общая черта исследований доверия – разнообразие концептуальных типологий, отсутствие ясного и общего определения концепции доверия. Этот недостаток выверенности уже повлек за собой множество “коммуникационных” проблем» среди представителей различных школ [14, p.1]³. Он полагает, что основная причина разнооб-

¹ Алексеева Анастасия Юрьевна – ассистент кафедры общей социологии Новосибирского государственного университета. Электронная почта: e-mail: aau77@ngs.ru.

² Аналогичное мнение высказывают большинство ученых, в частности, С. Роуз-Аккерман [36], П. Штомпка [39], Б. Миштал [34], С. Шапиро, Д. МакАллистер (см. [44]) и др. Особенно остро данная проблема стоит перед «эмпириками» и «прикладниками», в частности в социально-маркетинговых исследованиях, исследованиях организационной культуры и т.д. Вероятно, этим же и обусловлен тот факт, что большинство типологий и структурированных (прозрачных) определений предложено именно исследователями-практиками.

³ С. Касталдо в своих работах [14; 15] приводит достаточно подробный анализ определений доверия, используемых в данном поле. В результате компьютерного контент-анализа наиболее часто цитируемых определений доверия (72 варианта) он сделал пять основных выводов. Во-первых, доверие непосредственным образом связано с ожиданиями, убеждениями, волеизъявлением или установкой. Во-вторых, доверие проявляется по отношению к разным объектам; таковыми могут выступать другие индивиды, группы, организации, социальные институты. В-третьих, доверие довольно часто (в 42 из 72 определений) определяется через действие или поведение, тем самым подчеркивается деятельностный аспект доверия, а именно действие субъекта как способа проявления доверия. В-четвертых, определения доверия включают результаты и следствия оказания доверия; предполагается, что действия контрагента могут быть предсказаны и позитивно оценены субъектом доверия. В-пятых, толкование доверия включает рискованность ситуации принятия решения.

разия определений состоит в том, что самые разные аспекты и формы доверия называют просто «доверием». Некоторые исследователи видят причину в одновременном возникновении интереса к этому феномену у представителей разных дисциплин [33, р. 54], а также в «общетеоретической невнимательности» [15, р. 1]. Данный текст является попыткой обобщить и структурировать научные представления о феномене доверия, определить его концептуальные границы, выделить разные типы и формы доверия.

Прежде всего мы рассмотрим разницу между двумя парами понятий: «уверенность – доверие» (confidence – trust), «межличностное доверие – социальное доверие» (interpersonal trust – social trust).

Уверенность и доверие

Разграничение понятий «доверие» и «уверенность» является одним из дискуссионных моментов в исследованиях проблемы доверия. Условно можно выделить два направления. В рамках первого подхода уверенность и доверие рассматриваются как самостоятельные социальные феномены. Существует распространенное в научном дискурсе мнение, что уверенность скорее следует рассматривать как ожидание стабильности функционирования социальных систем и институтов, а доверие – как ожидание благонадежного поведения потенциального партнера в конкретной ситуации взаимодействия. Во втором подходе уверенность рассматривается в качестве элемента доверия либо, наоборот, доверие признается одной из форм проявления уверенности.

Первое направление берет свое начало в работах Н. Лумана. Он выделяет два типа систем: социальные (функциональные, например, экономика, политика и т.д.) и личностные (психологические). По причине их априорной замкнутости взаимодействие между системами сводится к формуле «система – окружение» и характеризуется социальной неопределенностью (комплексностью). Н. Луман предложил три механизма снижения социальной комплексности: обеспечение осведомленности (familiarity), уверенности (confidence) и доверия (trust). Первый механизм характеризует социальные отношения в традиционном обществе (по своей природе он близок традиционному типу действия, описанному М. Вебером). Рутинизация взаимодействий, прозрачность правил действия в конкретных ситуациях позволяют индивиду достаточно ясно представлять последствия своих действий и ответные реакции окружающего мира (общности, партнера по взаимодействию), тем самым избегать «специфичных проблем риска». Проблематизация же взаимодействия активизирует, по мнению Н. Лумана, один из двух механизмов: либо уверенность, либо доверие. И тот факт, что современное общество отличается от традиционного возрастанием числа проблемных ситуаций, приводит к выводу о значимости для современного мира указанных способов редуцировать комплексность. Анализ основных работ ученого, посвященных проблематике доверия [31; 32],

позволил выделить три основных критерия, с помощью которых уверенность следует отличать от доверия. Все три критерия отсылают нас к ключевому для Н. Лумана различению опасности и риска.

Во-первых, различение доверия и уверенности зависит от «способности индивида различать опасности и риски» [31, р. 100]. Эта способность обусловлена степенью рефлексии индивидом наличия альтернативных стратегий действия в сложившихся обстоятельствах.

Когда индивид выбирает один из возможных вариантов, он оказывается в ситуации риска, так как его решение основано на прогнозировании будущих действий потенциального партнера. Вероятность неоправдания его ожиданий является мерой *рискованности* принятого им решения, а само действие, совершенное в настоящем, выражает *доверие* индивида контрагенту.

Уверенность как механизм редукции социальной неопределенности основана на предположении об изначальной предзаданности определенной стратегии поведения. Отсутствие необходимости индивидуального выбора смещает акцент в сторону окружающих систем или других индивидов, что обуславливает восприятие совершенного действия индивидом как акта, сопряженного с опасностью, а не с риском. Опасность, в понимании ученого, коренится в функционировании окружающих социальных и личностных систем, принципиально не контролируемых индивидом. «Если у вас нет альтернатив, вы находитесь в ситуации уверенности. Если вы выбираете одно действие, предпочитая его другим, вопреки возможности быть разочарованным в действиях других, вы определяете ситуацию как ситуацию доверия» [32, р. 99].

Во-вторых, уверенность в большей степени характерна для социальных взаимодействий индивида и функциональных систем, тогда как доверие необходимо в ситуации формирования и поддержания отношений личностных систем (индивидов). Н. Луман пишет: «Доверие является жизненно важным в межличностных отношениях, но участие в функциональных системах, таких как экономика, политика, – это уже не вопрос личностных отношений. Оно требует уверенности, а не доверия» [31, р. 102].

В-третьих, уверенность – продукт социализации индивида [25]. Использование механизма уверенности в большей степени обусловлено усвоенными индивидом знаниями о правилах функционирования различных социальных систем, в то время как источником доверия выступает рисковая составляющая социальной ситуации взаимодействия, обусловленная принятием самостоятельного решения.

Важным моментом является описанный Н. Луманом характер взаимосвязи уверенности и доверия, когда каждый из механизмов может выступать в качестве базиса для формирования другого. Заметим, что *разрушение уверенности не приводит к потере доверия*. Например, отсутствие уверенности в

эффективности и надежности российской медицины в целом не означает, что индивид не может оказывать доверия какому-то конкретному врачу. Н. Луман полагает, что недостаток уверенности может привести к возрастанию чувства отчужденности, «уединению индивида в малых кругах» и, как следствие, распространению интолерантных установок, тогда как *недостаток доверия может «просто лишить индивида способности действовать»* [31, р. 104]. Нечто похожее наблюдалось в современном российском обществе, но отсутствие уверенности в стабильности и безопасности общества выражалось в ограничении круга доверия близкими родственниками и друзьями.

Большинство социологических работ, в которых различаются «доверие» и «уверенность», базируются на предпосылках, заданных идеями Н. Лумана. Не является исключением и известная работа А. Селигмена⁴ [4], хотя он и подвергает критике отдельные лумановские тезисы. Опираясь на принципы символического интеракционизма, он утверждает, что исполнители социальной роли в известной степени вольны в интерпретации ее исполнения (при этом автор настаивает на необходимости аналитического различения роли и ее исполнении). Ключевой тезис А. Селигмена заключается в утверждении, что доверие является следствием ролевой неопределенности, связанной со структурной непрозрачностью ролей, в ситуации, когда «системно определенные ожидания больше не жизнеспособны» [4, с. 21]. Он подчеркивает, что уверенность, в отличие от доверия, формируется на основе прошлого знания относительно применения санкций в случае обманного поведения партнера и знания о принципиальной возможности наложения такого рода санкций. «Доверие же предполагает уязвимость, обусловленную неведением или исходной неопределенностью в отношении мотивов другого» [4, с. 17].

П. Дасгупта [17], интерпретируя положения Н. Лумана, утверждает, что уверенность проистекает из априорно приписываемой контрагенту способности соответствовать ролевым ожиданиям (уверенность в действиях врачей, пилотов и других профессионалов), тогда как доверие связано с представлениями о мотивах и установках потенциального партнера. Схожая точка зрения представлена в концепции доверия, развиваемой Т. Ямагиши. Он предлагает еще более детальное разделение уверенности и доверия, полагая, что следует различать «доверие» (trust), «уверенность» (confidence) и «уверенность в безопасности» (assurance of security). В отличие от Н. Лумана он исключает «ожидания естественного порядка» из числа оснований для формирования уверенности или доверия, оставляя «ожидания морального порядка» [45, р. 40]. Последние в свою очередь подразделяются на «ожидания компетентности» и «ожидания намерений». Первый тип ожиданий в сильной степени ассоциируется с так называемым институциональным доверием, которое связано с взаимодействием индивида и конкретного социального института в лице его представителей.

⁴ Фамилия ученого транслитерируется и как Селигмен [4], и как Зелигман [8].

Однако в рамках концепции Т. Ямагиши компетентность понимается несколько шире, как «ожидание того, что индивид способен должным образом выполнить то, что обещал сделать» [45, р. 42]. Именно ожидания компетентности, с точки зрения ученого, лежат в основе уверенности.

Второй тип ожиданий – ожидания намерений – тесно связан с доверием. Их источником является оценка реальных целей (в отличие от *принципиальной способности*) контрагента в выполнении взятых на себя обязательств. Иными словами, Т. Ямагиши разделяет исполнение роли и ее исполнителя. Индивид может быть уверен в технической компетентности исполнителя, но не испытывать доверия к его личности, учитывая характер его реальных (с точки зрения актора) намерений. «Решение о доверии или недоверии индивиду в сильной степени зависит от оценки его личностных черт – обладает ли он такими характеристиками, которые делали бы его поведение надежным, даже вопреки его/ее собственным интересам» [45, р. 44].

Введение понятия «уверенность в безопасности» (*assurance*) призвано, по мнению Т. Ямагиши, отразить возможность внешнего контроля над действиями контрагента. В таком случае источником формирования «ожиданий намерений» является не оценка «поведенческих диспозиций» партнера, а его собственная заинтересованность в должном исполнении обязательств, поддерживаемая существующей системой санкций. Возможность наказания выполняет функцию гаранта правильного, ожидаемого будущего поведения контрагента. Наличие фактора внешнего контроля в ситуации социального взаимодействия исключает возможность формирования доверия, так как «уверенность в безопасности» возникает в условиях «убежденности в том, что социальной неопределенности не существует» [45, р. 46]. Концепт «уверенность в безопасности» соотносится с доверием, воспроизводящимся в кровнородственных союзах, закрытых сообществах и т.д. Тем самым идея Т. Ямагиши становится созвучной подходу Ф. Фукуямы, называющему такой тип доверия «родственным доверием».

В рамках социологического подхода к вопросу соотношения понятий уверенности и доверия, часто вводится еще один вектор различения – вера. К. Харт [24] предлагает разграничивать «уверенность», «веру» и «доверие». Он считает, что в большей степени эмоционально окрашена, тогда как уверенность в основном возникает по отношению к чему-то хорошо известному. Доверие занимает промежуточную позицию, как механизм «преодоления рисков по причине свободы другого». Оно является срединной точкой континуума, на одном конце которого находится слепая вера, а на другом – полная уверенность. Сходным образом Дж. Харрис в качестве основания для аналитического различения доверия, уверенности и веры обозначил степень информированности о контрагенте. «Доверие расположено в пространстве между тотальным знанием и тотальным незнанием. Этим оно, с одной стороны, отличается

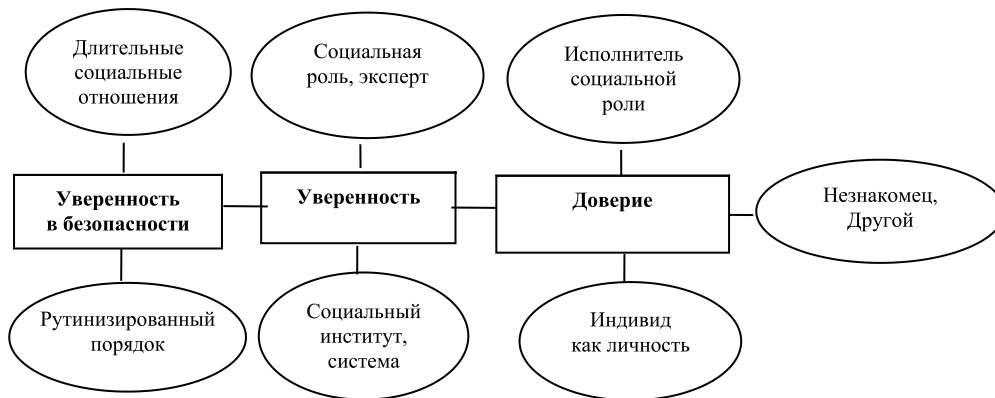
от веры, которая не требует проверенных знаний, с другой стороны, доверие отличается от уверенности, потому что не отсылает к обстоятельствам, в которых определенное поведение другого известно» [23, p.2].

П. Штомпка в обобщающей работе «Доверие: социологическая теория» [33] выделил три способа ориентации на действия другого: надежда, уверенность и доверие. Первый и второй способы непосредственным образом связаны с проявлениями веры. «Надежда – пассивное, нерациональное чувство того, что все обернется к лучшему. Уверенность – тоже пассивная, но в большей степени сфокусированная и в некоторой степени оцененная вера в то, что случится что-то хорошее» [39, p. 25]. «Доверие – это третий тип ориентации, принципиально отличающийся от надежды и уверенности тем, что доверие укоренено в дискурсе агента: активное участие и ориентация на будущее» [39, p. 25]. Таким образом, доверие, в отличие от надежды и уверенности, в большей степени ориентировано на другого индивида и будущее, а также содержит более выраженные когнитивный и поведенческий компоненты.

Резюмируя, выделим ключевые критерии дифференциации данных понятий. Во-первых, уверенность сопряжена с ожиданием опасности, вытекающей из неспособности социальных институтов поддерживать безопасность. Нормативное регулирование взаимодействий акторов задает условия, которые предполагают согласованность ожиданий и действий индивидов. Доверие, в отличие от уверенности, обладает такими чертами, как ориентированность на личность партнера (его намерения и мотивы), конкретные обстоятельства взаимодействия являются дополнительным фактором, определяющим формирование доверия.

Во-вторых, анализ теоретических построений, лежащих в основе аналитического разделения концептов «уверенность» и «доверие», позволил выделить еще одну немаловажную категорию – «уверенность в безопасности», или «чувство безопасности». Оно призвано отражать уверенность в стабильности социального порядка, обусловленную либо длительностью отношений (как в семье, общине и других закрытых сообществах), либо рутинизацией мира (его традиционностью). Уверенность же будет рассматриваться прежде всего как вера в стабильное функционирование социальных институтов и в надежность социальных ролей.

В-третьих, уверенность чаще описывается как системное доверие, т. е. ее объектом выступают социальные системы, отдельные институты, тогда как объектом доверия может стать исключительно индивид (см. рисунок). Например, Э. Ульман-Маргалит [40] отмечает, что если уверенность может относиться как *к кому-то*, так и *к чему-то*, то доверие формируется только в отношении *кого-то*. Однако длительные отношения между индивидами могут характеризоваться уверенностью в безопасности. Исключение коренится в форме контроля: если уверенность в безопасности как системное дове-

Типичные объекты доверия и уверенности

рие предполагает формальный, внешний контроль по отношению к данному случаю взаимодействия, то уверенность в межличностных отношениях связана с внутренней системой регуляции, присущей системе взаимодействия. Накопление информации о контрагенте приводит к убежденности в обладании практически полным знанием о нем, что создает иллюзию возможности избегания риска оппортунистического поведения в любых ситуациях взаимодействия. Наиболее ярким примером являются дружеские и кровнородственные отношения. П. Коллок в своем исследовании показал, что степень доверия в определенный момент перестает быть переменной, зависимой от фактора неопределенности [28]. Однако появление новых ситуационных условий может изменить картину: исполнение партнером новой роли может вызвать переоценку надежности партнера в нетипичной ситуации, и решение о доверии в данной ситуации будет снова сопряжено с риском того, что ожидания могут не оправдаться.

В-четвертых, доверие всегда формируется в ситуации межличностного взаимодействия и испытывает влияние ситуационных факторов, личностных характеристик контрагента и специфики отношений при длительном взаимодействии. Доверие принципиально социально. Уверенность в этом смысле является постоянной величиной, в известной степени зафиксированной в процессе первичной социализации. Уверенность и чувство безопасности формируются в обстоятельствах, когда индивид испытывает иллюзию полноты знаний о контрагенте. Доверие находится в середине континуума «полное знание – полное незнание». Потребность в доверии возникает в ситуациях, в которых индивид ощущает нехватку информации (ситуации информационной асимметрии).

В-пятых, уверенность и чувство безопасности нивелируют неопределенность благодаря исключению элементов риска по причине ожидания стабильной деятельности социальных институтов или их представителей и в целом

стабильности социального порядка. Доверие связано с решениями, принимаемыми социальными агентами в ситуации выбора на основе ожиданий благонадежного будущего поведения контрагента, а также с риском ошибки из-за неполноты информации и принципиальной невозможности точного прогноза относительно будущего поведения партнера.

Несмотря на достаточно мощное лобби со стороны известных исследователей, в социологическом поле доверия представлен и другой подход. Э. Гидденс не проводит различия понятий «доверие» и «уверенность», дискутируя по этому поводу с Н. Луманом: «Луман, конечно, прав, различая доверие и уверенность, риск и опасность, но так же верно сказать, что они в определенном смысле тесно связаны друг с другом» [21, р. 32]. Э. Гидденс исходит из предположения о нецелесообразности различать эти понятия и рассматривает доверие скорее как проявление уверенности, выделяя два ее типа: базисное доверие и доверие абстрактным системам. «Доверие – кредит доверия агентам или абстрактным системам, основанный на своеобразном “погружении в веру”, которая выносит за скобки игнорирование или нехватку информации» [21, р. 53]. И элементарное доверие, и доверие абстрактным системам (техническим, экспертным) выполняют функции создания локалов стабильности, с присущим им чувством безопасности. По мнению Э. Гидденса, невозможность индивида самостоятельно сохранить стабильность своего жизненного мира вынуждает его верить в бесперебойность функционирования системы и добропорядочность окружающих его социальных акторов. Усвоение установок, способствующих проявлению либо доверительного, либо настороженного поведения происходит в процессе социализации. Таким образом, доверие укореняется в отношении к окружающему миру, оно выполняет функцию своеобразного защитного кокона. Внимание к данному процессу является одним из моментов, важность которых подчеркивали как Э. Гидденс, так и Н. Луман. Вместе с тем в тезисе первого коренится и противопоставление позиции немецкого социолога. Для второго доверие во многом определяется ситуационными факторами, в отличие от уверенности, которая в сильной степени обусловлена именно социально-психологическими особенностями личности, сформировавшимися еще в детстве. Э. Гидденс полагает, что доверие характеризуется «непрерывностью», и «бесполезно привязывать доверие к определенным обстоятельствам, в которых индивид осознанно рассматривает альтернативные способы действия» [21, р. 32]. Такое толкование доверия стирает обозначенную Н. Луманом дифференциацию, хотя сохраняет разделение объектов доверия: индивиды и функциональные/ абстрактные системы. Подход Э. Гидденса: доверие как «погружение в веру» смещает понимание доверия к феномену веры – современной веры в абстрактные системы в условиях социализированной природы, связанной с «онтологической потребностью в безопасности». Иными словами, подход Э. Гидденса скорее дает основания для размышлений о соотношении доверия и веры, чем о соотношении уверенности и доверия.

Дж. Барбалет показывает, как социальная структура связана с определенными эмоциями, развивая мысль о том, что изучение эмоций не должно сводиться исключительно к их микроанализу. Ученый фокусирует внимание на нескольких социально значимых и отчасти социально детерминированных эмоциональных состояниях, которые, с его точки зрения, должны быть включены в методологию изучения социальных структур и социальных действий. К числу такого рода эмоций он относит уверенность (confidence), считая её более общей категорией, чем доверие, так как она может быть описана как «эмоция безопасных ожиданий». Он исходит из положения, что будущее принципиально неизвестно, и это не дает возможности актору оперировать им в терминах калькуляции. Калькуляционные резоны уступают место эмоциям как основанию действия, а «уверенность, привносящая возможное будущее в настоящее, дает чувство определенности тому, что принципиально неизвестно» [9, р. 88]. Для Дж. Барбалета доверие есть «уверенность, связанная с ожиданиями относительно интенций других» [9, р. 96]. Такая идея объединения доверия и уверенности в принципе близка позиции Э. Гидденса.

Промежуточным в определении уверенности и доверия является подход Т. Дас и Б. Тенг (см. [14]), которые полагают, что доверие связано с ожиданиями относительно мотивов объекта доверия, а уверенность относится к воспринимаемому уровню определенности относительно будущего благонадежного поведения партнера. Эта интерпретация близка повседневному толкованию уверенности, выражающему именно степень надежности оценки контрагента.

Обобщенное доверие и межличностное доверие

Теоретические основания идеи обобщенного доверия заложили классики социологической мысли Ф. Тённис, Г. Зиммель в своих рассуждениях об отличительных чертах традиционного и современного (индустриального) общества. В дальнейшем идея обезличивания доверия в условиях современных социальных отношений переросла в исследовательские проекты, предметом которых стало, в частности, и обобщенное доверие. Обобщенное доверие – это не единственное наименование ожидания надежности других индивидов, не связанное с прогнозом их поведения в конкретной ситуации взаимодействия. Обобщенное доверие именуют социальным доверием, несколько реже «общим». В отличие от межличностного доверия, обобщенное доверие не связано с определенной ситуацией взаимодействия и конкретным контрагентом, оно скорее является мировоззренческой установкой, выражающей готовность индивида рассматривать окружающих как заслуживающих доверия.

В известных типологиях доверия это различие также нашло свое отражение. Например, Дж. Дрискол и К. Скотт различают обобщенное доверие и ситуационно-специфическое доверие (см. [26, р. 1]). Т. Ямагиши и его коллеги выделяют обобщенное доверие как отдельный тип наряду с другими формами

«информационного» доверия. По их мнению, ключевое различие коренится в том, что обобщенное доверие «основано на ожиданиях относительно надежности других индивидов вообще (как характеристики людей вообще) и доверии, основанном на информации как доверии, базирующемся на сведениях относительно какого-то определенного индивида» [45, р. 48]. Если межличностное доверие возникает в ситуациях взаимодействия «лицом-к-лицу», то формирование обобщенного доверия связано с мнениями, стереотипами относительно незнакомых индивидов.

Анализ научной литературы, посвященной проблеме социального (обобщенного) доверия, дает основания выделить два подхода к изучению данного феномена. В рамках первого направления социальное доверие выступает показателем межличностного доверия на макроуровне и является отражением культуры доверия и социального капитала общества. Во втором, социально-психологическом подходе обобщенное доверие рассматривается как своеобразная мировоззренческая установка индивида относительно возможности оказания доверия окружающим, предрасположенность к доверию. Основное внимание уделяется социально-психологическим особенностям индивидов, которые, как предполагается, выступают детерминантами проявления обобщенного доверия.

Развитие социетальных концепций обобщенного доверия (первый подход) связано с изучением трех ключевых тем: условия построения гражданского общества, состояние культуры доверия и исследование связи доверия и макроэкономических показателей экономического развития⁵.

Ответ на вопрос, является ли доверие следствием или основой построения гражданского общества, не столь однозначен (см. [37]). Р. Патнэм, например, развивал тезис о влиянии участия в некоммерческих организациях на распространение демократических ценностей и экономическое развитие. Он полагал, что участие в разного рода лигах, ассоциациях, союзах и т. д. способствует аккумуляции в обществе социального капитала и ведет к увеличению социального доверия в межличностных отношениях. Дж. Коулмен [2; 6] придерживался позиции первоочередности доверия, полагая, что доверие способствует накоплению социального капитала, а отношения межличностного доверия формируют «систему доверия» – «это распространение отношений доверия на макроуровень, где они выступают в форме нормативных предписаний» [6, с. 65].

⁵ В каком-то смысле задача исследователей созвучна идее М. Вебера о влиянии протестантской этики на дух капитализма. Если Вебер доказывал, что религиозная этика протестантизма лежит в основе современного капитализма, то основная гипотеза концепции социального капитала применительно к политической и экономической сферам общества заключается в утверждении первоочередной ценности доверия и реципрокности для развития гражданского общества и эффективной экономики.

Доверие и экономическое развитие

Ф. Фукуяма в своей известной работе «Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию» [19] определяет обобщенное доверие как один из основополагающих факторов, обуславливающих экономический рост общества. По мнению Ф. Фукуямы, доверие – «это возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и со вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами» [19, р. 52]. Он исходит из предположения, что уровень доверия, присущий разным культурам, обуславливает темпы формирования социального капитала и влияет на экономическое развитие общества, и только «спонтанная социализированность», которая выражается в создании объединений, отличных от родственных союзов и организаций, построенных на межличностном доверии, может лежать в основе эффективной современной экономики⁶. Однако стоит отметить, что дисфункциональность межличностного доверия с точки зрения процессов макро- и мезоуровня не означает его неэффективности на микроуровне. Российские социологи показали, что в переходный период сети взаимопомощи, построенные на кровнородственных и дружеских отношениях, способствовали успешной адаптации индивидов и домохозяйств или, по крайней мере, преодолению кризисных ситуаций⁷.

Идея, созвучная замыслу Ф. Фукуямы, представлена в исследовании голландских социологов [10; 11], которые предприняли попытку показать неоднозначность связи социального капитала, выраженного показателем обобщенного доверия, и экономическим развитием общества⁸. Соотношению личностного и обобщенного доверия уделяют особое внимание ученые, занимающиеся исследованием трансформирующихся обществ [16; 35].

Обобщенное доверие – индикатор культуры доверия. Несмотря на то что исследователи не фиксируют непосредственного влияния уровня обобщенного

⁶ Ценность кровнородственных отношений снижает не только вероятность спонтанной социализированности, но и распространения разного рода закрытых организаций (преступных группировок, сект и т. д.).

⁷ См., например, [3]. Зарубежные исследователи рассматривают данный аспект доверия в рамках изучения социального капитала социально-территориальных сообществ, хотя доверие в данном случае выполняют скорее индикативную функцию (см., например, [12; 38]).

⁸ Работы С. Бойгельсдейка и С. Смулдерса [10; 11] явились ответом на кросскультурное исследование С. Нэка и П. Кифера, одним из результатов которого стал вывод о том, что уровень обобщенного доверия влияет на улучшение экономических показателей. Как показали расчеты голландских социологов, предложенная авторами модель не является устойчивой. Построив аналогичную модель на сходных данных, они не смогли зафиксировать значимых изменений макроэкономических показателей, обусловленных более высоким уровнем социального доверия. В другом исследовании, посвященном влиянию уровня обобщенного доверия на распространение инновационных технологий, Т. Фолькен пришел к выводу, что на технологическое развитие, особенно в переходных обществах, большее воздействие оказывает системное доверие, а не нормы обобщенного доверия [37].

доверия на экономику, признается их тесная связь, и часто показатели социального доверия рассматриваются в качестве индикаторов «здоровья общества» [36]. В частности, это касается сравнительных исследований, инициированных такими международными организациями, как Всемирный банк, американский Национальный центр по изучению общественного мнения (National Opinion Research Center), Центр сравнительных социальных обследований (Center for Comparative Social Surveys), Всемирная ассоциация ценностных обследований (World Values Survey Association)⁹. Доля людей, считающих, что окружающие заслуживают доверия, в социетальном подходе рассматривается как сравнительный показатель развития культуры доверия в том или ином обществе. Признается, что коллективистским обществам (прототипом которых является *Gemeinschaft*) в большей степени присуще воспроизводство межличностного доверия. «Люди, погруженные в безопасные отношения с членами своего сообщества, сталкиваются со сложностями формирования доверия по отношению к другим» [45, p. 12]. Низкий уровень обобщенного доверия в коллективистских обществах, ориентированных на стабильность и длительные социальные отношения, Т. Ямагиши назвал одним из парадоксов доверия. Феномен недоверия к чужакам наряду с сильным внутригрупповым (межличностным) доверием отмечали многие исследователи [36; 45]. Например, Эдвард Бэнфилд (E. Banfield), исследуя в 1950-е гг. сельские поселения, обнаружил обозначенную тенденцию, назвав ее *аморальной семейностью* (amoral familism) (см. [7]). Интересные данные со ссылкой на исследования П. Димаджо и Х. Лоуча (Paul DiMaggio and Hugh Louch) приводит Р. Бёрт [13, p. 135]: продать машину членам своей территориальной общности готовы 19% ее членов, а купить – 50%, и, наоборот, продать чужаку готовы 31%, а купить у чужака – только 21%.

Второй подход к рассмотрению обобщенного доверия формируют социально-психологические концепции¹⁰. В них на первый план выходят отдельные характеристики индивида, которые способствуют проявлению установки обобщенного доверия, одной из ключевых является оптимистичность. В процессе становления данного подхода происходил постепенный переход от ис-

⁹ В исследованиях этих организаций используется классический вопрос, предложенный С. Нэком и П. Кифером: «Если говорить в общем, то можете ли Вы сказать, что большинство людей заслуживает доверия или в отношениях с людьми следует быть осторожными?» («Generally speaking, would you say that most people can be trusted or that you can't be too careful in dealing with people?»). Уровень обобщенного доверия определяется как доля людей, которые выбрали подсказку о возможности доверять людям в общем числе ответивших на вопрос. Формулировка вопроса вызывает ряд трудностей, связанных с его интерпретацией респондентами и исследователями. В частности, Э. Глезер показал, что ответы на данный вопрос скорее «предсказывают» степень надежности самого индивида, чем установку, связанную с готовностью доверять, проявляющуюся в осуществлении доверительного действия [22].

¹⁰ Концепцию доверия Р. Патнэма также относят к социально-психологическому подходу по причине ее нацеленности на анализ социального капитала и доверия сквозь призму индивидуальных убеждений и решений об участии в социальных сетях; см., например, [18].

ключительно психологического взгляда на доверие к признанию важности и социальных параметров.

Р. Крамер [29] называет обобщенное доверие диспозиционным доверием (dispositional trust), подчеркивая этим индивидуальные различия в предрасположенности к доверию. Дж. Роттер связывал предрасположенность к доверию с индивидуальной выраженностью интернального или экстернального локуса контроля и разработал специальные тесты, фиксирующие уровень (обобщенного) доверия. Он утверждал, что степень готовности индивида оказывать доверие обусловлена опытом доверительных отношений, на котором основывается индивидуальная установка, являющаяся стабильной психологической чертой характера [5, с. 24].

Наиболее ярко данный ракурс изучения социального доверия представлен в работах Э. Усланера [41; 42]. Он рассматривает доверие сквозь призму моральных ценностей и установок, которые разделяются многими членами общества, тем самым создаются условия для формирования социального доверия. В своих исследованиях он пользуется разделением на обобщенное (моралистическое) и специфичное (particularized), стратегическое доверие¹¹. Обобщенное доверие отражает установку индивида оказывать доверие незнакомцам, чужим. Оно не ориентировано «на некоего конкретного индивида в определенном контексте» [42, р. 2], скорее выражает «представления относительно того, как *должны* поступать люди». По мнению Э. Усланера, моралистический тип доверия в большей степени связан с оптимистическим взглядом на мир. Специализированное доверие характеризует отношения с индивидами, с которыми актор ощущает сходство (социальное, территориальное и др.). Оно воспроизводится при наличии предыдущего опыта взаимодействия и обладания информацией о конкретном индивиде, выступающем в роли партнера по взаимодействию, отражая «ожидания относительно того, как люди *будут* действовать» [42, р. 2].

Источники готовности доверять незнакомцам могут быть различными, однако большинство исследователей указывают на специфику первичной социализации. Онтологическая установка на доверие кристаллизуется в процессе

¹¹ Данное положение Э. Усланера близко подходу Т. Ямагиши, который также предлагает проводить аналитическое разделение «уверенности в безопасности» и доверия, а также идеи Р. Патнэма о разной природе и роли «объединяющего» и «связующего» социального капитала. Вероятно, замысел исследователей в качестве источника имеет классическое разделение на «своих» и «чужих». В рассуждениях о феномене обобщенного доверия ученые неизбежно затрагивают вопросы идентичности. Во-первых, это обусловлено важностью такой детерминанты доверия, как оценка надежности окружающих, которая осуществляется на основе представлений индивида о ценностях и культурных нормах данного общества. Во-вторых, признание первоочередной роли социализации для формирования установки доверия позволяет предположить наличие связи между представлениями индивида о себе и Другом. В частности, Д. Гамбетта отмечает, что убеждения индивида относительно надежности других и возможности доверять включены в структуру его социальной идентичности [20, р. 232].

социализации [1; 35]. По мнению Э. Гидденса [1], база обобщенного доверия формируется в первые годы жизни человека, когда в процессе взаимоотношений с родителями и ближайшим окружением ребенок научается полагаться на других – доверять им. Доверие – это способ восстановления интимности жизненного пространства под давлением рисков и опасностей окружающего мира. «Доверие всегда связано со способами организации надежных интеракций вне времени и пространства» [21, р. 101]. Обобщенное доверие, воспроизводящееся структурами жизненного мира, позволяет сохранить стабильность взаимосвязи индивида и окружающей среды благодаря «чувству онтологической безопасности».

Таким образом, научные практики изучения обобщенного, или социального доверия, представлены двумя подходами: социетальным и социально-психологическим. В первом подходе социальное доверие признается и используется в исследованиях в качестве индикатора накопленного обществом (общностью) социального капитала. Несмотря на то что факт влияния обобщенного доверия на макроуровневые показатели является предметом дискуссий, их взаимосвязь не отрицается. Особое значение в данной цепочке отводится культуре доверия, а именно тому, склонны ли люди рассматривать окружающих как заслуживающих доверия. Межличностное доверие традиционного общества уступает место обобщенному доверию.

В рамках второго направления обобщенное доверие трактуется как мировоззренческая установка, отражающая позитивный взгляд на мир, а потому связанная с такими социально-психологическими характеристиками индивида, как чувство оптимизма, удовлетворенность жизнью и др. Постулируется, что основным источником обобщенного доверия служит онтологический опыт, полученный индивидом в процессе первичной социализации. Обобщенное доверие в таком случае можно понимать как диспозицию индивида, его потенциальную готовность (предрасположенность) доверять окружающим, или диспозиционное доверие.

Подводя итог, можно выделить несколько ключевых отличий обобщенного доверия от межличностного. Во-первых, обобщенное доверие может рассматриваться как феномен макроуровня, когда речь идет о кросскультурных исследованиях уровня доверия, описании культуры доверия общества. Межличностное доверие формируется на микроуровне.

Во-вторых, обобщенное доверие не связано с конкретной ситуацией взаимодействия, предметом и объектом доверия, в то время как эти элементы являются неотъемлемым контекстом формирования межличностного доверия.

В-третьих, объектом обобщенного доверия является «незнакомец», «чужой», «обобщенный другой», тогда как межличностное доверие – это доверие конкретному индивиду (как личности или как исполнителю социальной роли). В связи с этим проблематика обобщенного доверия обсуждалась исследовате-

лями именно по причине внимания к характеру взаимодействия с «чужими» в традиционном обществе, а затем с «незнакомцам» в индустриальном и постиндустриальном обществе (см., например, [7]).

В-четвертых, обобщенное доверие – это в основном опыт нашего доверия, усвоенный в детстве, межличностное доверие – более гибкий феномен, зависящий от ситуативных факторов и опыта оказания доверия либо в сходной ситуации, либо определенному контрагенту, потому более хрупкое¹², чем обобщенное доверие.

В заключение следует отметить, что решение об использовании аналитического разделения понятий «уверенность», «уверенность в безопасности», «обобщенное доверие» и «межличностное доверие» является самостоятельным исследовательским решением, связанным с общим дизайном проекта. Но важно подчеркнуть, что использование понятия «доверия» все же требует пояснений и конкретизации исследовательской позиции, в ином случае доверие так и останется лишь интуитивно понимаемым концептом.

Библиографический список

1. Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2005.
2. Коулмен Дж. Капитал социальный и человеческий // ОНС. 2001. № 3.
3. Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999.
4. Селигмен А. Проблема доверия / Пер. с англ. И. Мюрберг, Л. Соболевой. М.: Идея-Пресс, 2002.
5. Скрипкина Т.П. Психология доверия. М.: Академия, 2000.
6. Швери Р. Теоретическая социология Джеймса Коулмена: Аналитический обзор // Социологический журнал. 1996. №1/2.
7. Штихве Р. Амбивалентность, индифферентность и социологии «чужого» // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. Вып.1.
8. Экономика и социология доверия / Под ред. Ю. Веселова. СПб.: Социол. об-во им. М.М. Ковалевского, 2004.
9. Barbalet J. Emotion, Social Theory, and Social Structure: A Macrosociological Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
10. Beugelsdijk S., Smulders S. Bridging and Bonding Social Capital: Which Type is Good for Economic Growth? // <http://spitswww.uvt.nl/web/fsw/lustrum/papers/sjak_sjoerd_revised.pdf>
11. Beugelsdijk S., Smulders S. Trust and Economic Growth // <<http://oep.oxfordjournals.org/cgi/content/full/56/1/118>>
12. Bullen O. Measuring Social Capital in Five Communities in NSW // Journal of Applied Behavior Science. 2000. Vol. 36. № 1.

¹² Данное положение выдвинуто Э. Усланером в противовес достаточно распространенной точке зрения о «хрупкости» доверия (см., например, [30]).

13. *Burt R.* Brokerage and Closure: An Introduction to Social Capital. Oxford; N.Y.: Oxford university press, 2005. Ch.3.
14. *Castaldo S.* Meanings of Trust // <www.sses.se/public/events/euram/>
15. *Castaldo S.* Trust Variety: Conceptual Nature, Dimensions and Typologies // <www.sses.se/public/events/euram/>.
16. *Daheim H., Wei-An Ch., Chavdarova T.* Towards an Analysis of Institutional Culture: Bulgaria, Germany, and Taiwan // *Current Sociology*. 2001. Vol. 49. № 5.
17. *Dasgupta P.* Trust as commodity // *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations* (electronic edition) / Ed. by D. Gambetta. Oxford: University of Oxford, 2000. Ch. 10.
18. *Farrell H., Knight J.* Trust, Institutions and Institutional Changes: Industrial Districts and Social Capital Hypothesis // *Politics & Society*. 2003. Vol. 31. № 4.
19. *Fukuyama F.* *Trust: the Social Virtues and the Creation of Prosperity*. N.Y.: The Free Press, 1995.
20. *Gambetta D.* Can We Trust in Trust // *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations* (electronic edition) / Ed. by D. Gambetta. Oxford: University of Oxford, 2000. Ch. 10.
21. *Giddens A.* *The consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press, 1990.
22. *Glaeser E.* Measuring Trust // *The Quarterly Journal of Economics*. 2000. August.
23. *Harris J.* On Trust, and Trust in Indian Business: Ethnographic Exploration // *Working Paper Series*. L.: LSE, 2002. № 02–35. (<<http://www.lse.ac.uk/collections/DESTIN/pdf/WP35.pdf>>)
24. *Hart K.* Kinship, Contract and Trust in Economic Organization of Migrants in an African City Slum // *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations* (electronic edition) / Ed. by D. Gambetta. Oxford: University of Oxford, 2000. Ch. 6.
25. *Jalava J.* From Norms to Trust // *European Journal of Social Theory*. 2003. Vol. 6. № 2.
26. *Jones G., George J.* The Evolution of Trust and Cooperation: Implications for Teamwork and Tacit Knowledge // <<http://wehner.tamu.edu/mgmt.www/faculty/Gareth-R-Jones/research/thirdtrust.5.html>>
27. *Knack S., Keefer P.* Does Social Capital Have an Economic Pay-off? // *Quarterly Journal of Economics*. 1997. Vol. 112.
28. *Kollock P.* The Emergence of Exchange Structures: an Experimental Study of Uncertainty, Commitment, and Trust // *American Journal of Sociology*. 1994. Vol. 100. № 2.
29. *Kramer R.* Trust and Distrust in Organization: Emerging Perspectives, Enduring Questions // *Annual Review of Psychology*. 1999. Vol. 177. № 4.
30. *Levi M.* A state of Trust // <www.colbud.hu/honesty-trust/levi/pub01.pdf>.
31. *Luhman N.* Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives // *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations* (electronic edition) / Ed. by D. Gambetta. Oxford: University of Oxford, 2000. Ch. 6.
32. *Luhman N.* *Trust and power*. Chichester: Wiley, 1979.
33. *Meents S., Tan Y., Verhagen T.* Distinguishing Different Types of Trust in Online B2B marketplace // <www.swissdigin.ch/RSEEM2003>.
34. *Misztal B.* *Trust in Modern Societies*. Cambridge: Polity press, 1996.

35. *Raiser M.* Trust in Transition: Paper presented at workshop on trust and honesty / Collegium, Budapest, 22–23 November, 2002 // <www.colbud.hu/honesty-trust/raiser/pub02.pdf>.
36. *Rose-Ackerman S.* Trust, Honesty, and Corruption: Reflection on the State-Building Process // <<http://papers.ssrn.com/abstract=283429>>.
37. *Siisiainen M.* Two Concepts of Social Capital: Bourdieu vs. Putnam // www.istr.org/conferences/dublin/workingpapers/siisiainen.pdf.
38. *Stone W.* Measuring Social Capital [Research Paper] // Australian Institute of family studies. 2001. № 24 [online]. <www.aifs.gov.au/institute/pubs/RP24.pdf>.
39. *Sztompka P.* Trust: a Sociological Theory. Cambridge: Cambridge University press, 1999.
40. *Ullmann-Margalit E.* Trust, Distrust, and in Between [online] // <www.law.nyu.edu/clppt/program2001/readings/ullmann_margalit>.
41. *Uslaner E.* The Moral Foundations of Trust. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
42. *Uslaner E.* Trust in the knowledge society [online] // <www.esri.go.jp/en/workshop/030325/030325paper3-e.pdf>.
43. *Volken T.* Elements of trust // Electronic journal of sociology. 2002. Vol. 6 [online] // <www.sociology.org>.
44. World database of trust [online] // <<http://dass.missouri.edu/faculty/hjames/trust>>.
45. *Yamagishi T.* Trust and Social Intelligence: the Evolutionary Game of Mind and Society. Tokyo: Tokyo University Press, 1998.

ТЕДА СКОКПОЛ: ФЕНОМЕН РЕВОЛЮЦИИ В СТРУКТУРАЛИСТСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

.....

О.С. Грязнова¹

Концепция революционного процесса, изложенная Тедой Скокпол в работе «Государства и социальные революции», соединила в себе представления многих социологов, разрабатывавших данную проблематику. В ней можно обнаружить прямое или косвенное влияние идей целой плеяды исследователей – от А. де Токвиля и К. Маркса до Ч. Тилли и Б. Мура, что позволило расширить методологические горизонты и комплексно подойти к исследуемому объекту. При анализе революции Т. Скокпол, сочетая структуралистский подход с методом исторического сравнения, рассматривает государство как состоящую из отдельных, но взаимосвязанных элементов систему в контексте внешних обстоятельств. Автор указывает на важность для собственных построений теории укорененных в классовом конфликте социальных движений К. Маркса, концепции политического конфликта Ч. Тилли, «общего психологического» подхода Т. Гарра и теории «системно-ценностного консенсуса» Ч. Джонсона [12, р. 9].

Вместе с тем Т. Скокпол, не считая «революционный авангард» единственной движущей силой революционного процесса, выносит за скобки «субъективный фактор». В качестве эмпирического материала для анализа Скокпол отобрала три наиболее показательных, по ее мнению, случая: французскую (1787–1800 гг.), русскую (1917–1930 гг.) и китайскую революции (1911–1960 гг.). Исследуя ключевые для социетальных изменений взаимодействия между государственными, экономическими и социальными структурами, она приходит к выводу о том, что для установления причин революции полезно различать внутренние и внешние противоречия как важнейшие структурные условия революции. Внешние противоречия проявляются в невыгодном положении данного государства на международной арене, давлении иностранных государств

¹ Грязнова Ольга Станиславовна – младший научный сотрудник Института социологии РАН. Электронная почта: og1252084@yandex.ru.

в форме военной, экономической или иной экспансии, а внутренние – в ослаблении системы государственного контроля, во внутреннем расколе элиты и др.

Особое внимание в указанной работе уделяется влиянию международного и всемирно-исторического контекста на внутренние политические конфликты. Проанализировав отношения государственных руководителей и их штата к противникам за рубежом и доминирующему внутри страны классу, Скокпол выделяет способы, которыми революционное правительство строит новую государственную организацию в условиях классового конфликта и контрреволюционной военной угрозы.

Французская, русская и китайская революции рассматриваются ею как аналогичные примеры одного образца социально-революционной трансформации. Эта аналогия вызывает споры, так как французская революция традиционно квалифицируется исследователями как революция буржуазная, а русская и китайская – как революции социалистические. Скокпол доказывает, что французская буржуазия в конце XVIII в. вовсе не была революционной, а революция объясняется тем, что власть Бурбонов вошла в состояние кризиса, причины которого аналогичны тем, которые имели место и в России, и в Китае.

Согласно теории Скокпол, революционный процесс возможен только в аграрно-бюрократических обществах, т. е. в обществах с централизованным бюрократическим аппаратом, который пользуется поддержкой влиятельных лендлордов, функционирующих в условиях аграрной экономики. Во всех трех рассмотренных случаях Скокпол находит три фактора ослабления:

- 1) борьба за ресурсы между центральной бюрократией и лендлордами;
- 2) рост недовольности крестьян, перерастающей в бунты;
- 3) сокращение из-за межгосударственных проблем ресурсов, обеспечивавших существование бюрократии и лендлордов.

Во всех трех случаях после революции к власти приходило еще более властное, более централизованное и бюрократизированное правительство, пользующееся массовой поддержкой. Во всех трех случаях революция преобразует образ страны в целом, меняет государственное устройство, классовые структуры и доминирующую идеологию: Франция становится страной-завоевателем, Россия – индустриальной и военной супердержавой, Китай – политически независимым государством, ставшим на путь укрепления экономики, Мексика обретает политическую силу и т.д. Специфика удавшихся революций заключается в том, что сопровождающиеся напряженной классовой борьбой фундаментальные изменения в социальной и политической структуре происходят параллельно, дополняют и усиливают друг друга.

Излагая свою теорию, Скокпол начинает с обоснования исследовательской методологии, а затем переходит к детальному рассмотрению причин и исходов революций, поддерживая свои гипотезы эмпирической аргументацией.

Методология исследования

Для описания динамики революционного процесса Скокпол обосновывает применение широко используемого историками и редкого для современной социологии сравнительно-исторического метода. Этот метод, с одной стороны, является исторически фундированным, а с другой – делает возможными теоретические обобщения на основании изучения многих случаев проявления исследуемого объекта. Выбор метода обусловлен необходимостью совершенствовать теоретическую базу и процесс сбора и анализа эмпирических данных при изучении революций.

Теоретически значимые работы по социологии революций Скокпол делит на «общие теории» и исследования конкретных исторических случаев. Характерной чертой первой группы Скокпол называет обобщенную трактовку понятий и гипотез, что позволяет применять их к широкому спектру исторических примеров; для этих работ характерен дедуктивный метод логического вывода. Ко второй группе Скокпол относит работы, в которых подробно анализируется конкретный исторический материал. Сюда она относит «Социальные истоки диктатуры и демократии» Б. Мура [9], «Крестьянские восстания XX века» Э. Вулфа [14] и «Современные революции» Дж. Дана [5]. Свою работу Скокпол причисляет ко второй группе, однако подчеркивает, что ее работу отличает индуктивный анализ и поиск общей логики протекания всех рассматриваемых революций, а не последовательное изучение каждого отдельного случая.

По теоретической направленности Скокпол выделяет четыре группы концепций: марксистские, комплексные психологические теории, теории системно согласованных ценностей и теории политического конфликта.

По мнению Скокпол, наиболее ярко позиция марксистского направления в социологии революции представлена в работах самого Маркса, который трактовал революцию не как обособленный эпизод насилия, а стремился установить каузальные связи. Всякий революционный процесс запускается классовым конфликтом, сбоем в способе производства, проявляющемся в разрыве между производительными силами и производственными отношениями. Революция по завершении порождает новый способ производства, который является производной от разрешения конфликта в пользу той или иной стороны. И именно понимание революции как следствия объективных структурных противоречий видится Скокпол наиболее плодотворным.

Идейные корни других трех направлений Скокпол усматривает в работах Токвиля, Дюркгейма и Вебера. Именно изучение работ этих авторов позволи-

ло социологам революции приступить к теоретической разработке концепций, призванных объяснить истоки политической нестабильности и насилия. В основании разделения этих трех направлений лежит как раз то, что рассматривается исследователями в качестве базового фактора при формировании революционного процесса.

В комплексных психологических теориях революция описывается в терминах психологических мотивов людей на участие в политическом процессе, в актах насилия и присоединение к оппозиции [1]. В теориях системно согласованных ценностей больший акцент ставится на стремление идеологических движений нарушить социальное равновесие [8], а в теории политического конфликта причины революции усматриваются в борьбе правящих структур и других организованных групп за власть [13].

Проанализировав работы, относящиеся ко всем четырем направлениям, Скокпол выделяет три общих для них базовых момента.

1. Изначально изменения в социальных системах порождают социальную дезориентацию и недовольство у населения, появление новых социальных групп со специфическими интересами, а также складывание новых социальных условий, при которых возможна общественная мобилизация.

2. Затем формируются массовые социальные движения, цементируемые идеологией и хорошей организацией. Цель этих движений – свержение правительства или даже всего социального порядка (строя).

3. Революционные движения ведут борьбу с правительством и в случае победы пытаются устанавливать собственное правление [12, р. 14–15].

При построении своей концепции Скокпол учитывала все эвристические моменты, разработанные в рамках этих направлений. Однако более всего в своем исследовании она обращалась к работам, представляющим марксистское направление и теории политического конфликта. В качестве базового противоречия в обществах Скокпол называет классовые отношения, при которых непродуцирующие группы осуществляют контроль над произведенным продуктом и присваивают излишки. И одной из задач, во многом основополагающей в данной работе, автор называет изучение взаимодействия между крестьянами и лендлордами и выявление характерных черт такого взаимодействия в трех рассматриваемых странах в их революционный период: во Франции, в России и в Китае. Также Скокпол обращает внимание на причины и развитие классового конфликта во время революций. Однако марксизм не дает ответа на вопрос, как и когда представители разных классов осознают, что способны отстаивать свои интересы. И здесь на помощь приходят концепции политического конфликта, где основанием коллективного действия является групповая сплоченность и доступ к ресурсам. Соответственно в своей работе Скокпол

ставит целью изучить классовую структуру революционных обществ, интересы разных классов, характерные черты их организации и доступа к ресурсам.

Для изучения причин и развития революций Скокпол выделяет три основных принципа анализа, которых должен придерживаться исследователь:

- 1) следовать неволюнтаристическому структуралистскому подходу;
- 2) учитывать международный контекст, характер включенности революционного общества в международную структуру и мировой исторический процесс;
- 3) признавать государство бюрократической и репрессивной организацией, склонной отделяться от социально-экономических интересов и социальных структур.

Метод сравнительного исторического анализа

Подходя к проблеме сравнения отдельных случаев революции, Скокпол столкнулась с методическими разногласиями в американской социологии. На момент исследования доминирующей методической точкой зрения было убеждение, что действительно научно могут быть изучены только те объекты или явления, которых можно отобрать статистически значимое число. Революции к числу подобных объектов исследования явно не относятся. Критике подвергались так называемые «естественные историки» (в том числе Л. Эдвардс [2; 7], К. Бринтон [3] и Дж. Петти [10]) за то, что их исследования опираются на анализ небольшого числа случаев и являются больше историческими. Это мнение было выражено в тезисе Г. Экштейна о том, что теоретическим предметом может выступать набор объектов, о которых можно сделать информативные и проверяемые обобщения, справедливые для всех последующих проявлений исследуемого предмета. Число таких объектов должно быть достаточно велико для того, чтобы иметь возможность методологической верификации при помощи методов статистического анализа [6, р. 8–10]. Многие исследователи стремились уйти от подобной проблемы и расширяли понятие исследуемого предмета: одни включали его в структурно-функциональные категории социальных систем [8], другие относили его к разряду актов политического насилия [1], а третьи – к коллективному действию [13]. В рамках этих подходов исследовались отдельные аспекты революций (относительная депривация, государственный раскол, потеря социальной системой своего равновесия, массовые движения и т.д.), однако они блокировали комплексное изучение данного феномена.

В отличие от упомянутых теорий марксизм представляется Скокпол направлением, наиболее полно объясняющим феномен революции. Однако, по ее мнению, теоретический потенциал марксистских теорий не был в полной мере раскрыт при изучении революционных процессов. Исследователи в большей

степени обращали внимание на классовые конфликты и изменение классовых отношений, оставляя в стороне изучение качественных характеристик государства, его структуры, отношения государственных организаций (особенно армии и административных органов) и классовых структур и т.д.

Революция является предметом исследования не только социальных теоретиков, но и историков. Однако если первые склонны стремиться к научной верификации своих исследований, то последние – к точности в описании исследуемых процессов. Скокпол указывает на методологический разрыв этих подходов, с одной стороны, и на потенциальную взаимовыгодность использования достижений как первых, так и вторых – с другой. Автор предлагает для изучения революций использовать метод, который позволял бы и делать обобщения на примере рассмотрения отдельных исторических случаев, и быть достаточно чувствительным с исторической точки зрения. Скокпол предлагает использовать метод сравнительного исторического анализа, цель которого разработать, проверить и уточнить каузальные и объяснительные гипотезы относительно процессов и структур таких макрообразований, как национальные государства [12, р. 36].

В основании метода сравнительного исторического анализа лежит логика Дж. Ст. Милля. Данный метод применим для построения заключений о макроисторических примерах, обращаясь при этом к рассмотрению небольшого количества событий, имеющих в качестве возможных причин большое число переменных. Наиболее плодотворным Скокпол видит совмещение методов единственного сходства и единственного различия, которые позволяют выдвигать гипотезы о причинах революционного процесса и осуществлять их эмпирическую проверку. В качестве случаев, подвергаемых изучению при помощи метода единственного сходства, Скокпол отобрала успешные революции во Франции, России и Китае. А для валидации своей аргументации она использует метод единственного различия, например, противопоставляет успешную революцию в России в 1917 г. неудачной в 1905 г. для демонстрации значимости в качестве причины такой переменной, как поражения в войне.

Говоря о характерных чертах сравнительного анализа, Скокпол указывает на его отличие от того метода, которым пользовались «естественные историки» (Л. Эдвардс, К. Бринтон, Г. Петти и т.д.). Методические различия связаны прежде всего с целью, на которую ориентированы исследования: если в первом случае особый интерес вызывают причины революции, то во втором – логика протекания революционного процесса. А цель в свою очередь порождает расхождения в теоретическом понимании самого процесса: сторонники метода сравнительного анализа полагают, что его ход от случая к случаю может претерпевать некоторые изменения, в то время как другие представляют его как регулярный цикл, повторяющийся в своих фазах во всех возникающих случаях. И если при проведении исследований в первом случае использовались

индуктивные методы логического вывода, то во втором, по мнению Скокпол, – дедуктивные. Автор указывает на то, что «естественные историки» уделяли недостаточно внимания сравнению отдельных случаев революции, а использовали исторические примеры в качестве иллюстраций для своих теорий.

Скокпол обозначает три основные проблемы, с которыми сталкивается исследователь, работающий в рамках метода сравнительного исторического анализа.

1. Возникают сложности с поиском случаев, которые были бы друг другу тождественны для процедуры сравнения ввиду уникальности как внутренних, так и внешних контекстов существования различных обществ.

2. Чтобы процедура логического вывода была корректной, события должны быть независимыми друг от друга. Однако в случае с революциями это представляется достаточно проблематичным, так как все они происходят в определенном международном контексте и часто служат катализаторами друг друга.

3. Сравнительный исторический анализ требует привлечения теории, поскольку сам по себе является только средством в исследовательской деятельности. Только теория может предложить объект исследования и выдвинуть гипотезы относительно предмета исследования.

Автор называет метод сравнительного исторического анализа идеальной исследовательской стратегией, позволяющей использовать исторический материал в качестве эмпирической базы для проверки теоретических гипотез и приращения нового знания за счет установления новых каузальных связей между событиями.

Отбор случаев

Для своего исследования Скокпол отобрала три революции, основываясь на тезисе, что для использования метода сравнительного исторического анализа более подходят те, у которых имеются черты, определяющие их базовое сходство. Скокпол выделила два основополагающих признака:

- 1) государственные и классовые структуры в рассматриваемых обществах складывались исторически и не были подвержены колониальному влиянию;
- 2) революционный процесс длился достаточно долго, чтобы проследить социальную трансформацию, начиная с ослабления старого режима и заканчивая формированием новых государственных структур.

Далее Скокпол называет еще несколько условий, которые позволили отнести французскую, русскую и китайскую революции к одной группе:

- 1) все три революции произошли в богатых аграрных странах, имеющих политические амбиции;

2) государства, в которых произошли эти революции, были прото-бюрократическими автократиями, которые вступили в конкуренцию с более сильными в экономическом и политическом отношении странами;

3) во всех трех случаях кризис в международных отношениях сочетался с внутренними структурными противоречиями, что проявлялось:

а) в слабости системы управления старого режима;

б) в распространении протестных акций среди низших классов;

в) в попытках политических лидеров посредством массовой мобилизации установить революционную власть;

4) исходом всех трех случаев было создание централизованных, бюрократических государств, получивших возможность стать супердержавами;

5) были устранены препятствия и созданы новые условия для дальнейшего социального развития посредством централизации и более активного вовлечения населения в экономическую и политическую жизнь [12, р. 41].

Помимо поиска общих характеристик, Скокпол останавливается также на специфических сторонах рассматриваемого процесса для определения возможных отклонений в последовательности событий и их причинности.

Структуралистский подход

Скокпол представляется не вполне корректной высказываемая во многих исследованиях гипотеза, согласно которой революционный процесс является движением, имеющим цель. Автор полагает, что необходимо обращать внимание не столько на цель революции в ее развернутой фазе, сколько на причины, которые стали основанием сплочения революционных лидеров и их последователей в стремлении бороться против режима. Иными словами, она выводит исследовательский поиск на проблематику структурных противоречий общества. Проанализировав работы своих предшественников, Скокпол приходит к заключению, что ни одна концепция полностью не раскрывает механизмов возникновения явных конфликтов в социальной организации.

Говоря об обнаруженных заблуждениях, автор формулирует тезис о том, что социальный порядок держится на консенсусе большинства, а следовательно, ни один режим не может существовать, когда большинство не удовлетворено существующим положением вещей. Далее, говоря о предзаданности целей революций, она аргументированно показывает, что ни одна успешная революция не была «сделана» через сознательное формирование массового недовольства и мобилизации. Напротив, ход революционного процесса зависит от того, в каких условиях сформировалась революционная ситуация, каким было военное-политическое состояние страны и какие классы набирали силу в данный момент. Во время революции различные социальные группы включаются в сложную сеть конфликтов, которые провоцируются или ограничиваются со-

циально-экономическими условиями и международным контекстом. Ни один из коллективных участников революции не может прогнозировать конечные результаты этого процесса, целиком направлять его и полностью удовлетворять свои интересы.

В качестве базовых принципов структуралистского подхода Скокпол называет необходимость, во-первых, определять причину возникновения, а не «создания» революционной ситуации внутри старого режима и, во-вторых, учитывать всю сложность действий и взаимодействий между различными социальными группами, а также вызвавшие их объективные условия, давшие толчок развитию революционного процесса [12, p. 18].

В целом же структуралистской перспективой на историческую действительность Скокпол называет безличностную и несубъективную позицию, при которой рассматриваются образцы взаимодействия различных социальных групп и целых обществ [12, p. 18].

Международный и всемирно-исторический контекст

Изучение международного и всемирно-исторического контекста является частным случаем проявления структуралистской перспективы. Здесь обращается особое внимание на структурные взаимосвязи между различными государствами, т. е. затрагивается макроуровень социальных отношений. Скокпол настаивает на том, что международные отношения оказывают значительное влияние на возникновение социальных кризисов и революционных движений, что все причины, результаты и последствия современных социальных революций должны быть рассмотрены в контексте неравномерного распространения капиталистической экономики и образования национальных государств.

Скокпол указывает, что в изучении влияния модернизации на формирование революционного процесса акцент делается на возникновение экономических кризисов внутри национальных государств. Экономическое развитие, понимаемое либо как совершенствование технологий и следующее отсюда разделение труда, либо как аккумуляция капитала и рост буржуазии, рассматривается как катализатор последующих изменений и в других сферах социальной жизни. Таким образом, само употребление понятия модернизации в анализе революций заставляет видеть в революционном процессе цели и закономерности прогрессивного развития обществ. Скокпол не отрицает в своей работе ни того, что быстрые и значительные экономические изменения дестабилизируют социальную систему и приводят к росту массовых недовольств и политических волнений, ни того, что развитие нового способа производства ведет к росту нового класса, заинтересованного в утверждении себя через революцию. И все же она в своей работе стремится уйти как от структурно-функционалистского эволюционизма, так и от однолинейности марксизма. Модернизация, с течением времени охватившая большинство европейских стран, проявляла себя

по-разному в разных обществах, а если говорить о неевропейских странах, то там ее влияние имело вообще особый характер. Помимо непосредственного экономического развития при изучении революций следует брать в расчет и существующие классовые и политические структуры, которые определяют общие и специфические характеристики трансформационных процессов в разных обществах.

Помимо модернизационных международных процессов, включенности государств в сеть всемирных экономических отношений, Скокпол указывает на необходимость учитывать место государства в конкурентной борьбе на международной арене. На примере европейских стран автор показывает, как успешное экономическое положение одних стран становится катализатором изменений в других странах, подталкивает глав государств к проведению централизации и технологическому переоснащению армий, к попыткам бюрократического влияния на интенсификацию экономического развития, а также к совершенствованию финансового администрирования. Такая конкурентная борьба оказывает влияние не только на ситуацию внутри стран, но и становится двигателем распространения «цивилизации» по всему миру [12, р. 21]. Частным примером такой экспансии служит колониальная политика.

Функционирование системы международных отношений изучали многие исследователи, однако Скокпол упрекает их в излишнем экономическом детерминизме. Автор полагает, что помимо чисто экономических факторов следует учитывать стремление национальных государств контролировать собственную территорию и население, их активное или пассивное участие в военном соперничестве с другими государствами, способность к эффективно-му управлению и массовой политической мобилизации, а также стремление и возможности осуществлять экономическое обновление внутри страны. На протяжении Нового времени формировалась особая международная система, в которой государственные структуры и их развитие были теснейшим образом связаны с капитализмом, однако, настаивает автор, не сводились исключительно к нему.

Таким образом, помимо внутренних структур и процессов изучаемого общества стоит принимать во внимание переменные, характеризующие внешний контекст его существования: структуру всемирной капиталистической экономики и место в ней данного общества, исторические изменения и появление новых моделей политического действия, которые могут заимствоваться революционными лидерами.

На формирование революционных процессов внутри страны могут оказывать влияние следующие факторы:

- 1) неравные отношения или соперничество с другими государствами, провоцирующие встряску внутриполитической ситуации и классовой структуры;

2) слабость на международной арене, в том числе отставание в военном отношении или внешнюю политическую зависимость;

3) экономическое отставание от других стран, которое может приводить к поражению в войне или угрозе внешнего вторжения, поражению в борьбе за контроль над колониями.

Эти факторы оказывают влияние и на авторитет властей, и на способность последних контролировать ситуацию внутри страны, что порождает социальные конфликты и структурные изменения в обществе.

При этом, по мнению Скокпол, не стоит полагать, что международные отношения оказывают прямое влияние на население и на ситуацию внутри страны, поскольку влияние внешних факторов на внутреннюю политику опосредуется государственными руководителями. И чтобы понять, насколько модернизация является причиной и катализатором революции, нужно прежде всего обращать внимание на позицию руководства страны (как старого, так и революционного) в международных вопросах.

Относительная автономия государства

В отличие от большинства исследователей революции, Скокпол предлагает рассматривать государство не как арену политической борьбы различных социальных групп, имеющих свои интересы, а как потенциально автономную структуру. Государство понимается ею как совокупность административных, контролирующих и военных организаций, возглавляемых или, по крайней мере, координируемых исполнительной властью [12, р. 29], как самостоятельная организация, осуществляющая контроль над территорией и людьми. Автономия государства достигается посредством изъятия ресурсов у населения и использования их для создания и поддержания репрессивных и административных организаций. Эти организации формируются и функционируют в условиях предзаданных классовых и хозяйственных отношений, а также внешних экономических тенденций. Репрессивные и административные организации являются только частью политической системы, в которую могут входить и другие институты, опосредующие возможность участия населения, отдельных социальных групп и индивидов в политическом процессе. С подобными ограничениями сталкивается и само государство. Скокпол указывает на особое значение для функционирования государства определенной геополитической среды, существующей внутри страны экономики и классовой структуры.

Важное место при рассмотрении государства занимает его взаимосвязь с доминирующим классом. В отличие от других теоретиков, Скокпол полагает, что государство не всегда выражает его интересы, а в ряде случаев, напротив, использует его ресурсы и ресурсы всего общества для достижения собственных целей, что в свою очередь приводит к конфликтам. К числу непосредствен-

ных задач государства Скокпол относит прежде всего поддержание внутреннего порядка и реальное или возможное соперничество с другими странами. Включенность государства в сеть международных отношений делает его относительно автономным в выстраивании своих отношений и с доминирующим классом, и с обществом в целом, но одновременно ставит его в зависимость от международного контекста. Например, внешние военные кампании способствуют оттоку ресурсов из экономики внутри страны и тем самым подрывают позиции доминирующего класса; государство может проводить социально-экономические реформы под внешним давлением.

Избежать влияния отдельных сильноресурсных групп государственные лидеры в состоянии даже тогда, когда они проводят политику, удовлетворяющую базовый интерес доминирующего класса в целом – ради сохранения классовой структуры и существующего способа производства. И государство, и доминирующий класс заинтересованы в подчинении низших классов и удержании их представителей на рабочих местах, а также в структуре экономической организации труда.

Несмотря на приверженность Скокпол социально-структуралистской парадигме в изучении революций, она указывает, что при объяснении некоторых конкретных революций требуется применять такой подход, который бы в большей мере учитывал роль государства. По ее мнению, политические кризисы, которые становились толчком революционных процессов, были не следствием социальной напряженности или классовых противоречий, а выплеском противоречий, коренящихся в структурах старого режима. Таким образом, изменения в экономической и политической жизни страны, которые происходят после революции, являются продолжением не столько структурных изменений в обществе, сколько функциональных изменений в системе государственной власти.

Говоря о потере государственной властью легитимности, Скокпол подчеркивает, что этот факт является не причиной революционных взрывов, а индикатором того, что государство перестало справляться со стоящими перед ним и вновь возникающими задачами. Однако даже при потере легитимности государство может продолжать существовать и оставаться стабильным, если его репрессивные организации эффективно функционируют, что говорит в пользу тезиса о независимости государства². Утрата же легитимности государства в глазах представителей репрессивных организаций – надежный предвестник падения государства.

Подводя итог теоретическим основаниям своего исследования, Скокпол намечает план плодотворного исследования революций:

- 1) структура репрессивных и административных организаций;

² Приводя этот аргумент, Скокпол ссылается на Кэтрин Чорлей [4] и Дайану Рассел [11].

- 2) их место в целостной структуре государственного аппарата;
- 3) их взаимодействие с социальными классами;
- 4) их взаимосвязь с политически активными социальными группами;
- 5) функционирование различных социальных групп;
- 6) точки пересечения международного контекста с классово структурированной экономикой и политическими интересами разных групп.

Последняя переменная является очагом политических противоречий, из которых впоследствии берет начало революционный процесс.

Причины социальной революции

Выводы о причинах революции следуют из структуралистского методологического подхода. Скокпол в поисках причин обращается к рассмотрению внутренних структур революционного общества и внешних структур международных отношений. Однако автор сама указывает, что революционный процесс – следствие одновременного возникновения комплекса противоречий как во внешних, так и во внутренних структурах. Эти противоречия часто имеют взаимообуславливающий характер. В частности, базовой причиной возникновения революционной ситуации во Франции в конце XVIII в., в России в начале XX в. и в Китае в середине XX в. она называет неспособность старого режима ответить на вызов меняющейся международной ситуации. В свою очередь эта макропричина является производной от комплекса более мелких факторов, которые можно выявить, ответив на такие вопросы, как «Почему государство старого режима оказалось неспособным противостоять внешнему давлению?» и «Почему обострилось внешнее давление на государство?». Эти вопросы как раз отсылают нас к проблеме поиска противоречий во внутренних структурах и в международном контексте.

Внутренние противоречия Скокпол пытается выявить из анализа двух кластеров структурных взаимодействий: взаимодействий государственных организаций и высшего класса землевладельцев, с одной стороны, и государственных организаций и другими субъектами аграрной экономики – с другой.

Сравнивая структурную организацию трех предреволюционных обществ, Скокпол выделяет одну общую особенность, определяющую целый комплекс характерных для них признаков, – все три были имперскими государствами, стремящимися главным образом поддерживать порядок внутри страны и бороться с внешними врагами. Эти государства отличала централизованная административная и военная иерархия в условиях абсолютной монархии. Однако сила влияния государства на общество в то время была гораздо слабее, чем в современных бюрократиях. Имперские государства не могли полностью контролировать аграрные социально-экономические отношения, а имели возможность их только корректировать. Они были ограничены также в исполнении

присущих им функций: в финансировании войн за рубежом, в возможности контролировать общество для поддержания порядка, в присвоении ресурсов посредством военного набора, налогов на землю, торговлю и т. д.

Все три государства – преимущественно аграрные, основными субъектами экономических отношений в них выступали крестьянские семьи и землевладельцы, причем доминировали последние. И несмотря на то что рыночные отношения были достаточно развиты, а в городах и отдельных регионах страны значительную роль играли рабочие, предприниматели и промышленники, сельское хозяйство по-прежнему оставалось экономически более значимым, чем коммерция и индустрия. Торговые и промышленные элиты либо относились к высшему классу землевладельцев, либо же зависели от государства. Таким образом, возникавшая политическая напряженность проистекала не из разногласий торговых и промышленных элит с классом землевладельцев, а из противоречий между производящим классом, доминирующим классом и государством, с одной стороны, и между классом землевладельцев и государством, с другой стороны [12, р. 48].

В качестве очевидного факта Скокпол указывает на то, что класс землевладельцев и имперское государство выступают партнерами по контролю и эксплуатации крестьянства. Землевладельцы в случае крестьянских бунтов ищут у государства защиты их статуса и привилегий. Несмотря на это, они выступают также и конкурентами за контроль над человеческими ресурсами и излишками аграрного производства. Конфликт в данном случае является следствием того, что государство направляет материальные средства на цели, которые землевладельцам представляются излишними, нерациональными и ущемляющими их базовые интересы: например, увеличение затрат на военные нужды или на вмешательство государства в экономическую жизнь общества с целью ее централизации. Иными словами, государство и землевладельцы по-разному расставляют приоритеты в использовании излишков: если первые ориентированы на использование ресурсов для поддержания международного статуса и централизации государственной власти, то вторые – прежде всего на усиление социально-экономического положения внутри страны.

В данном случае Скокпол указывает на точки потенциального возникновения политической напряженности. Однако то, каким образом и в какой форме будет проистекать политический конфликт, становится более ясным при анализе комплекса исторических условий и институциональной организации автократических имперских государств. Все три рассматриваемые государства не были похожи ни на парламентские, ни на полностью бюрократические. Представители доминирующего класса так или иначе имели доступ к государственным структурам и могли обеспечивать себя определенными привилегиями, но сильного влияния на государственном уровне не имели. Встав же перед серьезной проблемой, этот класс может превратиться в такую органи-

зацию, которая в состоянии будет противостоять государству в ущемлении собственных интересов. В качестве подобной проблемы чаще всего выступает международное соперничество, по причине которого происходит значительный отток ресурсов из внутренней экономики, а также требуется значительное ускорение темпов развития многих отраслей народного хозяйства в стране. И, как уже отмечалось, возникновение революционной ситуации зависит от того, в состоянии ли будет власть мобилизовать для этого значительный объем материальных и социальных ресурсов. Франции, России и Китаю этого сделать не удалось, однако Пруссия и Япония в XIX в. смогли организовать подобную мобилизацию посредством использования такого аргумента, как обращение к традиции. В последнем случае государственная власть не встречала сопротивления ни со стороны аграрной экономики (как в случае с Россией [12, р. 81–99]), ни со стороны класса землевладельцев, обладающих политической властью и возможностью блокировать государственные инициативы (как в случае с Францией [12, р. 51–67] и Китаем [12, р. 67–81]).

Второй кластер в структуре социального взаимодействия – это отношения государства, доминирующего класса и крестьянства. Вопреки тенденции, имеющей место в работах других исследователей, большее внимание уделять роли рабочих в революционном процессе, Скокпол обращается к изучению места и значения крестьян в процессе возникновения социально-политической напряженности. Автор утверждает, что роль крестьянских бунтов во многом была решающей в критические моменты революционного процесса. Значимость крестьянства объясняется через функционирование экономических структур аграрных стран, где оно выступает основным производящим классом. Без крестьянских бунтов ни одна революция не была бы успешной. Для обоснования этого тезиса приводится сравнительный анализ «положительных случаев» (Франция, Россия, Китай) и отрицательных (Англия, 1640–1689 гг., Германия, 1848–1850 гг.). Несмотря на значительный всплеск волнений в городах Англии и Германии, социальная революция не состоялась ввиду недостаточно выраженной борьбы крестьян с землевладельцами.

Характерные черты участия крестьян в успешных революциях в рассматриваемых странах – широкий охват протестных волн и непосредственная борьба с землевладельцами. Пытаясь ответить на вопрос, почему крестьянство, в целом склонное к бунтам, в большинстве случаев не доходило до революционного предела в выражении своих настроений, а в некоторых случаях становилось активным действующим лицом революций, Скокпол указывает на то, что радикализации крестьянских настроений в большей степени способствует исчезновение границ между крестьянскими локальными общинами. Прежнее замкнутое положение не позволяло крестьянам делиться своим недовольством с другими крестьянскими сообществами и тем самым обнаруживать сходство интересов, что впоследствии порождает солидарность. Но исчезновение

границ между крестьянскими общинами – это не прямая причина, а скорее производная от структурных смещений, происходящих в обществе. Базовой причиной исчезновения подобных границ, а также прямой конфронтации крестьянства и землевладельцев является ослабление социального контроля над производящим классом, что в свою очередь коренится в комплексе других структурных противоречий, некоторые из них были рассмотрены ранее.

Распространение крестьянских бунтов служит не только индикатором возникших структурных противоречий в обществе, но и катализатором еще большего ослабления экономического и политического порядка в стране, что в свою очередь приводит к падению государственного режима. Помимо прочего эти бунты способствуют выдвижению новых политических элит на лидирующие позиции, отвлекая значительный объем средств социального контроля и внимания его агентов на себя.

Рассмотрев концепции, объясняющие причины бунтарских настроений крестьянства, Скокпол из трех основных гипотез полностью не приняла ни одну: ни идеологическую мобилизацию, ни чрезмерную эксплуатацию, ни относительную депривацию. Она отрицает решающее влияние идеологической составляющей на формирование протестных настроений крестьянства, так как бунты в большинстве случаев направляли реальные и прагматические цели: получить больше земли, избавиться от больших поборов и контроля государственных представителей. Также она отрицает в качестве причины восстаний сильную эксплуатацию, поскольку крестьянство, находясь в маргинализованном положении, было вынуждено всегда терпеть и высокие налоги, и барщину, и другие виды поборов. А относительная депривация кажется автору слушком психологизированной и практически неverifiedируемой переменной. Чтобы установить наличие относительной депривации в революционных обществах, нужно непосредственно во время революционного взрыва опросить репрезентативное число крестьян. Однако проделать такую процедуру практически невозможно, кроме того, она неприменима к уже произошедшим революциям.

Вслед за Эриком Вулфом Скокпол полагает, что объяснение причин солидаризации крестьянства и оформления их недовольства в реальные акты протеста нужно искать в том, какое место занимает крестьянство в структуре окружающих их властных отношений [14, р. 290]. Способность крестьянства к организованному коллективному действию, по мнению Скокпол, определяется тремя структурными условиями:

- а) уровнем и качеством солидарности представителей этого класса;
- б) степенью их автономии от повседневного надзора и контроля со стороны землевладельцев;
- в) ослаблением репрессивных санкций со стороны государства в ответ на крестьянские бунты [12, р. 115].

Применение структуралистского подхода для анализа сети и характера взаимодействия различных социальных субъектов в сельской местности, согласно Скокпол, не должно быть независимо от исторически сложившегося целостного институционального контекста. Особое внимание следует обращать на два типа социальных взаимосвязей, которые автор выделила из марксистского подхода к изучению производительных сил и производственных отношений:

1) отношения между представителями производящих групп, а также их отношение к средствам производства и к земле в повседневных трудовых практиках;

2) отношения, в которых часть произведенного продукта изымается у его непосредственных производителей и присваивается непродуцителями.

При этом не стоит оставлять в стороне и то, каким образом аграрные порядки отдельного общества встраиваются в государственные политические структуры и как осуществляется взаимодействие местных и государственных властей. На возможность возникновения и силу крестьянских волнений опосредованное влияние оказывает и международный контекст. В целом конкуренция страны с другими государствами и модернизационные вызовы особенно опасны, когда ослабевает репрессивная способность и потенциал централизации и целостности.

* * *

Итак, Скокпол обосновывает и раскрывает два принципиальных тезиса: 1) теория классового конфликта не в состоянии полностью объяснить социально-политические изменения в государстве и обществе; 2) государственная власть не является исключительно инструментом доминирующего класса в достижении его интересов; государство имеет собственные интересы и выступает относительно автономной стороной в ключевых общественных противоречиях.

Возникновение революционной ситуации, логика развития революционного процесса и формирование нового политического режима, по ее мнению, зависят от характеристик государственных структур, от характера взаимодействия репрессивных и административных государственных структур с основными социальными классами внутри страны, с внутренними политическими силами и с другими государствами. Революции также не были следствием преднамеренных действий ни революционеров, ни политически влиятельных групп, а возникали вследствие давления на государства комплекса причин, а именно военного международного соперничества, внешнего вторжения, ограничения области действий центральных властей структурами аграрных отношений и политическими институтами. С ослаблением государства в социально-политической жизни всплывают прежде замалчиваемые противоречия и классовые конфликты. Возникает ситуация так называемого междувластия, когда старый

режим уже разрушен, а новый еще не создан. На этом этапе большое значение приобретают протестные движения среди крестьянства, которые окончательно подрывают основы старого режима через перераспределение собственности и девальвацию статуса прежнего доминирующего класса. Если на этапе между-власти происходит подобная трансформация классовых структур, возникает тенденция к формированию нового режима. Возникающее новое государство становится более независимым от общества, более централизованным и бюрократическим, способным удержать свои позиции в условиях международной конкуренции и подавить внутренних «врагов». Помимо этого государство получает возможность использовать собственную власть для интенсификации экономического развития страны, вовлекая в производственный процесс более широкие слои населения и требуя от них большего объема трудовых затрат.

Говоря о выводах и наблюдениях, сделанных в рамках проведенного исследования, Скокпол указывает на то, что их невозможно автоматически переносить на анализ других случаев. Каждая революция возникает в конкретных исторически сформированных социальных структурах и в определенном международном контексте.

Библиографический список

1. *Гарр Т.Р.* Почему люди бунтуют? СПб.: Питер, 2005.
2. *Эдвардс Л.* Естественная история революции / Пер. с англ. О.С. Грязновой // Социологический журнал. 2005. №1.
3. *Brinton C.* The Anatomy of Revolution. N.Y.: Vintage Books, 1965.
4. *Chorley K.* Armies and the Art of Revolution. Boston: Beacon Press, 1973.
5. *Dunn J.* Modern Revolutions: An Introduction to the Analysis of a Political Phenomenon. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1972.
6. *Eckstein H.* Internal War: Problems and Approaches. N.Y.: Free Press, 1964.
7. *Edwards L.P.* The Natural History of Revolution. Chicago: University of Chicago Press, 1970.
8. *Johnson Ch.A.* Revolutionary Change. Stanford: Stanford University Press, 1982.
9. *Moore B.* Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston: Beacon Press, 1993.
10. *Pettee G.S.* The Process of Revolution. N.Y.: Harper, 1938.
11. *Russel D.* Rebellion, Revolution and Armed Force: a Comparative Study of the Fifteen Countries with Special Emphasize on Cuba and South Africa. N.Y.: Academic Press, 1974.
12. *Skocpol T.* States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1979.
13. *Tilly Ch.* From Mobilization to Revolution. Reading: Addison-Wesley, 1978.
14. *Wolf E.* Peasant Wars of the Twentieth Century. N.Y.: Harper & Row, 1969.

ГРАНИ ОПЫТА В СВЕТЕ АМЕРИКАНСКОГО ПРАГМАТИЗМА И ФРАНЦУЗСКОЙ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

.....

О.В. Ковенева¹

Прагматизм в философии

Прагматизм (от греч. «prágma» – дело, действие) – философское течение, возникшее в США в 1870-е гг. и оказавшее большое влияние на философию XX в. Зарождение и развитие идей прагматизма связано с именами таких ученых, как Ч. Пирс, У. Джеймс и Дж. Дьюи. В целом прагматизм можно определить как доктрину, занимающуюся «изучением мыслительных и иных структур, обеспечивающих успешность, полезность и продуктивность человеческих действий» [17, с. 244]; к центральным понятиям прагматизма относятся понятия «человеческое действие» и «опыт» [46] в их отношении к практической реализации.

Впервые исследовательская программа прагматизма была заявлена Чарльзом Пирсом (1839–1914) в статье «Как сделать наши идеи ясными» [21, с. 266–295; 60]. Напоминая традиционное для логики противопоставление «ясных» и «темных» понятий, с одной стороны, и «отчетливых» и «смутных» понятий – с другой, заведшее в силу своей неопределенности логиков в тупик, ученый подчеркивает, что основной задачей логики должно стать обучение четкому изложению мыслей. Для этого необходимо прежде всего уяснить, что конкретно представляют собой отчетливые *идеи об объектах* [21, с. 267]. Ч. Пирс предложил рассматривать объекты мысли относительно *практических следствий*, вытекающих из действий с этими объектами. Только такое понятие об объектах, учитывающее все практические действия, связанные с объектом, и их последствия, по его мнению, и является полным [21, с. 277–278]. Для

¹ Ковенева Ольга Владимировна – аспирант Института социологии РАН, докторант Высшей школы социальных наук (EHES) (Группа политической и моральной социологии (GSPM), Институт Марсея Мосса, UMR 8178, Париж). Электронная почта: okoveneva@mail.ru.

дальнейшего развития прагматического течения существенна идея Ч. Пирса о том, что знание об объекте всегда остается *незавершенным* и корректируется в ходе последующего эксперимента, *опыта* [21, с. 289].

Применение подобного подхода в области исследований «культурных концептов» и их оценочных составляющих позволяет, на наш взгляд, избежать окостенелых менталистских этноцентрических позиций, согласно которым тот или иной концепт «замораживается» в виде квинтэссенции культуры. Идея о незавершенности знания позволяет подойти к концептам как к динамичным явлениям, тесно связанным с человеческим опытом и практикой.

Отдельного внимания заслуживает *семиотическая теория* Ч. Пирса [22, с. 46–74; 21, с. 162–175; 37, с. 289–336; 56, р. 41–86]. В своих работах ученый вводит понятие «интерпретант», тесно связанное с понятиями объекта и знака. Интерпретант – это не просто идея, а новый знак, возникающий в сознании человека на основе истолкования первого знака: «Знак, или репрезентамента, есть нечто, что замещает (stands for) собой нечто для кого-то в некотором отношении или качестве. Он адресуется кому-то, то есть создает в уме этого человека эквивалентный знак, или, возможно, более развитый знак. Знак, который он создает, я называю *интерпретантом* первого знака» [22, с. 48]. Иными словами, интерпретант – это своего рода интерпретация отношения знак / объект в последующем знаке. Согласно Пирсу, истолкование осуществляется на некотором *основании* (ground) и с определенной точки зрения: «Знак замещает собой нечто – свой *объект*. Он замещает этот объект не во всех отношениях, но лишь отсылая (in reference) к некоторой идее, которую я иногда называю *основанием* (ground) репрезентамента» [22, с. 48]. Как отмечает У. Эко, под основанием Ч. Пирс понимает «*модель возможного частного опыта*», опыт, прожитый «*под определенным углом*» [37, с. 299–230]. Именно *интерпретант* позволяет связать между собой Динамический и Непосредственный Объект. Динамический Объект в понимании Пирса – это реальность, определяющая знак. Непосредственный Объект – это не что иное, как «способ фокусирования Динамического Объекта» с определенной точки зрения [37, с. 304]. Иными словами, Непосредственный Объект, возникающий в процессе интерпретации, позволяет сузить Динамический Объект и представить его под определенным углом, выделяя лишь релевантные для ситуации смыслы: «*Непосредственный Объект... высвечивает соответствующий Динамический Объект лишь в некоторых отношениях*, т.е. учитывает лишь ту семантическую информацию, которая требуется для помещения данного термина в контекст» [37, с. 314]. По убеждению Пирса, каждый знак способен порождать новый знак, который в свою очередь порождает еще один знак и т. д. Таким образом, процесс интерпретации оказывается нескончаемым. На этой идее основан тезис Пирса о «*неограниченном семиозисе*» [37, с. 323–324]. Однако ученый подчеркивает, что область интерпретации того или иного знака всегда может быть сужена и

ограничена определенными рамками – рамками «универсума дискурса», рамками «возможного мира» [37, с. 316]. Подчеркнем еще раз, что объекты интересуют Пирса не столько с точки зрения их свойств, сколько с точки зрения опыта и практических следствий, вытекающих из их использования. Объекты для Пирса тесно связаны с практическим результатом. Даже у «неограниченного семиозиса» может быть конечный результат: *«окончательный интерпретант»* [37, с. 320]. Согласно Пирсу, знак, беспрерывно порождая серию непосредственных реакций (эмоциональных и энергетических интерпретаций), постепенно формирует Привычку, некоторое устойчивое поведение у интерпретатора, пользователя этого знака [37, с. 321]. Это устойчивое поведение, способность действовать повторно схожим образом в схожих ситуациях, и составляет окончательный интерпретант. Таким образом, по Пирсу, «понимать знак значит (понимать и) знать, что надо делать, чтобы создать такую конкретную ситуацию, в которой можно обрести чувственный (перцептуальный) опыт того объекта, к которому отсылает данный знак [37, с. 321]. Заметим, однако, что окончательный интерпретант – это не «замороженная» раз и навсегда интерпретация. основополагающим принципом теории Пирса остается непрерывное обновление и возобновление опыта. Именно поэтому «окончательный интерпретант» – лишь временная данность: *«Окончательный интерпретант»* – не окончателен в... хронологическом смысле. Семиозис умирает в каждый момент. Но, едва умерев, тут же встает из пепла, как птица Феникс» [37, с. 327].

В свете сказанного подчеркнем, что теоретико-методологические установки Пирса позволяют по-новому взглянуть на такие сложные лингвокультурологические явления, как концепты и коннотации, с которыми традиционно связываются идеи несоизмеримости, специфичности культур или неясности и трудности взаимопонимания. Ключом к разгадке природы концептов и коннотаций служит *эмпирическое наблюдение* человеческого опыта, позволяющее выйти за пределы языка как системы и проследить практические импликации тех или иных языковых явлений в реальной практике. Язык в действии или язык на практике – лишь одна из форм человеческого бытия, познать которую можно через ситуативный анализ.

Идеи Ч. Пирса были развиты и систематизированы американским философом и психологом У. Джеймсом (1842–1910). Именно благодаря его книге «Прагматизм» постулаты прагматистов получили широкую известность [9; 54]. С именем У. Джеймса связывают прежде всего прагматическую теорию истины [53]: «Мерилом истины для Джеймса служит не соответствие идеи объективному положению дел в мире, а успешность и полезность результата, достигнутого при ее практическом осуществлении» [17, с. 244]. Таким образом, истинными, по Джеймсу, являются те идеи, которые подтвердила опытная проверка (*verification, validation*) [46]. Центральным понятием философии

Джеймса является понятие *опыта*: «Джеймс исходит из признания исключительной значимости *опыта*. В своих исследованиях он обращается к конкретному – к фактам, прежде всего к действиям, к поведенческим актам (курсив наш. – О.К.), отвергая значимость абстрактных, абсолютных начал» [29, с. 171]). Как отмечает А.Г. Спиркин, подобная установка характерна не только для Джеймса, но и для прагматистов в целом: «Прагматисты, в том числе Джеймс, обвиняли всю прежнюю философию в *отрыве от жизни* (курсив наш. – О.К.), в абстрактности, в созерцательности» [29, с. 171]. По убеждению Джеймса, философия должна способствовать «созданию общего метода решения тех проблем, которые встают перед людьми в различных *жизненных ситуациях*, в потоке *постоянно меняющихся событий*» (курсив наш. – О.К.)» [29].

Наиболее основательно понятие «*опыт*» (*experience*) было развито в работах Дж. Дьюи (1859–1952) [48; 49]. По Дьюи, «опыт... есть все»; «это жизненный мир человека, многочисленные связи и взаимодействия, в которые он входит», «опыт есть то... что на бессознательном уровне задает нормы поведения; опыт – это наследие истории, культуры, цивилизации; опыт – это и результат индивидуальной жизненной практики, трансформирующей природный и социокультурный материал»; «опыт – это взаимодействие живого бытия с природным и социальным окружением человека» [38, с. 84–85]. Одним из основных постулатов теории Дьюи является *постулат непосредственного эмпиризма* [51], согласно которому вещи есть то, чем они являют себя в опыте. Соответственно, достоверное описание вещей должно предполагать описание того, как вещи испытываются в реальности: «Согласно постулату непосредственного эмпиризма, вещи... суть то, как они переживаются в опыте. Поэтому, если кто-то желает дать какой-либо вещи истинное описание, его задача заключается в том, чтобы сказать, как эта вещь переживается как сущее» [51, р. 393]. По мнению Дьюи, познание – это «инструмент приспособления человека к окружающей среде, как природной, так и социальной» [29, с. 173], а «мерило истинности теории – ее практическая работоспособность в данной жизненной ситуации» [29, с. 173].

Учитывая то, что прагматисты ставят во главу угла практику и практическое использование объекта, отдельные критики несправедливо причисляют прагматизм к теориям утилитаризма. Однако, как отмечает Деледаль, прагматисты были одними из первых, кто разоблачал материалистский (утилитаристский) уклон индустриального американского общества, упадок морали и погоню за успехом [46]. Действительно, практическая целесообразность понимается Дьюи не столько в значении выгоды и пользы, сколько в значении опытной проверки объекта на адекватность ситуации.

Опыт в таком понимании является многообразным и многогранным: это и собственно технический опыт, и моральный, и эстетический, и социальный [38, с. 85]. Как отмечал сам Дьюи, прагматизм не следует понимать как поиск

выгоды: «Я утверждаю, что термин “прагматичный” означает только правило соотнесения всего мышления, всех рефлексивных соображений с вытекающими из них следствиями для определения их смысла и проверки.... По своей природе последствия могут быть любыми – эстетическими, моральными, политическими, религиозными» ([47, р. 330] цит. по: [38, с. 91]). Однако опыт в первую очередь связан именно с природой. Опыт – это прежде всего опыт в природе: «Опыт относится к тому, что *испытывается*, – миру событий и личностей; он же обозначает *схваченность* мира в опыте, историю и судьбу человечества. Природа занимает в человеческом мире не менее значительное место, нежели человек в природе» ([48, р. 28], цит. по: [38, с. 85]).

Существенными характеристиками опыта Дьюи считает непрерывность, изменчивость, событийность: «Дьюи рассматривает каждое существование как “событие”. Событийность включает в себя изменчивость опыта, его непрерывность, эстетическую уникальность... Реальность есть не самодостаточное Бытие, а становление» [38, с. 87]. При всей своей изменчивости опыт не хаотичен, а представляет собой целостность, органическую взаимосвязь и взаимопереход социального и природного, физического и психического, индивидуального и социального [38, с. 86].

Особый интерес представляют взгляды Дьюи на *оценку и ценности* [50]. По убеждению Дьюи, ценности следует рассматривать не в *сущностном* плане, а в их ситуативном преломлении, т. е. применительно к определенной *проблемной ситуации*. При таком рассмотрении извечное противопоставление фактов и ценностей оказывается неуместным. Ценности должны исследоваться в контексте их испытания в конкретных ситуациях. Предваряя дальнейшее изложение, подчеркнем, что именно этот принцип – принцип испытания и ситуативной проверки ценностей – и был взят за основу представителями французской прагматической социологии.

Французская прагматическая социология

К истокам французской прагматической социологии: основные идеи и постулаты

Прагматическая социология – сравнительно новое направление во французских социальных науках, пришедшее в 1980-е гг. на смену «поколению враждующих мэтров 1970-х гг.»: Раймона Будона, Пьера Бурдьё, Мишеля Крозье и Алена Турена [31, с. 296]. Оно ведет свое начало с исследований в области «социологии инноваций» Бруно Латура и Мишеля Каллона (обзор см.: [16, с. 97–107]) и работ по «социологии градов» Люка Болтански и Лорана Тевено [16, с. 153–162; 2; 14; 30–33].

Как отмечает Лоран Тевено [31, с. 296–297], «социология инноваций» и «социология градов» резко демаркировались преимущественно по отношению к критической социологии Пьера Бурдьё, в отличие от других направлений сов-

ременной французской социологии, оставшихся близкими к ней. И хотя социология Латура – Каллона и социология Болтански – Тевено ощутимо отличаются друг от друга, в силу ряда общих им черт их причислили к более широкому течению в социальных науках – «прагматическому повороту» [52, с. 53–75, 215–223], в частности, к «прагматической социологии» [39].

Одним из основных пунктов в полемике Л. Болтански и Л. Тевено с Пьером Бурдьё стал вопрос о характере отношения между социальными науками и критикой [40, с. 15–134]. Известный французский историк науки Франсуа Досс отмечает, что критическая парадигма, одним из основных представителей которой является П. Бурдьё, «подразумевает четкое *разграничение научной и обыденной компетенции* что приводит к тому, что компетенции обычных людей и их устремления не воспринимаются социологом всерьез и рассматриваются лишь как *обман* или *иллюзия* (курсив наш. – О.К.)» [52, с. 165–166]. Завуалированные, скрытые интересы, в частности, стремление к господству, рассматриваются в критической социологии как единственно возможные мотивы поведения индивидов. А непосредственной задачей социолога, выступающего в качестве своеобразного критика-арбитра и практика подозрения, считается, соответственно, разоблачение, обнаружение скрытой реальности.

Как отмечает Л. Тевено, критическая социология выстраивает весьма специфическую картину социальной жизни, в которой *критическая способность закрепляется исключительно за ученым*, в то время как индивиды выступают то в виде своеобразных циников-стратегов [71], то в виде бессознательных существ, не ведающих, что творят. Однако способность к расчету, выстраиванию индивидуальной стратегии – не единственная человеческая способность. Наряду с ней есть также способность к различным формам совместного действия и общежития: умение дружить, любить, привязываться к близким людям и к месту проживания, достигать компромисса или критиковать, принимать общие решения, вступать в различные союзы и объединения, быть солидарными и т.д. [70].

Подчеркнем, что применение подходов критической социологии делает проблематичным исследование *ценностных ориентиров* общества, *ценностных мотиваций* индивидов и собственно *оценочных суждений*, поскольку социолог, по сути, «не слышит» актора и ищет за его мнимыми декларациями скрытые интересы, стратегии, холодный расчет или бессознательные действия. Не менее проблематичным выглядит и исследование *публичного конвенционального действия*. В социологии Бурдьё любые социальные отношения – и в этом смысле его позиция перекликается с позицией классиков «подозрения» К. Маркса и Ф. Ницше – рассматриваются исключительно в терминах господства и силы. При этом упускается из виду важнейшая характеристика публичного действия – его *совместный, объединяющий, общий* характер. Публичное действие предполагает способность актора к обобщению, к переходу от еди-

ничного к общему, умение обсуждать проблемы общего значения и аргументировать свою позицию с точки зрения общепринятых *ценностных ориентиров* и правил, умение участвовать в общем деле, действовать сообща.

Применение подходов социологии Бурдьё в современном российском контексте содержит в себе определенную опасность, так как невольно укрепляет идею о конфликтной природе социальных отношений (человек человеку враг), не разрабатывая в достаточной степени вопрос о том, что и как объединяет людей. Российский социолог А. Б. Гофман отмечает: «В силу более или менее известных причин сегодня в России сформировался социальный тип человека, в глазах которого вражда – явление нормальное и естественное, вечное и неизбежное, тогда как согласие – своего рода патология, отклонение от нормы. Торжество принципа “человек человеку волк” в сознании довольно быстро приводит к его реализации в практике, что мы сегодня постоянно и наблюдаем. Между тем еще раз следует подчеркнуть, подлинная социальная наука, признавая и изучая различные конфликты, в целом совсем не считает их фактором, доминирующим в сравнении с солидарностью. В известном смысле солидарность – условие *sine qua non* социальной жизни; в конце концов, прежде чем конфликтовать, люди так или иначе объединяются... Социология призвана показать, что поскольку в качестве членов общества мы связаны между собой бесчисленными узами, поскольку мы реально обязаны друг другу (не случайна этимологическая связь этого слова со словом “обязаны”), постольку мы обязаны быть обязанными друг другу» [5, с. 103–105]. Кроме того, позиция «подозрения» приводит к укреплению циничных настроений, и без того развитых в современной России, и делает невозможной саму постановку вопроса о ценностных объединяющих началах общества. Комментируя современную российскую ситуацию, А.Б. Гофман обращает внимание на то, что «у многих российских интеллектуалов сама мысль о реальности и необходимости некоторых базовых ценностей, признаваемых в национальном масштабе, пользующихся повсеместным уважением и объединяющих разнородные социальные силы и группы, вызывает заведомо негативную реакцию» [5, с. 84]. Это объяснимо, «учитывая длительный и печальный опыт промывания мозгов россиян идеологическими машинами недавнего и далекого прошлого, сакрализации деспотической власти, культивирования всякого рода социальных мифов, в частности о светлом будущем и светлом прошлом» [5, с. 84]. Однако, по мнению ученого, необходимость поиска и исследования объединяющих ценностных начал общества особенно актуальна для современной России, где наметились дефицит доверия и развитие циничных отношений. Ведь без этих объединяющих ценностных начал «невозможны ни социальный порядок, ни социальная идентичность, ни воспроизводство социальных систем, ни социальное взаимодействие, ни эффективное функционирование государственных институтов... невозможна нормальная жизнь общества как таковая» [5, с. 85].

«Социология градов» Л. Болтански и Л. Тевено позволяет со всей серьезностью поставить вопрос не только о формах объединения людей, но и о ценностных ориентирах общества и формах оценочных суждений [32]. В полемической позиции по отношению к социологии П. Бурдьё, где критический взгляд монополизирован ученым, Болтански и Тевено в труде «Об оправдании...» [41], положившем начало их совместной исследовательской программе, выбрали в качестве объекта исследования *критическую способность самих акторов* [2], предполагающую умение *обосновывать* свою позицию с точки зрения *общезначимых принципов* и ценностей. В центре их внимания оказались ситуации публичных дебатов и споров, практики публичного обоснования. Именно поэтому «социология градов» известна также под названием «социологии критики» или «социологии оправдания».

По мнению Л. Болтански, «социологию градов» с известной степенью приближения можно отнести к *лингвистическому повороту* в социальных науках [40, р. 56]. Как отмечает Н. Копосов, «лингвистическим поворотом в историографии (и других социальных науках) обычно называют тенденцию рассматривать исторические факты и их репрезентации субъектами истории и историками с точки зрения лингвистических “протоколов”, которые отразились в этих фактах и репрезентациях» [15, с. 40]. В свою очередь, Л. Болтански [40, р. 56] подчеркивает, что в социологии этот переход ознаменовался вниманием исследователей к тому, как сами акторы вырабатывают дискурсы, описывающие социальные действия, или, согласно терминологии Поля Рикёра, вниманием исследователей к «построению сюжета» (*mise en intrigue*) [27; 63].

Во избежание поспешных ошибочных интерпретаций «социологии градов», подчеркнем, что хотя объектом анализа Л. Болтански и Л. Тевено являются оценочные суждения в публичном пространстве, авторы, в отличие от сторонников лингвистической (семиотической) парадигмы в социальных науках, принципиально отказываются сводить социокультурную реальность к языку, дискурсам или смыслам² и настаивают на необходимости придерживаться *прагматического подхода*. Как отмечает Л. Болтански, если «социологию градов» и сближает с исследованиями лингвистического поворота внимание к дискурсам и саморепрезентациям субъектов, то она все же дистанцируется от редукционистских работ, в которых социальный мир сводится к дискурсивному порядку [40, с. 56].

В этом смысле идеи французской прагматической социологии созвучны теоретическим положениям, разработанным в рамках философской школы прагматизма. Для обоих направлений характерно внимание к реальности как к *многогранному опыту*.

² Как отмечает Н. Копосов, сторонники лингвистической парадигмы полагают, что «мир дан нам только в языке и благодаря языку, предполагается, что наши репрезентации... не репрезентируют ничего, кроме породивших их дискурсивных механизмов» [15, с. 40].

Следуя прагматическому подходу, Л. Болтански и Л. Тевено подчеркивают, что «слаженность суждения не обуславливается одним только языком», а «релевантность высказывания не сводится к вопросу о риторических фигурах» [41, р. 165]. По убеждению ученых, спорам не было бы конца, если бы они основывались только на конфронтации личностных аргументов и суждений [41, р. 165–166]. Согласно авторам, ситуации споров – «это не просто дебаты и обмен мнениями», это испытания (*épreuves*), в которые вовлечены не только люди с их телесностью, но и предметы окружающего мира, служащие опорой суждениям [41, р. 166]: «Споры не являются только вопросом языка. В споры вовлечены не только люди, но и значительное количество предметов: например, в случае профессионального спора это компьютер, данные в котором были стерты; в случае спора между наследниками – это дом или земля; или в случае домашней сцены – посуда, которую нужно вымыть и так далее. Система анализа должна быть предназначена для того, чтобы рассматривать споры реального мира, то есть описывать то, каким образом споры связывают друг с другом людей и предметы» [2, с. 67]. Центральным элементом анализа в прагматической социологии становится *комплексная ситуация*, встреча человека с окружающим миром и другими людьми, своеобразное *испытание реальностью* (*épreuve de réalité*), в ходе которого человек *испытывает* себя и свои суждения об этом мире (о себе, об окружающих людях и вещах) на *адекватность* ситуации.

В своих работах Л. Болтански и Л. Тевено стараются, таким образом, избежать крайности тех исследователей политического действия, которые, следуя теории коммуникативного действия Хабермаса, сводят публичное пространство к публичным дебатам. Как отмечают французские социологи Даниэль Сефай и Доминик Паскье, работающие в русле прагматической социологии, понять политическое действие исключительно на основе коммуникативных и интерсубъективных моделей невозможно. Политическое действие предполагает установление, стабилизацию и институционализацию некоторого материального пространства – пространства предметов, правил, форм организации акторов, служащего опорой для реализации общественной деятельности [42, р. 13–59].

Следует также подчеркнуть, что в работах прагматической социологии идентичность человека рассматривается не как раз и навсегда зафиксированная данность, подобная *габитусу* или социальному статусу, бессознательно несомая и воспроизводимая индивидом в любых ситуациях, согласно «социальным нормам», но и не как четкая *программа* индивидуальных действий или набор *ролей*, выбираемых индивидом по желанию, подобно театральным костюмам или маскам. Речь идет о проблематичном интегрировании самых множественных форм вовлеченности в мир в ходе жизненных испытаний и жизненного пути. Как отмечает Л. Тевено, критика господства и чувство не-

справедливости обнаруживают себя как раз в тех ситуациях, когда человек старается разоблачить гегемонию неких постоянных качеств, ярлыков, закреплённых за ним или за другими людьми, когда он стремится к *переоценке, пересмотру, перепроверке* устоявшихся характеристик и свойств, иными словами, к *испытанию реальностью* [71].

Грады справедливости и миры значимости

Представив в самых общих чертах основные линии демаркации французской прагматической социологии, остановимся более подробно на модели оценочных градов и миров, разработанной А. Болтански и Л. Тевено. В совместном труде «Об оправдании...» [41], проводя анализ развития гуманитарных наук, исследователи предприняли попытку *переосмысления эпистемологического разрыва* социологии с политической и моральной философией. Этот исторический разрыв, оправданный в свое время стремлением к научности и необходимостью обосновать статус социологии как самостоятельной дисциплины, ничем не уступающей по своей объективности точным наукам, привел к редукции моральных *благ*, форм *добра* и принципов *справедливости*, являющихся объектом моральной философии, к «социальным нормам» – своеобразным законам человеческого поведения в обществе, подобным законам естественных наук, исследование которых стало прерогативой социолога. В результате проблема справедливости оказалась на периферии социологического знания и перестала привлекать к себе внимание социологов.

Стремясь восстановить связь между моральной и политической философией, с одной стороны, и социологией – с другой, А. Болтански и Л. Тевено поставили перед собой задачу доказать значимость проблемы справедливости не только для философии, интересующейся «вечными вопросами» бытия, но и для социологии, исследующей конкретные формы социального взаимодействия. Целью авторов было наглядно показать, что проблема справедливости встает не только перед теоретиками-философами, разрабатывающими модели идеального общественного устройства, но и перед *обычными людьми*, пытающийся прийти к согласию в своих каждодневных практиках [41, с. 86]. Для этого необходимо было перевести вопрос о справедливости из метафизической плоскости «сущностей» и «высшей правды» в собственно прагматическую плоскость и исследовать «обыденное чувство справедливости» социологическими методами. В ситуациях реального мира «чувство правды» обнаруживает себя в социальных конфликтах и трениях, публичных спорах о справедливости того или иного положения дел, в ситуативных суждениях (*jugements en situation*) акторов о должном, ценном и значимом, высказываемых с позиции «общего мнения», а также в разоблачениях несправедливости или критике явлений, не представляющих ценности или идущих вразрез с ценностными

Таблица 1

Модель градов справедливости Л. Болтански и Л. Тевено

Философский труд	Название «града» справедливости	Высший общий принцип («общее благо»)	Формы проявления значимого качества
Блаженный Августин «О Граде Божием»	Cité inspirée Град вдохновения	Вдохновение	Творчество, чувственность, личностный порыв, необычность, спонтанность, безудержность, восприимчивость, эмоциональность, стихийность
Боссюэ «Политика, извлеченная из Священного Писания»	Cité domestique Патриархальный град	Триада «Род – Иерархия – Традиция»	Личное доверие, тесные связи, личная зависимость, личное расположение, лояльность, иерархия, авторитет, традиционность, приверженность прошлому
Гоббс «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского»	Cité de l'opinion Град репутации	Репутация	Известность, престиж, именитость
Руссо «Об общественном договоре»	Cité civique Гражданский град	Общая воля	Коллектив, равенство, солидарность, единение, законность
Адам Смит «Исследование о природе и причинах богатства народов»	Cité marchande Рыночный град	Конкуренция	Цена, обмен, товарные отношения
Сен-Симон «Организатор», «О промышленной системе» «Катехизис промышленников»	Cité industrielle Технократический град	Эффективность	Производительность, эффективность, научность, единство науки и промышленности, планирование

установками. Именно эти ситуации и стали предметом анализа Л. Болтански и Л. Тевено.

В книге «Об оправдании...» исследователи предприняли попытку смоделировать общие высшие принципы (*principes supérieurs communs*), которые могут использоваться социальными акторами для обоснования справедливости своих позиций и *возведения конкретной единичной ситуации к общезначимому*. Чтобы определить границы и содержание некоторого общего фонда представлений о высших человеческих ценностях, ученые обратились к классическим трудам моральной и политической философии (табл. 1). Тексты для анализа отбирались по следующим критериям:

- 1) текст *широко известен*;
- 2) в тексте содержатся *систематические, развернутые и аргументированные* рассуждения о значимости некоторой формы общего блага (*bien commun*), имеющего *общечеловеческое* значение, и о необходимости преодоления частных интересов во имя общего;
- 3) текст имеет *практическую* направленность и представляет собой руководство к действию, а не ограничивается утопическими рассуждениями об идеальном устройстве общества; иными словами, в тексте содержатся рассуждения о способах практического построения некоторого идеального политического и социального устройства на основе определенного высшего общего блага; текст может быть приравнен к политической программе;
- 4) текст *не ограничивается критикой*: в нем говорится не только о несправедливости того или иного социально-политического устройства, но и о том, каким мир должен быть.

Соответственно, исключались:

- 1) тексты, в которых оценочные аргументы представлены несистематически;
- 2) тексты, ориентированные не на системное представление и обоснование одной определенной формы общего блага, а на поверхностное перечисление всех возможных форм добра;
- 3) тексты-утопии;
- 4) исключительно критические, разоблачительные тексты, не предлагающие путей или принципов улучшения политической устройства.

Как отмечают сами авторы, все выбранные произведения представляют собой своеобразные «грамматики политической связи», или «политические грамматики» (*grammaire du lien politique, grammaire politique*). Иными словами, они предполагают системную фиксацию и основательное изложение *прескриптивных* правил достижения *согласия* на основе общепринятых представлений о должном, справедливом и ценном, а также обоснование определенной формы общей компетенции, требуемой от людей для достижения легитимного согласия, и обоснование определенной модели общепринятого поведения [41, с. 86, 93].

Здесь необходимо сделать небольшое отступление, чтобы уточнить понимание *компетенции* (*compétence*) и *грамматики* (*grammaire*) в социологии Болтански и Тевено. Изначально идея грамматики и компетенции была позаимствована французскими прагматистами из структурализма и генеративной грамматики Ноама Хомского. Однако Болтански и Тевено интерпретировали их, следуя теоретико-методологическим позициям собственного учения, т.е. перевели их из области «ментальных» и «бессознательных» структур в область «прагматического действия». Согласно Ноаму Хомскому, граммати-

ка – это некий идеальный языковой механизм, порождающий бесконечное множество возможных предложений на основе некоторого конечного набора грамматических средств и правил [44, р. 40]. Ученый, соответственно, различает глубинные структуры языка (скрытые от непосредственного восприятия и представляющие собой некий свод грамматических правил) и поверхностные структуры языка. Поверхностные структуры генерируются на основе структур глубинных. Этот процесс Н. Хомский называет трансформацией, при этом полагая, что одной глубинной структуре, содержащей в себе все возможные потенции порождения предложений, может соответствовать несколько поверхностных структур [45].

Как отмечает Сириль Лемьё, структурализм и генеративная грамматика всегда предполагают идею о двух уровнях: уровне поверхностных и уровне глубинных явлений, объясняющих явления поверхностные. В свое время течение порождающей грамматики оказало большое влияние на французскую социологию. П. Бурдьё на первых порах своих исследований также использовал понятие генеративной грамматики, рассматривая *габитус* как своего рода генеративную грамматику возможных социальных практик, однако, вскоре отказался от этого понятия, так как идеи Н. Хомского были подвергнуты критике в социальных науках [57; 58].

Существенным отличием подхода Л. Болтански и Л. Тевено к грамматике является то, что авторы не различают поверхностные и глубинные структуры. В их понимании есть лишь один уровень – уровень реальной практики, опыта и испытания. Грамматика в данном случае – не что иное, как *научное моделирование* определенного набора правил, которые используются акторами для координации своих действий и взаимодействий в реальном мире. Грамматика *не порождает* поведение и практики. Это лишь модель, представляющая в сжатом, схематичном и систематизированном виде определенные общепринятые эталонные формы поведения [41; 69; 57; 58].

В генеративной грамматике Н. Хомского под компетенцией понимается знание глубинных грамматических структур. При этом подразумевается, что грамматическая компетенция является биологической, что человек обладает уникальным даром – механизмом овладения языком и что носители языка *подспудно и бессознательно* владеют грамматическими правилами своего языка. Когнитивные процессы определяются глубинными структурами и являются бессознательными [44, р. 35], а компетенция противопоставляется употреблению (*performance*), т.е. действительному использованию языка в конкретных условиях [43, р. 16–17].

Если для Н. Хомского компетенция – это преимущественно языковая компетенция, владение глубинными грамматическими структурами, то в понимании Л. Болтански и Л. Тевено, компетенция – это не только когнитивное, но и прежде всего *моральное и практическое* качество. Это умение высказывать

универсальные оценочные суждения и координировать свои действия и взаимодействия на основе общепринятых высших принципов, проявляющееся в конкретных ситуациях [40, р. 61–62].

После этого отступления, необходимого для понимания позиции Л. Болтански и Л. Тевено, вернемся непосредственно к книге «Об оправдании...» [41]. На основе отобранных произведений классической философии исследователи разработали модель множественных *градов справедливости*, каждому из которых соответствует своя форма *общего блага*, свой специфический высший критерий оценки («высший общий принцип»), претендующий на универсальность в масштабах всего человечества. При этом всем градам свойственна общая структура: они предполагают ранжирование составляющих их элементов в зависимости от степени проявления *значимого* для данного града высшего качества, эталона (*grandeur* – буквально «величие»). Иными словами, при общей иерархической структуре упорядочения элементов от наиболее к наименее значимым внутри каждого града существует своя шкала оценок качеств людей и положения дел, своя шкала квалификаций значимых и негативных явлений. Составляющие града, обладающие наивысшей степенью проявления ценного качества, обозначаются в модели как *grands* (великие, значимые), в то время как элементы, обладающие наименьшей степенью проявления данного качества или лишенные его вовсе, – как *petits* (буквально: «маленькие, незначительные»). Схематично модель градов справедливости представлена в табл. 1.

Грады справедливости представляют собой *метафизические* построения, это идеальные модели социально-политического устройства. Практической же реализацией градов в ситуациях социальной действительности являются миры: мир вдохновения, патриархальный мир, мир репутации, гражданский мир, рыночный мир, технократический мир. В отличие от градов, смоделированных на основе философских произведений, модель миров была разработана Л. Болтански и Л. Тевено на основе анализа практических пособий-руководств (табл. 2) по предпринимательской деятельности, каждое из которых было четко направлено на обоснование определенного стиля поведения в рамках предприятия, а также на основе эмпирического материала споров в современном французском обществе. В данном случае критерием отбора пособий уже не выступала их известность. Существенной была лишь общая ориентация пособия на общезначимые человеческие ценности и высшие принципы поведения, выявленные при анализе философских произведений.

Центральным понятием, связанным с *мирами*, является *испытание* (*épreuve*). Миры предполагают *испытание* высших общих принципов, действий и суждений людей на адекватность ситуации. Напомним, что согласно прагматическому подходу Л. Болтански и Л. Тевено, испытанию реальностью подвергаются не только люди, но и окружающие их вещи, квалифицирован-

Таблица 2

Модель оценочных миров Л. Болтански и Л. Тевено

Пособие по предпринимательству	Модель оценочных миров
Demory B. La créativité en pratique. P.: Chotard, 1974.	Мир вдохновения
Camusat P. Savoir-vivre et promotion. P.: Editions d'organisation, 1970.	Патриархальный мир
Schneider C. Principes et techniques des relations publiques. P.: Delmas, 1970.	Мир репутации
CFDT. Pour élire ou désigner les délégués. P.: Alsatia, 1983. CFDT. La section syndicale. P.: Alsatia, 1981.	Гражданский мир
What they don't teach you at Harvard Business School. Toronto; N. Y.: Bantam Book, 1984.	Рыночный мир
Pierrot M. Productivité et conditions de travail ; un guide diagnostic pour entrer dans l'action. P.: Entreprise moderne d'édition, 1980.	Технократический мир

ные с позиций того или иного мира. Таким образом, каждый мир характеризуется особым способом оценивания действительности. *Мир вдохновения* основан на творчестве, нонконформизме, эмоциональности, чувственности; *патриархальный мир* – на привязанности к близкому «одомашненному» пространству, уважении, иерархии, авторитете, традициях, доверии; *мир репутации* – на известности, престиже, признании; гражданский мир – на общей воле, солидарности, равенстве; *рыночный мир* – на цене, обмене, рыночных отношениях; *технократический мир* – на производительности, компетенции, профессионализме, научности, эффективности, планировании, организации. Это лишь самая общая характеристика миров. В действительности, каждый мир конституируется типичными объектами (прибор, товар, картина, дом и т.д.) и типичными действующими лицами (предприниматель, художник, инженер, кинозвезда, общественная организация и т.д.), квалифицированных с точки зрения того или иного высшего принципа. Соответственно, как и грады, миры предполагают иерархию людей и вещей в зависимости от степени обладания значимым качеством.

Грады представляют собой сжатые формальные модели, в то время как в мирах происходит развертывание метафизических правил и высших принципов в социальном опыте людей. Для обоснования своих позиций и аргументов в конкретных конфликтах и спорах и возведения единичной ситуации общения на уровень общезначимости люди апеллируют к высшим принципам справедливости. В конкретных ситуациях публичных споров происходит столкновение оценочных суждений различных миров, порождающее взаимную критику и разоблачение. Кроме того, возможно локальное достижение компромиссов в оценочных суждениях, т. е. комбинирование оценочных принципов различных

миров. Задача социолога-исследователя – проследить реализацию оценочных суждений и связанных с ними практик в конкретных ситуациях.

Плюрализм без релятивизма

На первый взгляд учет множественности принципов справедливости, координирующих человеческую деятельность, сближает подход Л. Болтански и Л. Тевено с концепцией *множественных сфер* справедливости Майкла Уолзера [72]. Однако было бы ошибкой уподобить эти теории. В отличие от замкнутых и несоизмеримых сфер М. Уолзера, каждая из которых представляет собой особую институцию (рынки, семьи, образовательные учреждения, структуры здравоохранения) и регулируется исключительно одним принципом³, модель миров Л. Болтански и Л. Тевено предполагает *взаимодействие* миров в рамках конкретной ситуации или социальной организации, а также *равнодоступность* и *открытость* общезначимых высших принципов всем социальным акторам. В последнем пункте концепция Л. Болтански и Л. Тевено сближается с основными постулатами Джона Ролза [61], в частности с принципом *общности* человеческой природы и соизмеримости человеческих миров.

Кроме того, модель предполагает *общие для всех миров требования*, придающие плюральным мирам соизмеримый характер и регулирующие выражение чувства справедливости или критику несправедливости в публичном пространстве. Существенное значение для модели имеет принцип «общности человеческой природы», предполагающий:

- ориентацию каждого *града и мира* на общезначимость в рамках человечества;
- возможность обращения каждого человека к множественным принципам справедливости для обоснования своих позиций.

Принцип общности человеческой природы налагает также запрет на постоянное закрепление того или иного значимого качества за индивидом. Оценочные суждения и качества, приписываемые людям, должны проходить проверку на адекватность и переоцениваться в ходе испытаний реальностью.

Прагматизм позволил французским социологам преодолеть *релятивизм ценностей*⁴, столь характерный для исследований, в которых просто фикси-

³ М. Уолзер выделяет следующие принципы справедливости : 1) каждому одно и то же (эгалитарное равенство); 2) каждому по потребностям; 3) каждому по заслугам; 4) каждому по рангу; 5) каждому по профессиональной пригодности; 6) каждому – что положено по закону. В частности, М. Уолзер настаивает на том, что в либеральном обществе медицинское обслуживание должно распределяться в соответствии с потребностью, а должности – в соответствии с заслугами и профессиональными качествами. Более подробно см. [20].

⁴ Заметим, что именно по этой причине, исследователи обычно стараются не использовать понятие «ценность», которое, на их взгляд, является сильно коннотированным в социальных науках, и предпочитают введенное ими понятие «grandeur» (буквально «величие») [64, p. 21].

руется *разнообразие* оценочных суждений, ценностей и принципов справедливости [71]. В центре внимания Л. Болтански и Л. Тевено – *не несоизмеримые и замкнутые на себе миры, а столкновение принципов различных миров и их возможные сочетания в рамках той или иной социальной организации или конкретной ситуации*. При этом под «организацией» может пониматься не только организация как «коллектив», «учреждение», «предприятие», но и организация личной жизни, ведение домашнего хозяйства, сосуществование в рамках как самого простого локального сообщества, так и общности, достигающей размеров национального государства, культурно-политического или международного сообщества [31, с. 286]. Анализ, основанный на модели миров, направлен на разложение той или иной социальной организации на составляющие элементы и выявление основных принципов ее координации.

В кросс-культурных исследованиях [55] подобный подход позволяет отойти от тезиса *несоизмеримости* культур и *относительности* культурных ценностей, питающего этноцентрические позиции, и провести *сравнительный* анализ культурных различий и сходств на основе выявления общих сквозных элементов (универсальных принципов справедливости), их комбинаций, конфликтов, различного удельного веса и значения в зависимости от культур, а также в зависимости от ситуаций общения внутри сообществ. Этот подход, основанный на постулатах прагматизма, плюрализма и общности человеческой природы, позволяет избежать крайностей культурологических и лингвокультурологических исследований, основанных на эссенциалистских и менталистских позициях и обосновывающих несоизмеримую специфичность культур и языков. Приведем пространную цитату Л. Тевено:

«Квалификация, или оценочное суждение, рассматривается нами с точки зрения прагматики действия и координирования отношений между людьми и материальным миром. Внимание к практическому испытанию, где проверке подвергается сама операция приписывания уровней величия (*grandeurs*) людям и вещам, а также внимание к материальному “оснащению” такого испытания отличают наш подход от многих других исследований в области ценностей. Рассмотрение проблемы ценностей с точки зрения множественных порядков величия имеет также большое значение для сравнительного исследования культур. Этот подход позволяет избежать релятивизма в духе Макса Вебера, и тем более – культурологического фундаментализма. В силу направленности на всеобщность и значимость для всего человечества порядки величия (*ordres de grandeur*) делают соизмеримыми культурные ценности самых разных обществ и культур и позволяют достичь при их анализе симметричного подхода. Соизмеримость ценностей и их расширение вплоть до общечеловеческого уровня особенно явно прослеживаются на следующих примерах. Независимо от тех или иных культурных особенностей технократический град нацелен на эффективность техник и методов. Рыночный град направлен на всеобщую кон-

курению в рамках мирового рынка. Град репутации, обслуживаемый, в частности, средствами массовой информации, – на “пиар” мировых знаменитостей и тиражирование мировых брендов. И наконец, гражданский град устремлен к солидарности и равенству в универсальных масштабах. Что касается патриархального мира, в котором ценятся традиции и обычаи, то на нем следует остановиться отдельно. Действительно, культурное своеобразие того или иного общества или социальной общности в значительной степени определяется его традициями и обычаями. Не случайно именно апеллирование к обычаям зачастую используется для обоснования тезиса о существовании непреодолимых различий между культурами. Тем не менее, какими бы разнородными и пестрыми ни были обычаи различных обществ в мире, все эти обычаи объединяет одна черта – направленность на патриархальный порядок величия и признание значимости традиции» [31, с. 289–290].

Разнообразие форм вовлеченности в мир

Собственные социологические изыскания А. Тевено привели исследователя к расширению концепции градов и миров до более общей теории действия, учитывающей не только многообразие публичных форм обоснования и действия, но и менее обобщенные формы взаимодействия человека с окружающим миром и другими людьми. Так была разработана теория множественных режимов вовлеченности, подробно представленная в ряде работ А. Тевено [30; 65–68; 70].

Вовлеченность в мир – это не просто субъективный смысл, представление или ценностный ориентир, определяющий то или иное квалификационное описание предметной ситуации. Вовлеченность в мир характеризуется двойной направленностью: направленностью к реальности (и в этом смысле, вовлеченность в мир – это всегда социальное действие, испытание реальностью, исход которого заранее не предрешен⁵) и направленностью к более или менее общей форме блага, определяющей оценочное суждение. Стремясь преодолеть традиционные для социальных наук бинарные противопоставления частное – публичное, индивидуальное – общественное, А. Тевено разработал модель разноуровневых режимов вовлеченности в мир от наиболее близких форм взаимодействия человека с миром до наиболее общих и публичных:

- 1) режим публичных конвенций и публичных обоснований (*régime de justification*), соответствующий действию в публичном пространстве;
- 2) режим планового действия (*action en plan*), соответствующий индивиду и наиболее основательно разработанный в социологических теориях рационального выбора и рационального субъекта;

⁵ Здесь мы встречаем общий для прагматических исследований тезис о непрерывности и непредсказуемости человеческого опыта.

3) режим близости (*régime de familiarité, régime du proche*), соответствующий наиболее персональным формам вовлеченности в мир.

С каждым форматом вовлеченности связан свой вид оценки и своя модель деятельности. *Режим публичных обоснований* связан с высшими общими принципами, общими формами блага и предполагает публичное действие. *Режим планового действия* связан с более ограниченным благом – достижением поставленной индивидуальной цели – и основан на индивидуальном интенциональном действии, осуществляемом в соответствии с намерениями агента. Оценочные суждения, соответствующие данному уровню, предполагают оценку вещей и деятельности с точки зрения функциональности и результативности. И наконец, *режим близости* связан с наиболее тесными формами взаимодействия человека с окружающим миром. Он предполагает деятельность, направленную на приспособление к домашнему и близкому окружению, и основан на привязанностях (не только к людям, но и к вещам). В этом режиме вещи наделяются ценностью постольку, поскольку они даруют человеку ощущение простоты и уюта в привычном мире. Соответственно, и роль языка различна в зависимости от формата вовлеченности в мир. Деятельность в *формате близости* очень часто является невербализованной, и в коммуникации большое значение приобретают привычные мимика и жесты. В свою очередь *формат публичных конвенций* предполагает умение представить свою деятельность в виде логичного и аргументированного отчета, используя конвенциональные квалификации. Что касается *функционального действия*, то оно, как правило, описывается базовым языком. Как отмечает Л. Тевено, «координация субъектов в режиме *интенционального действия* опирается на разделение субъектов и объектов в соответствии с классическим понятием действия. В отличие от своего рода “заботы”, которая управляет режимом близости и конвенциональных квалификаций, управляющих режимом оправдания, согласование в режиме интенционального действия относится к успешному выполнению регулярного действия. Базовая структура языка, с его грамматикой подлежащих, сказуемых и дополнений, хорошо соответствует этому режиму» [30, с. 102–103].

Отметим, что, вопреки распространенному в социальных науках мнению, «состояние индивида» в концепции Л. Тевено не рассматривается как первичное состояние человека. Основным качеством данного состояния является автономность, подразумевающая отрыв от близкого пространства и близких связей. Окружение в данном случае используется в качестве *функционального ресурса* (предмета стратегического выбора) для оптимального действия («режим планового действия»). А наиболее адекватной формой взаимодействия между людьми-индивидами является *контракт*, фиксирующий взаимные интересы и обязательства сторон. Однако крайней формой реализации данного режима может стать распространение инструментального отношения не толь-

Таблица 3

Режимы вовлеченности

Режим близости/Régime du proche	Плановый режим / Régime de l'action en plan	Режим публичного обоснования/ Régime de justification
Персональные формы вовлеченности в мир Удобство, уют Знакомая, привычная, приятная среда Простота Привычный мир Близкое окружение Непосредственные отношения и общение, непосредственные контакты Привязанности, близкие связи и отношения Человек, тесно вписанный в свое окружение Близкие вещи, являющиеся продолжением тела человека Приспособление к близкому пространству, обживание близкого пространства Приспособливание пространства для проживания и привычного пользования У себя Поблизости Свое Забота, бережное отношение, внимание	Функциональное действие Инструментальное действие Намеренное действие, намерение, интенция Индивид, носитель проекта Автономный индивид Самостоятельный индивид Ответственный индивид Рациональный субъект Волевая и решительная личность Воля Индивидуальный план, индивидуальная цель, стратегия Стратегический рациональный выбор Расчет, планирование Взаимовыгодный контракт Функциональное схватывание реальности Среда как функциональный ресурс Отрыв от близкого пространства Функциональное использование вещей Публичное обоснование	Публичные действия Публичные акторы Конвенциональные легитимные оценки Конвенциональное поведение и взаимодействие Опосредованные отношения Общезначимые высшие принципы оценки Общие блага Общий интерес

ко на вещи, но и на окружающих людей, превращение их в орудие стратегии. Соответственно, наиболее отстраненным от близкого пространства является публичный режим вовлеченности, направленный на достижение общего блага. Схематично архитектура режимов вовлеченности Л. Тевено представлена в табл. 3.

Важно подчеркнуть, что Л. Тевено не считает режимы вовлеченности разными формами реальности, не имеющими между собой точек соприкосновения. Основным для Л. Тевено остается вопрос о взаимодействии режимов вовлеченности (как проблематичном, так и успешном), о формах перехода от одной формы вовлеченности к другой и о соотношении связанных с ними оценок и форм блага. Эта проблематика исследуется на материале французского общества и в кросс-культурном плане.

* * *

Теоретико-методологический подход к социальному действию, разработанный А. Болтански и Л. Тевено, призывает исследователя быть внимательным к оценочным суждениям, высказываемым в публичном пространстве. Моральная составляющая социального действия представляет несомненный интерес для социологии культуры, и тем более для сравнительного исследования культур. Применение подхода А. Болтански и Л. Тевено дает возможность выйти за рамки микроисследования, благодаря фиксации общезначимых моральных принципов, отражающих представления о справедливости в культурах двух стран. Кроме того, он позволяет избежать упрощенного сведения социальных конфликтов как к столкновению «социальных классов» или противоборствующих сторон, отстаивающих личные интересы, так и к противопоставлению власти и общественных организаций в терминах власть – гражданское общество. Будучи более нюансированным, он позволяет выявить – на основе анализа множественных форм вовлеченности акторов в публичную сферу – сквозные элементы в ценностных позициях социальных акторов. Подчеркнем, что в контексте социокультурных и политических изменений, переживаемых Россией на рубеже второго и третьего тысячелетия и сопровождающихся пересмотром прошлого и экспериментированием моделей будущего [26], проблема ценностных, структурообразующих ориентиров общества стоит особо остро.

В свою очередь теоретико-методологические ресурсы социологии *режимов вовлеченности в мир*, разработанные Л. Тевено, позволяют выявить взаимодействие и динамику и наиболее публичных, и наиболее персональных форм вовлеченности акторов в окружающее пространство. При этом становится возможным рассмотреть, какое место в публичной жизни и государственной политике отводится личностным формам вовлеченности в мир. Социологический анализ соотношения персональных и публичных форм действия представляет особый интерес в контексте современного российского общества. В ситуации непрекращающихся дебатов о проблеме гражданского общества и демократических институтов в России [1; 3; 4; 6; 10; 12; 13; 18; 19; 34–36] теоретико-методологический подход, разработанный Л. Тевено, позволяет исследовать публичность не в терминах развитости или отсталости гражданского общества, а в ее отношении к персональным и личностным формам взаимодействия со средой и людьми, а также выявить трудности, сложности и преграды, стоящие на пути к публичности, проследить трения, сочетания и возможные переходы и переключения между разноуровневыми режимами вовлеченности в мир, от наиболее близких до наиболее публичных.

Библиографический список

1. Басина Е. Кривое зеркало Европы // Pro et Contra. 1997 (осень). Т. 2. № 4. (<http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/55640.htm>)
2. Болтански Л., Тевено А. Социология критической способности / Пер. с англ. К.А. Виноградовой // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3.
3. Вайнштейн Г. Роль гражданского общества в демократизации России: надежды и разочарования // Материалы конференции «Гражданское общество: историко-философские корни, реальная практика, перспективы», г. Пушкин, 30 июня – 2 июля 1998 г. (<http://www.prof.msu.ru/publ/book3/gutor.htm>.)
4. Волков В. Общественность: забытая практика гражданского общества // Pro et Contra. 1997 (осень). Т. 2. № 4. (<http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/55639.htm>)
5. Гофман А.Б. Социология и гражданская религия в современной России // Социология и современная Россия / Под ред. А.Б. Гофмана. М.: ГУ–ВШЭ, 2003.
6. Гутуров В. Гражданское общество: историческая традиция и современная Россия // Материалы конференции «Гражданское общество: историко-философские корни, реальная практика, перспективы. г. Пушкин, 30 июня – 2 июля 1998 г. (<http://www.prof.msu.ru/publ/book3/gutor.htm>)
7. Джеймс У. Введение в философию // Джеймс У. Введение в философию; Рассел Б. Проблемы философии / Пер. с англ. А.Ф. Грязнова. М.: Республика, 2000.
8. Джеймс У. Воля к вере: Сборник / Пер. с англ. Послел. А.Е. Павловой и др. М.: Республика, 1997.
9. Джеймс У. Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления: популярные лекции по философии / Пер. с англ. П. Юшкевича с приложением статьи переводчика о прагматизме. СПб.: Шиповник, 1910.
10. Дилигенский Г. Что мы знаем о демократии и гражданском обществе // Pro et Contra. 1997 (осень). Т. 2. № 4. (<http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/55635.htm>)
11. Дьюи Д. Реконструкция в философии. Проблемы человека / Пер. с англ. А.Е. Павловой. М.: Республика, 2003.
12. Зигерт Й. Гражданское общество в России // Отечественные записки. 2005. № 6 (27). (<http://www.strana-oz.ru/?numid=27&article=1169>)
13. Зубов А. Современное русское общество и civil society: границы наложения // Pro et Contra. 1997 (осень). Т. 2. № 4. (<http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/55636.htm>)
14. Ковенева О.В. Тернистый путь защитника природы: экологическое действие в России и во Франции // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2006. № 2 (46).
15. Копосов Н. Замкнутая теория символов // Копосов Н. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М.: НЛО, 2005.
16. Коркюф Ф. Множественность режимов действия у Люка Болтански и Лорана Тевено // Коркюф Ф. Новые социологии. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2002.
17. Краткий философский словарь / Под ред. А.П. Алексеева. М.: Проспект, 1998.

18. *Ноженко М.* Кто и как взращивает гражданское общество в России // Отечественные записки. 2005. № 6 (27). (<http://www.strana-oz.ru/?numid=27&article=1176>)
19. *Пастухов В.Б.* Шаг назад, два шага вперед. Русское общество и государство в межкультурном пространстве // Полис. 2005. № 6. (<http://www.politstudies.ru/fulltext/2005/6/5.htm>)
20. *Печерская Н.В.* Современный дискурс справедливости: Джон Ролз или Майкл Уолзер? // Общественные науки и современность. 2001. № 2.
21. *Пирс Ч.С.* Избранные философские произведения / Пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. М.: Логос, 2000.
22. *Пирс Ч.С.* Логические основания теории знаков / Пер. с англ. В.В. Кирющенко и М.В. Колопотина. СПб.: Лаб. метафиз. исслед. при филос. фак. СПбГУ; Алетеия, 2000.
23. *Пирс Ч.С.* Начала прагматизма / Пер. с англ., предисл. В.В. Кирющенко, М.В. Колопотина. СПб.: Лаб. метафиз. исслед. при филос. ф-та. СПбГУ; Алетеия, 2000.
24. *Пирс Ч.С.* Рассуждение и логика вещей: Лекции для Кембриджских конференций 1898 г. / Пер. с англ. Д.Г. Лахути, М.Д. Лахути, С.О. Кузнецов М.: ИЦ РГГУ, 2005.
25. *Поговорим о гражданском обществе* // Хроника социологических наблюдений / Под ред. Т. Воронцовой, М. Каневской. М.: Ин-т фонда «Общественное мнение», 2001.
26. *Прохорова И.* (ред.) 1990 год: Опыт изучения недавней истории // Новое литературное обозрение. 2007. № 1–2 (83–84). Спец. выпуск.
27. *Рикёр П.* Время и рассказ / Пер. с фр. Т.В. Славко. М.: ЦГНИИ ИНИОН РАН; Культурная инициатива; СПб.: Университетская книга, 2000.
28. *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике / Пер. с фр. И.С. Вдовина. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково Поле, 2002.
29. *Спиркин А.Г.* Ч. Пирс. У. Джемс. Дж. Дьюи // Спиркин А.Г. Философия: Учебник. 2-е изд. М.: Гардарики, 2005.
30. *Тевено А.* Какой дорогой идти? Моральная сложность обустроенного человечества / Пер. с англ. А.В. Тавровского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3 (3).
31. *Тевено А.* Креативные конфигурации в гуманитарных науках и фигурации социальной общности / Пер. с фр. О.В. Ковеневой // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. 2006.
32. *Тевено А.* Наука вместе жить в этом мире / Пер. с фр. Д. Калугина // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2004. № 3 (35).
33. *Тевено А.* Прагматика познания. Введение: исследование связи между познанием, коллективностью и практикой / Пер. с фр. А.Д. Хлопина // Социологический журнал. 2006. № 1/2, 3/4. (<http://sj.obliq.ru/article/645>)
34. *Хлопин А.* Становление гражданского общества в России: институциональная перспектива // Pro et Contra. 1997 (осень). Т. 2. № 4. (<http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/55638.htm>)
35. *Шмидт Д.* Гражданское общество в России – проблематичное, мифичное или просто другое? // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2005. № 39 (1). (<http://www.nz-online.ru/print.phtml?aid=25011345>)

36. Шмидт Д. Какое гражданское общество существует в России // Pro et Contra. 2006. Т. 10. № 1.
37. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С. Серебряного. М.: Симпозиум, 2005.
38. Юлина Н.С. Джон Дьюи // Философы XX века. М.: Искусство – XXI век, 2004. Кн. 1.
39. Bénatouil T. Critique et pragmatique en sociologie : quelques principes de lecture // Annales HSS. 1999. № 2.
40. Boltanski L. Ce dont les gens sont capables // Boltanski L. L'Amour et la Justice comme compétences. Trois essais de sociologie de l'action. P.: Métailié, 1990.
41. Boltanski L., Thévenot L. De la Justification: Les économies de la grandeur. P.: Gallimard, 1991.
42. Cefaï D., Pasquier D. Les sens du public. Publics politiques, publics médiatiques. P.: PUF, 2003.
43. Chomsky N. Aspects de la théorie syntaxique. P.: Seuil, 1971.
44. Chomsky N. Réflexions sur le langage. P.: Flammarion, 1981.
45. Chomsky N. Structures syntaxiques. P.: Seuil, 1979.
46. Deledalle G. Le pragmatisme // Encyclopaedia Universalis France SA; version multimédia № 9, 2003 [электронный ресурс, мультимедиа-энциклопедия, 6 электрон. опт. дисков, CD-ROM PC]
47. Dewey J. Essays in Experimental Logic. Chicago: University of Chicago, 1916.
48. Dewey J. Experience and Nature. Chicago: Open Court, 1925.
49. Dewey J. Reality as Experience // The Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods. 1906. Vol. 3. № 10.
50. Dewey J. Some Questions About Value // The Journal of Philosophy. 1944 (August). Vol. 41. № 17.
51. Dewey J. The Postulate of Immediate Empiricism // The Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods. 1905. Vol. 2. № 15.
52. Dosse F. L'empire du sens. L'humanisation des sciences humaines. P.: la Découverte & Syros, 1997.
53. James W. L'idée de vérité (The Meaning of Truth, 1909). P.: Flammarion, 1913.
54. James W. Le pragmatisme (Pragmatism, 1907). P.: Flammarion, 1968.
55. Lamont M., Thévenot L. (eds). Rethinking Comparative Cultural Sociology. Repertoires of Evaluation in France and the United States / Cambridge Cultural Social Studies (series editors: Jeffrey C. Alexander and Steven Seidman). Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
56. Latraverse F. La pragmatique: histoire et critique. Bruxelles: Pierre Margada, 1987.
57. Lemieux C. La grammaire et l'évidence naturelle: l'argument transcendantal: Séminaire «Attentes normatives et sociologie de l'action. La notion de grammaire». Séance du 16 janvier 2006. P.: EHESS, 2006.
58. Lemieux C. Usages du terme «grammaire» en sciences sociales. Grammaire et compréhension sociologique: Cours du 9 janvier 2006 assuré par C. Lemieux dans le

- cadre du séminaire doctoral «Attentes normatives et sociologie de l'action: la notion de grammaire». P.: EHESS, 2006.
59. *Nachi M.* Introduction à la sociologie pragmatique. Vers un nouveau «style» sociologique? P.: Armand Colin, 2006.
 60. *Peirce C.S.* How to Make Our Ideas Clear // *Popular Science Monthly*. 1878. №12. (<http://www.peirce.org/writings/pl119.html>)
 61. *Rawls J.* A Theory of Justice. Oxford: Oxford University Press, 1973.
 62. *Ricœur P.* Du texte à l'action. P.: Seuil, 1986.
 63. *Ricœur P.* Temps et récit. T. 1. P.: Seuil, 1983.
 64. *Thévenot L.* A l'épreuve des grands principes // *Sciences humaines*. 1998. № 79 (janvier).
 65. *Thévenot L.* L'action au pluriel. Sociologie des régimes d'engagement. P.: La Découverte, 2006.
 66. *Thévenot L.* L'action comme engagement // Barbier J.-M. (éd.) *L'analyse de la singularité de l'action*. P.: PUF, 2000.
 67. *Thévenot L.* L'action en plan // *Sociologie du travail*. 1995. Vol. 37. № 3.
 68. *Thévenot L.* Le régime de familiarité: des choses en personnes // *Genèses*. 1994. № 17 (sept.).
 69. *Thévenot L.* Les grammaires du commun. Philosophies politiques: Cours du 12 janvier 2004 assuré par L. Thévenot dans le cadre du séminaire doctoral «Formes de l'action et du jugement: chose publique, choses privées» / Ecole des Hautes Etudes en sciences sociales. P., 2004.
 70. *Thévenot L.* The Two Bodies of May 68: in Common, in Person // Sica A., Turner St. (eds.) *The Disobedient Generation: '68ers and the Transformation of Social Theory*. Chicago: University of Chicago Press, 2005.
 71. *Thévenot L.* Un pluralisme sans relativisme? Théories et pratiques du sens de la justice // Affichard J., Foucauld J.-B. de (dir.) *Justice sociale et inégalités*. P.: Esprit, 1992.
 72. *Walzer M.* *Spheres of Justice. A Defense of Pluralism and Equality*. N.Y.: Basis Books, 1983.

ПРАВОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ С РАЗЛИЧНОЙ УСТАНОВКОЙ К УЧАСТИЮ В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ

.....

М.В. Верстова, Е.В. Улько¹

Область социально-правовых отношений в современном российском обществе претерпевает существенные изменения. Российскому гражданину приходится сталкиваться с новыми ситуациями, подчиняющимися правовому регулированию. При этом возникает необходимость ориентировки в новых и неопределенных для него обстоятельствах, чтобы не только приспособливаться в социальной реальности, но и стремиться к ее преобразованию. Одна из таких неизвестных ранее правовых ситуаций, ставшая реальностью нашего общества, – ситуация принятия решения об участии в суде присяжных заседателей – привлекла наше внимание. Поведение человека в правовой ситуации во многом определяется его интерпретацией возникшей перед ним социально-правовой проблемы [24]. Общий исследовательский вопрос можно сформулировать следующим образом: есть ли отличия в правовом сознании тех, кто соглашается, и тех, кто не соглашается выполнять роль присяжного.

Под правовым сознанием личности мы понимаем совокупность знаний, представлений о праве, его оценок и чувств по отношению к нему, а также сценариев поведения в правовой сфере [19]. Особый интерес представляет выделение специфического вида обыденного правового сознания [5; 13], в котором знание права замещается бытовыми представлениями. Ряд авторов [8; 11; 22] отмечают, что рассмотрение правового сознания через исследование правовых представлений личности может стать психологической интерпретацией данного понятия. Кроме того, нами использовалась трехкомпонентная функ-

¹ Верстова Марина Викторовна – преподаватель кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: vadimarin@inbox.ru.

Улько Елена Васильевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: elulko@gmail.com.

циональная модель правового сознания, включающая когнитивный, эмоционально-оценочный и поведенческий компоненты [13; 14; 25; 27].

Мы сосредоточили внимание на сравнении трех иерархически соотносящихся уровней правового сознания:

- 1) установки к (не)участию в суде присяжных заседателей с выделением когнитивного (характер представлений об институте суда присяжных), эмоционально-оценочного (отношение к ситуации) и поведенческого компонентов;
- 2) общие социально-правовые представления (о законности, правопорядке, власти, справедливости) и отношения к правовому устройству общества;
- 3) смысложизненные и ценностные ориентации (личностно-профессиональные, межличностные, морально-нравственные и этические).

Изучаемые уровни правового сознания, пропущенные через личный опыт субъекта, способны вызвать к себе определенное отношение личности, стать значимыми и выступить как ценности для личности. Осуществляясь посредством правовых установок и ценностно-правовых ориентаций, регулятивная функция правового сознания объединяет в себе источники правовой активности, что позволяет определить роль правового сознания как внутреннего, личностного механизма регулирования поведения людей в юридических ситуациях [3; 4]. Ценностные образования и установки в структуре правового сознания личности [3; 4; 28] обеспечивают субъективное принятие и реализацию определенного поведения человека. Ряд авторов отмечали отказ, отстраненность, нежелание людей принимать участие в правовой жизни общества, быть в союзе с властью [1; 2; 6; 8; 9; 10; 16; 23].

Эмпирической базой исследования выступили 182 жителя (60 мужчин и 122 женщины) Краснодарского края в возрасте от 25 до 65 лет, которые в соответствии с действующим законодательством могут исполнять обязанности присяжных заседателей.

Исследование проводилось в три этапа. На *первом этапе* мы изучали установку личности к конкретной ситуации предложения участвовать в суде присяжных. Для этого авторами была разработана анкета, состоящая из девяти вопросов, относящихся к когнитивному, эмоционально-оценочному и поведенческому компонентам установки. В когнитивном компоненте мы выделяли следующие составляющие: знания, представления респондента о суде присяжных как социальном институте, понимание его роли в обществе, понимание своей позиции и возможностей в качестве присяжного; в эмоциональном – определяли отношение респондента к суду присяжных, к ситуации предложения участвовать в суде и своей позиции в нем; в поведенческом – фиксировали позицию согласия или отказа участия в суде присяжных.

На основе готовности участия (поведенческий компонент установки) нами были сформированы группы испытуемых: согласившихся и отказавшихся.

Далее рассматривалась специфика когнитивного и эмоционально-оценочного компонентов установки испытуемых в выделенных группах на основе результатов контент-анализа ответов респондентов. В итоге были получены группы испытуемых с различным характером установки к участию в суде присяжных.

На *втором этапе* исследования мы изучали характер широких социально-правовых представлений испытуемых (представления о правовом устройстве общества в аспектах: законность, правопорядок, справедливость, власть) и их отношение к отдельным элементам правовой реальности, к конкретным правовым ситуациям.

Правовые представления личности исследовали с помощью методов анкетирования, неоконченных предложений, семантического дифференциала с последующим применением контент-анализа. За основу анкеты мы взяли разработанную М.А. Гайнером [7] анкету для изучения правового сознания старшеклассников и модифицировали ее к нашим испытуемым (от 25 до 65 лет). Анкета включала общие сведения о респонденте (пол, возраст, образование, профессия) и три раздела, соотносимые с трехкомпонентной моделью правового сознания. В первый раздел вошли вопросы, касающиеся правовой информированности, понимания правового устройства общества, роли правовых институтов и власти, представление о факторах, влияющих на формирование и развитие правового сознания; во второй раздел – оценочные суждения и отношение к ряду элементов правового устройства общества; в третий – готовность испытуемых вести себя определенным образом в различных правовых ситуациях. Модифицированный вариант методики «Незаконченные предложения» Д. Сакса [20] позволил рассмотреть понимание и отношение испытуемых к понятиям «закон», «справедливость», к правовым институтам и людям, работающим в этой сфере.

Методика семантического дифференциала широко применяется в исследованиях семантической структуры сознания [18; 26]. Факторы СД характеризуют эмоционально-оценочное отношение испытуемого к изучаемым явлениям. Объектами оценивания в работе стали понятия «закон», «власть», отражающие систему правового регулирования; «справедливость», «правда» представляли систему нравственного регулирования.

Далее мы выявляли особенности полученных данных у испытуемых с различным характером установки к участию в суде присяжных.

На третьем этапе в группах изучались смысловые, ценностные ориентации личности. Использовались методики: тест смысловых ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева [15], позволяющий оценить цели в жизни, насыщенность жизни, самореализацию, локусы контроля; «Ценностные ориентации» М. Рокича [29]; ОТеЦ –2 (опросник терминальных ценностей) И.Г. Сенина [21] для оценки выраженности терминальных ценностей и направленности в различных сферах жизни человека.

Полученные данные были обобщены и представлены в виде описания групп испытуемых с различной установкой к участию в суде присяжных, включая характер их широких социально-правовых представлений, оценочных суждений и специфику смысложизненных и ценностных ориентаций.

Установки к участию в суде присяжных

В ходе обработки данных анкеты методом контент-анализа были сформулированы ключевые понятия (категории) и проанализированы содержательные характеристики когнитивного, эмоционально-оценочного и поведенческого компонентов установки личности к участию в суде присяжных. Количественные данные о частоте и объеме упоминаний категорий подверглись статистической обработке. Для анализа были сформированы следующие категории в компонентах установки:

А – готовность к действию в ситуации (поведенческий компонент установки): потенциальная готовность личности участвовать в суде присяжных, отсутствие готовности к участию.

В – знания и представления о суде присяжных и своей позиции в данной ситуации (когнитивный компонент): степень осознания роли и функций суда присяжных в обществе; вера/неверие в возможность эффективности выполнения судом присяжных своих функций; представление о характере своего возможного участия в качестве присяжного заседателя.

С – характер эмоционально-оценочной реакции, отношения испытуемого к данной правовой ситуации: эмоциональная окраска – положительная, отрицательная, нейтральная; степень интенсивности переживаний – слабая, умеренная, сильная; характер переживаемых эмоций – интерес, гордость, радость, настороженность и т.п.

На основании ответов на вопрос о готовности участвовать в суде присяжных (поведенческий компонент) выборка была поделена на группы *согласившихся* (56%) и *отказавшихся* (44%). Дадим краткое описание этих групп по специфике когнитивного и эмоционально-оценочного компонентов установки.

Группа *согласившихся* – 42% с высшим образованием, 36% неоконченное высшее и 22% среднее, 36% мужчин, 64% женщин. В представлении о существовании института суда присяжных отличаются верой в возможность эффективного выполнения судом своих функций (85%), осведомлены о характере работы, роли и функциях суда присяжных в обществе (85%). Свое участие в суде связывают с восстановлением справедливости в обществе (27%). При описании конкретной ситуации и роли суда присяжных характерно обращение к более широким социально-правовым представлениям (16%), к получению новых знаний и впечатлений (36%). Эмоциональное отношение к ситуации характеризуется достаточно высокой степенью интенсивности, преобладает позитив-

ное отношение. Наиболее часто отмечаются эмоции радости (44%), гордости, чувство ответственности (23%) и интереса (34%).

В группе *отказавшихся* преобладают испытуемые с высшим образованием (63%), 29% мужчин, 71% женщин. В представлении о существовании суда присяжных группа неоднородна во мнении: у большинства отсутствует осведомленность (56%), осведомлены о характере работы суда присяжных в обществе 43%. В группе отсутствует вера в справедливость суда присяжных (90%). В представлении о характере своего возможного участия в качестве присяжного заседателя испытуемые отмечают недостаточность своей компетентности в правовой сфере (36%), участие в суде для них – «пустая трата времени» (34%). Эмоциональное отношение имеет отрицательный (69%) либо нейтральный фон (28%), характер переживаемых эмоций – раздражение, недовольство, сомнение.

Таким образом, выявлены некоторые общие различия в представлении и отношении к ситуации участия в суде присяжных у испытуемых выделенных нами групп. В когнитивном компоненте основные различия касаются представлений о роли и возможностях суда присяжных как социального института, собственной позиции в данной конкретной правовой ситуации. В эмоциональном компоненте различия связаны с эмоциональной окраской восприятия ситуации, переживанием испытуемым морального удовлетворения или неудовлетворения в ситуации.

Установки к конкретной правовой ситуации (участие в суде присяжных)

Установлено, что группы согласившихся и отказавшихся неоднородны и за готовностью к одинаковому виду поведения в ситуации предложения участвовать в суде присяжных лежат некоторые различия в характере представлений о данной ситуации и отношения к ней.

Анализ данных, полученных в результате анкеты и уточненных в беседе, позволил сформировать группы испытуемых с различным видом установки к участию в суде присяжных. По совокупной характеристике правовых представлений применительно к конкретной ситуации, группы получили условные названия: «борцы за справедливость», «социальные активисты», «познаватели», «нигилисты», «деловые», «эмоционально-тревожные». В табл. 1 представлены типичные ответы испытуемых в группах, отнесенные к компонентам установки.

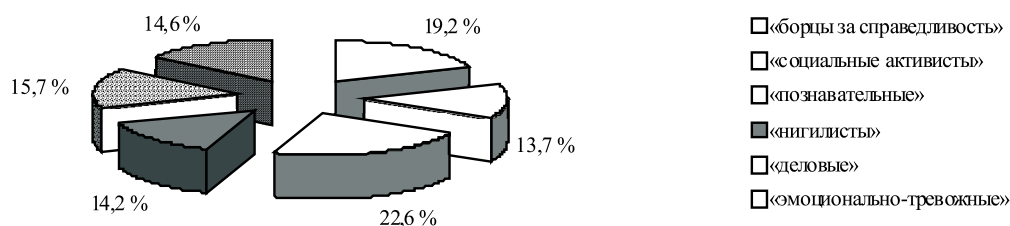
Количественное распределение испытуемых по выделенным группам представлено на рисунке.

Первая группа – «борцы за справедливость» (19%). Средний возраст – 42 года (учителя, служащие, торговые работники); образование высшее (65%). В

Таблица 1

Примеры типичных ответов испытуемых в выделенных группах

Компоненты установки	Согласившиеся			Отказавшиеся		
	«Борцы за справедливость»	«Социальные активисты»	«Познаватели»	«Нигилисты»	«Деловые»	«Эмоционально-тревожные»
Когнитивный	«Вынести справедливое решение», «Борьба с негативными явлениями»	«Участвуя в правовой жизни, ощущаю себя нужным»	«Новая роль, которую хорошо бы попробовать на себе»	«У нас в государстве все равно ничего не изменишь», «Не хочу проблем»	«Не хочу менять распорядок дня», «Судьей должен быть профессионал»	«Я эмоциональный человек и болезненно переношу чужие трагедии»
Эмоционально-оценочный	«Чувство патриотизма и удовлетворения», «Гордость»	«Радость, счастье за доверие, возлагаемое обществом»	«С удовольствием пошла бы», «Это смогло бы оживить образ жизни»	«Раздражение, недовольство», «Чувство напряженности»	«Очень ответственно», «Не обрадовался, лишняя нагрузка»	«Страх, шок», «Панику, волнение», «Не уверена в себе»

Группы испытуемых с различной установкой к участию в суде присяжных заседателей

представлении о существовании института суда присяжных отличаются верой в справедливость суда (92%), осведомленностью (100%), проявляемой в правовой активности. Свое участие в суде связывают с восстановлением справедливости в обществе, вынесением справедливого решения (68%), желанием «правильно» оценить и по возможности изменить происходящее. В отношении конкретной ситуации и своей позиции в ней свойствен положительно-эмоциональный настрой (97%), степень интенсивности переживаний – сильная.

Вторая группа – «*социальные активисты*» (14%). Средний возраст – 49 лет (учителя, медработники, домохозяйки). Осведомлены о характере работы института суда присяжных (100%), по отношению к суду присяжных верят в справедливые решения (96%). В представлении себя в ситуации ориентированы на общественное мнение и признание (74%). Свое участие связывают с общественной жизнью, так как ощущают себя нужными и востребованными в обществе. Отношение к ситуации характеризуется положительными эмоциями, чувством гордости, радости за право на участие в правовой жизни.

Третья группа – «*познаватели*» (23%). Группа оказалась самой молодой – средний возраст 28 лет. В представлении о наличии суда присяжных отличаются неполной осведомленностью (63%), верой в справедливость суда (73%). В представлении о своей позиции по отношению к данной ситуации отличаются направленностью на проявление познавательной активности (расширение кругозора и повышение уровня образованности) в правовой ситуации. Свойственно эмоционально-нейтральное отношение к ситуации (78%). Характер переживаемых эмоций – интерес, радость.

Среди отказавшихся принять участие в суде также выделились три группы.

Первая группа – «*нигилисты*» (14,2%), средний возраст – 38 лет, в основном служащие и торговые работники. Группа неоднородна во мнении о степени осознания роли и функций суда присяжных в обществе, у половины (52%) отсутствует осведомленность. В группе отсутствует вера в справедливость суда (96%). Отмечают формальность роли присяжного и нежелание вовлекаться в ситуацию. Свое отношение к правовой ситуации они определяют как негативное, выражающееся в неверии в суд, закон, в судебную систему. Для позиции своего возможного участия в качестве присяжного заседателя свойственно обращение к широким правовым представлениям (65%), отсутствие компетентного решения (22%). Отношение к правовой ситуации определяется как отрицательно-негативное (96%).

Вторая группа – «*деловые*» (16%). Они менее эмоционально восприняли данное предложение. В группе преобладают работающие мужчины, средний возраст – 34 года, образование высшее. В представлении о существовании суда присяжных отличаются частичной осведомленностью, у 59% из них она отсутствует. Наблюдается неверие в возможность эффективности выполнения судом присяжных своих функций у 86% испытуемых. «Деловые» отмечают, что суд присяжных некомпетентен и решать судьбу человека должен разбирающийся в этом профессионал. Не представляют себя в ситуации, так как это отвлечение от значимых дел «трата времени» (76%). Отличаются эмоционально-нейтральным (66%) и слабо-отрицательным отношением к суду присяжных (31%), степень интенсивности переживаний – слабая, характер переживаемых эмоций – настороженность, недовольство.

Третья группа – «эмоционально-тревожные» (15%). Группа состоит из женщин, которые причину отказа видят в том, что они эмоциональные личности и «слишком чувствительны» к чужому горю, идентифицируя себя с участниками судебного процесса. В представлении о существовании суда группа неоднородна во мнении, у большинства отсутствует осведомленность (57%). Группа не верит в справедливые решения судов (90%). Группе сложно представить себя в ситуации из-за отсутствия компетентного решения. Отказ мотивируется нежеланием нарушать душевный комфорт и внутреннюю уравновешенность, отмечается уменьшение уверенности в своих возможностях, отсутствие своей полезности для общества. Для испытуемых в ситуации значимо обращение к собственному внутреннему миру. Они считают, что суд присяжных некомпетентен и основан на их эмоциях и чувствах. Отличаются проявлением отрицательно-негативной отношением к ситуации (80%), характеризующей эмоциональной впечатлительностью и сензитивностью.

Таким образом, выделенные группы на основе компонентов установки и характера правовых представлений личности различаются: наличием готовности (заинтересованность в предлагаемой ситуации); уровнем выраженности когнитивного и эмоционального компонентов установки, социальной и личностной значимостью в конкретной ситуации; наличием или отсутствием времени и т.д.

Особенности общих социально-правовых представлений

Нами были рассмотрены широкие правовые представления в группах испытуемых в контексте широких правовых отношений (анкета, СД, неоконченные предложения).

Для «борцов», по данным анкеты и анализу результатов применения методики «Неоконченное предложение», характерно чувство личной ответственности за поддержание правопорядка. (53%) допускают, что нарушать закон нельзя, отмечают, что функция суда в нашем государстве – осуществление правосудия, мотив соблюдения закона – защита прав и интересов людей. Группа придает значение обращению в правовые институты как средству восстановления справедливости. Подчинение закону необходимо, так как он един для всех; но 20% допускают нарушение закона, если он неразумен, группе свойственно занимать активную субъектную социально-правовую позицию в правовой сфере. «Борцы» отличаются наибольшим семантическим расстоянием по сравнению с другими группами между понятиями «справедливость» и «власть». Для них характерно эмоционально положительное восприятие справедливости и отрицательное власти. Власть субъективно связывается с такими шкалами, как «грязный», «безобразный», «жестокий» и т.д. Однако, несмотря на такое явное негативное отношение, власть оценивается как более «сильный» и «активный»

объект по сравнению с другими. «Борцы» испытывают сильное возбуждение и готовы активно проявлять себя в правовой сфере.

В ответах «социальных активистов» преобладают негативные оценки деятельности правовых институтов (65%). Мнения по поводу нарушения закона разделились: одни утверждают (41%), что закон можно нарушить в исключительных случаях, другие считают, что нельзя, так как он един для всех. С точки зрения группы, законы в государстве не всегда справедливы (70%). Представления о законе соответствуют ценностям, принятым в юриспруденции. Полагают, что подчинение, закону необходимо, но допускают нарушение закона. Для группы характерно видение как положительных, так и отрицательных сторон существующей реальности и в некоторых случаях принятие их. Власть, в отличие от других понятий, воспринимается негативно, но оценивается высоко по факторам «сила» и «активность». Ближе всего в семантическом пространстве «активистов» располагаются такие понятия, как «закон», «правда» и «справедливость». Эти объекты получили высокие оценки по всем трем факторам. В представлении респондентов закон ассоциируется с правосудием и справедливостью, а понятия «закон» и «справедливость» оцениваются выше, чем в других группах. Семантическая дистанция между понятиями «справедливость» и «власть», «правда» и «власть» в 2–2,5 раза больше, чем между понятиями «справедливость» и «закон», «правда» и «закон» соответственно. Таким образом, у «активистов», как и у «борцов», власть дистанцирована от правды и справедливости в отличие от объективного закона.

«Познаватели» полагают, что бывают ситуации, когда нарушение закона может быть оправданно: если закон несправедлив и от этого никто не страдает (30%). Отмечают, что законы в государстве не всегда справедливы, для достижения «собственной справедливости» их можно нарушать (30%). Суд в обществе призван осуществлять регулирующую функцию и правосудие, но он не всегда это выполняет. Испытуемые испытывают желание оправдать преступление (60%). Результаты исследования не позволяют говорить о положительном отношении к деятельности судов, большинство отмечают низкий уровень авторитета сотрудников правовых институтов (87%). Для данной группы характерна самая маленькая дистанция между понятиями «закон» и «справедливость», «справедливость» и «власть», «правда» и «власть», что свидетельствует о близости в их сознании правовых и моральных категорий. Это может служить одной из причин согласия участвовать в суде присяжных, так как у них отсутствует внутриличностный конфликт, связанный с противопоставлением морали и права.

«Нигилисты», утверждавшие, что они не пойдут в суд присяжных, придают меньшее значение обращению в правоохранительные органы и суд (*«никуда не обращаться, в дальнейшем быть более осторожным»*) как средству восстановления справедливости, чем другие. Они отрицают ценность закона, не

верят, что, подчиняясь закону, можно добиться справедливого устройства общества. Испытуемые характеризуются низким уровнем эмоционального (негативное отношение к правовым институтам, образ сотрудника милиции содержит отрицательные характеристики) и поведенческого компонентов правового сознания (согласились бы купить краденую вещь). «Нигилистам» свойственна тенденция к противопоставлению моральных категорий правовым. По фактору «оценка» справедливость и правда оцениваются положительно, закон и власть – нейтрально. В семантическом пространстве респонденты имеют значительное расстояние между понятиями «закон» и «справедливость», и очень маленькую дистанцию между понятиями «справедливость» и «правда». Для «нигилистов» характерна низкая оценка объекта «закон» по фактору «активность», который воспринимается ими как пассивный, находящийся без движения и т.д.

«Деловые» считают, что наиболее значимо сегодня в обществе знание законов и соблюдение того, что «положено по закону», потому что закон един для всех (41%), но бывает, что законы справедливы, когда это выгодно государству (31%). Степень доверия к работникам института суда, к работникам правоохранительных органов низкая, существующие на сегодняшний день наказания «деловые» считают слишком мягкими, заинтересованы в ужесточении мер наказания (37%). Характерная особенность «деловых» – самая большая из выделенных групп семантическая дистанция между понятиями «закон» и «правда», «правда» и «власть». Закон и власть воспринимаются респондентами как достаточно близкие по смыслу понятия, которые противопоставляются правде. Таким образом, в сознании «деловых» закон и власть далеки от правды. При этом правовые категории оцениваются негативно, а правда – положительно. Правовые объекты и явления вызывают явное желание избегания, удаления. При оценке понятия «власть» респонденты испытывают сильное эмоциональное напряжение. При субъективном восприятии этого конструкта актуализируются такие шкалы, как «тяжелый», «большой», «сильный». Это показатель напряженности, возникающей при столкновении с объектом правовой реальности.

«Эмоционально-тревожные» демонстрируют отрицательное эмоциональное отношение к закону, суду, к работникам правовых институтов, что указывает на низкий уровень выраженности эмоционального компонента правового сознания. Поведенческий аспект правового сознания свидетельствует о готовности следовать правовым нормам и предписаниям, но не во всех ситуациях. В некоторых случаях исследуемые, не веря в возможность справедливого решения и отталкиваясь от собственных моральных внутренних критериев, предпочли бы нарушить закон. «Эмоциональные» относятся к закону нейтрально, но власть в целом оценивают высоко и положительно по всем семантическим факторам. В отличие от всех групп в сознании «эмоциональных» правовые ка-

тегории («закон» и «власть») сильно различаются, испытуемые демонстрируют значительное расхождение этих смыслов (самое большое семантическое расстояние среди выделенных групп между законом и властью. По сравнению со всей выборкой, для «эмоциональных» характерны низкие значения по фактору «активность» при оценке понятия «справедливость». Это может быть связано с неверием в справедливость, некоторой пассивностью или отстраненностью относительно данной моральной категории.

Полученные результаты свидетельствуют о специфике широких социально-правовых представлений в группах испытуемых с различной установкой к участию в суде присяжных.

Установка к ситуации и смысложизненные ориентации

Исследование позволило выявить особенности смысложизненных ориентаций испытуемых в выделенных группах (табл. 2).

У согласившихся по шкалам «Цели» и «Результат» выявлены различия

Таблица 2

Средние значения теста СЖО по группам установок, балл

Шкала	Группы					
	согласившиеся			отказавшиеся		
	«борцы»	«соц. активисты»	«познавательные»	«нигилисты»	«деловые»	«эмоционально-тревожные»
Цели	↑ 42,4	↓ 35,8	↓ 37,2	↑ 39,1	↑ 39,1	↓ 35,6
Процесс	↑ 35,6	↓ 27,3	↓ 31,3	↓ 29,5	↑ 33,2	↓ 29,7
Результат	↑ 34,8	↓ 29,7	↓ 28,8	↑ 31,8	↑ 31,5	↓ 29,9
Локус контроля – Я	↑ 24,1	↓ 19,7	↑ 21,5	↓ 20,9	↓ 20,8	↓ 20,4
Локус контроля – Ж	↑ 34,3	↓ 27	↔ 30,9	↔ 30,8	↑ 31,6	↓ 27,9
ОЖ	↑ 117,4	↓ 95	↓ 105,1	↓ 105,8	↑ 107,8	↓ 98,8

Примечание. Знаки ↑, ↓ и ↔ – соответственно высокие, низкие, средние значения по методике СЖО.

между «познавателями» и «борцами» ($p < 0,001^2$); по шкалам «Процесс», «ЛК-Я», «ЛК-жизнь» ($p < 0,05$). Выявлены различия между «борцами» и «активистами» по шкалам «Цели», «Процесс», «Результат», «ЛК-жизнь» ($p < 0,001$), по шкале «ЛК-Я» ($p < 0,05$). Наблюдаются различия и между «познавателями» и «активистами» по шкале «Процесс» ($p < 0,05$), по «ЛК-жизнь» ($p < 0,001$). Для «борцов» характерны высокий уровень осмысленности жизни, ориентация на будущее, планирование в соответствии с поставленными целями, проявление

² Здесь и далее значимость различий указана по t-критерию Стьюдента.

активности на основе опыта прошлого, настоящего и принятие за этот выбор ответственности. «Познавателям» свойственны осмысленность настоящего, низкие показатели осмысленности прошлого и будущего, неудовлетворенность прошлым, восприятие настоящего как насыщенного интересными событиями, иллюзорность планов и плохое представление будущего. Представители «активистов» отличаются наличием низких показателей осмысленности прошлого, настоящего, будущего, редко ощущают себя хозяевами жизни, чаще поддаются влиянию окружающих.

У *отказавшихся* по шкалам «Цели» и «Результат», «ЛК-жизнь» выявлены различия между «деловыми», «нигилистами», «эмоционально-тревожными» ($p < 0,05$). Для «деловых» характерен высокий уровень осмысленности жизни, способность ставить цели и ориентация на будущее, умение придавать значение осмысленности жизни, они обладают высокой оценкой реализации собственного потенциала, свобода выбора и возможность свободно распоряжаться своей жизнью. Представители группы «нигилистов» отличаются смешанностью типов осмысленности жизни (сочетание низких и высоких показателей по шкалам «Цели», «Процесс», «Результат»), но несмотря на наличие нацеленности на будущее, отличаются неудовлетворенностью своей жизнью в настоящем, низким уровнем самоопределения и неумением контролировать события своей жизни. «Эмоциональным» соответствует низкий уровень осмысленности жизни, низкая направленность на будущее, отсутствие представления о себе как о хозяине жизни, которую можно контролировать, и низкий уровень самореализации.

Из сказанного следует, что представляющие себя субъектом, «хозяином своей жизни» удовлетворены прошлым и настоящим, и ориентированы на будущее, в конкретной правовой ситуации способны проявлять активность и ответственность за свои действия и решения.

Установка к ситуации и ценностные ориентации

Испытуемые, отличающиеся компонентами установки, характеризуются различиями по терминальным ценностям: различия проявляются в оценке жизненных сфер и терминальных ценностей. Согласившиеся («борцы», «познавательные») оценили терминальные ценности выше, чем отказавшиеся («деловые», «эмоциональные»). Значимы такие терминальные ценности, как сохранение собственной индивидуальности, материальное положение, развитие себя ($p < 0,05$). В ценностях жизненной сферы согласившиеся больше ценят сферу общественной жизни. Большое значение придается семейным связям в группах «борцы», «активисты», «нигилисты» ($p < 0,05$).

Таким образом, в ходе анализа данных правовых представлений личности с различной установкой к конкретной правовой ситуации выявлены различия в смысловых сферах (смысложизненных и ценностных ориентациях).

Выводы

Люди с разной поведенческой установкой к участию в суде присяжных заседателей отличаются разноуровневыми смысловыми образованиями личности: характером представления и отношения к данной ситуации, общими правовыми представлениями и ценностными ориентациями. Готовность или отсутствие готовности личности к участию в суде присяжных проявляется в особенностях когнитивного (понимание роли суда присяжных в обществе, понимание конкретной правовой ситуации и своей позиции в ней) и эмоционально-оценочного (позитивным/негативным отношением респондента к данной конкретной ситуации) компонентов установок личности.

На основе данных исследования можно сформулировать типичные характеристики личности по отношению к участию в суде присяжных.

Согласившиеся принять участие в суде присяжных

«*Борцы за справедливость*» характеризуются проявлением правовой активности по выбору формы поведения в ситуации. Им свойственны ответственность и положительный эмоциональный настрой в предлагаемой ситуации, они охотно выражают согласие на участие в процессе. Представители этой группы наиболее значимыми критериями считаются знание законов и требование, что все должно быть по закону. Испытуемые высоко ценят себя и относят себя к преобразователю ситуации, связывая свое участие с возможностью восстановления справедливости в обществе. Для них характерно положительное эмоциональное восприятие справедливости и отрицательное власти, но, несмотря на негативное отношение, понятие «власть» оценивается как более «сильный» и «активный» объект по сравнению с другими, таким образом, «*борцы*» испытывают сильное возбуждение и готовы активно проявлять себя в правовой сфере. Испытуемые характеризуются высоким уровнем осмысленности жизни, умением ставить цели и ориентированностью на будущее, им свойственны планирование в соответствии с поставленными целями, проявление активности на основе опыта прошлого, настоящего и принятием ответственности за этот выбор. Они стремятся к реализации себя относительно всех сфер жизнедеятельности, что находит свое подтверждение в ценностных ориентациях.

«*Социальные активисты*» ориентированы на переживаемые собственные эмоции, связанные с ситуацией, отличаются чувством гордости и радости за право участвовать в правовой жизни. Своей активной социальной позицией они реализуют свои потребности в общении и взаимодействии, отмечая уверенность в своих возможностях и наличие своей полезности для общества. Для данной группы характерно видение как положительных, так и отрицательных сторон существующей реальности, в некоторых случаях и принятие их. Власть, в отличие от других понятий, воспринимается негативно, но оце-

нивается высоко факторами «сила» и «активность» в СД; закон ассоциируется с правосудием и справедливостью, но не с властью. Несмотря на желание быть социально активным, представители группы имеют низкие показатели осмысленности прошлого, настоящего и будущего, редко ощущают себя хозяевами жизни, чаще поддаются влиянию окружающих.

«Познаватели» в представлении о своей позиции по отношению к данной ситуации отличаются направленностью на проявление познавательной активности. Им свойственны эмоционально нейтральное отношение к ситуации, умеренная степень интенсивности переживаний, превалирование интереса и радости в переживаемых эмоциях. Основной характеристикой испытуемых по сравнению с другими группами является самая маленькая дистанция между изучаемыми понятиями (законом, справедливостью, властью, правдой), что свидетельствует о близости в сознании испытуемых правовых и моральных категорий. Это может служить одной из причин их согласия участвовать в суде присяжных, так как у них отсутствует внутриличностный конфликт, связанный с противопоставлением морали и права. Испытуемые хорошо осмысливают настоящее, имеют низкие показатели осмысленности прошлого и будущего, прошлым не удовлетворены, но настоящее воспринимают как интересное событием, а планы на будущее представляют плохо.

Отказавшиеся принять участие в суде присяжных

Для «нигилистов» характерно проявление негативной установки по выбору формы поведения в ситуации. В группе отсутствует вера в справедливость судебных решений. Позиции «нигилистов» по отношению к данной ситуации свойственно обращение к широким правовым представлениям, скептицизм и неверие в действенность законов и их возможностей. Отношение к правовой ситуации определяется как негативное, степень интенсивности переживаний – сильная, характер переживаемых эмоций – раздражение, недовольство. «Нигилисты» проявляют тенденцию к противопоставлению моральных категорий правовым. В семантическом пространстве респонденты имеют значительное расстояние между понятиями «закон» – «справедливость» и очень маленькую дистанцию между понятиями «справедливость» и «правда», характерной чертой является низкая оценка объекта «закон» по фактору «активность». Закон воспринимается ими как пассивный, застывший, находящийся без движения и т.д. Представители группы отличаются смешанностью типов осмысленности жизни (сочетание низких и высоких показателей по шкалам «Цели», «Процесс», «Результат»), но, несмотря на наличие нацеленности на будущее, отличаются неудовлетворенностью жизнью в настоящем, низким уровнем самоопределения и неумением контролировать события своей жизни.

Для «деловых» характерно проявление концентрации на собственной профессиональной деятельности, в представлении о характере своего участия в

роли присяжного не видят себя в ситуации, так как для них это отвлечение от значимых дел. Отличаются эмоционально нейтральным и слабо-отрицательным отношением к суду, степень интенсивности их переживаний – низкая, характер переживаемых эмоций – настороженность, недовольство. Характерной особенностью испытуемых является самая большая семантическая дистанция между понятиями «закон» и «правда», «правда» и «власть». Закон и власть воспринимаются респондентами как достаточно близкие по смыслу понятия, которые противопоставляются правде, в сознании «деловых» понятия «закон» и «власть» далеки от понятия «правда». При этом правовые категории оцениваются негативно, а правда положительно. Правовые объекты и явления вызывают у «деловых» явное желание избегания, удаления, что служит показателем дискомфорта и напряженности, возникающих при столкновении с объектом правовой реальности. Испытуемым свойствен высок уровень осмысленности жизни, они умеют ставить цели и ориентироваться на будущее, придавать значение осмысленности жизни, обладают высокой оценкой реализации собственного потенциала, имеют свободу выбора и возможность свободно распоряжаться своей жизнью.

«Эмоционально-тревожным» значимо в ситуации обращение к собственному эмоциональному внутреннему миру. При выборе формы поведения они акцентируют свое внимание и внимание окружающих на переживаемых эмоциях, связанных с правовой ситуацией, отказываются из-за боязни и нежелания нарушить собственный душевный комфорт и внутреннюю уравновешенность. Категорию «закон» воспринимают нейтрально, но «власть» в целом оценивают высоко и положительно по всем семантическим факторам. В отличие от других групп в сознании испытуемых правовые категории («закон» и «власть») между собой сильно различаются, испытуемые демонстрируют значительное расхождение этих смыслов (самое большое семантическое расстояние). Из всей выборки этой группе свойственны низкие значения по фактору «Активность» при оценке понятия «справедливость», что может быть связано с неверием в справедливость, некоторой пассивностью и отстраненностью. Группе соответствует низкий уровень осмысленности жизни, низкий уровень самореализации, низкая направленность на будущее и отсутствие представления о себе как о хозяине жизни, которую можно контролировать.

Библиографический список

1. Абульханова К.А. Личностные особенности детерминанты социальных представлений // Идея системности в современной психологии / Под ред. В.А. Барабанщикова. М.: Институт психологии РАН, 2005.
2. Абульханова К.А. Российский менталитет: кросс-культурный и методологический подходы // Российский менталитет. Вопросы психологической теории и практики / Под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Волокитовой. М.: Ин-т психологии РАН, 1997.

3. *Белобородов А.Г.* Образ права в структуре правосознания (психосемантический аспект) // Актуальные проблемы юридической психологии. М.: Юридическая литература, 1998.
4. *Белобородов А.Г.* Образ права как смысловой уровень правового сознания и его особенности у преступников: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1999.
5. *Васильев В.Л.* Юридическая психология. СПб.: Питер, 1997.
6. *Воловикова М.И.* Нравственно-правовые представления в российском менталитете // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 5.
7. *Гайнер М.Л.* Правосознание подростков. М.: Магистр, 1998.
8. *Голынич Е.О.* Присяжные заседатели: атрибуция ответственности за преступление // Вестник МГУ. Сер.14. Психология. 2002. № 1.
9. *Григоренко О.П.* Суд присяжных в культурной традиции России: Дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2003.
10. *Гулевич О.А.* Социальные представления о преступлениях в межличностной и массовой коммуникации // Вопросы психологии. 2001. № 4.
11. *Гулевич О.А.* Теоретический анализ и опыт эмпирического исследования правосознания как совокупности социальных представлений о праве // Мир психологии. 1999. № 3.
12. *Гулевич О.А., Голынич Е.О.* Правосознание и правовая социализация. М.: Международное общество им. А.С. Выготского, 2003.
13. *Еникеев М.И.* Основы общей и юридической психологии. М.: Юрист, 1996.
14. *Кудрявцев В.Н.* Правовое поведение: норма и патология. М.: Наука, 1982.
15. *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: СМЫСЛ, 1992.
16. *Николаева О.П.* Исследование этнопсихологических различий морально-правовых суждений // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 4.
17. *Николаева О.П.* Морально-правовые суждения и проблема развития морального сознания в разных культурах: Автореф. дис. ...канд. психол. наук. М.: ИГП РАН, 1992.
18. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005.
19. *Ратинов А.Р., Ефремова Г.Х.* Правовая психология и преступное поведение: Теория и методология исследования. Красноярск: Издательство Красноярского ун-та, 1988.
20. *Румянцев Г.Г.* Опыт применения метода «незаконченных предложений» в психиатрической практике // Исследования личности в клинике и в экстремальных условиях. Л.: ЛГУ, 1969.
21. *Сенин И.Г.* Опросник терминальных ценностей / НПЦ «Психодиагностика»; Фонд гражданских инициатив «Содействие». Ярославль, 1991.
22. *Славская А.Н.* Личность как субъект интерпретации. Дубна: Феникс+, 2002.
23. *Славская А.Н.* Правовые представления российского общества // Российский менталитет. Вопросы психологической теории и практики / Под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Волокитовой. М.: Институт психологии РАН, 1997.

24. *Улько Е.В.* Субъект интерпретации ситуаций социального взаимодействия. Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: Институт психологии РАН, 2005.
25. *Чефранов В.А.* Правовое сознание как разновидность социального отражения. Киев: Вища школа, 1976.
26. *Шмелев А.Г.* Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. М.: МГУ, 1983
27. *Щегорцов В.А.* Социология правосознания. М.: Мысль, 1981.
28. *Щербакова Н.В.* Проблемы правовой установки. Ярославль: ЯрГУ, 1993.
29. *Rockeach M.* The Nature of Human Values. N.Y.: Free Press, 1973.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

.....

Р. Дженкинс¹

Задача обзора – показать, как современными авторами понимается глобализация и какую специфику она придает процессам идентификации. Обзор строится на двух базовых допущениях. Во-первых, принятая наблюдателем точка зрения влияет на то, что он видит, и на то, к каким теоретическим построениям он приходит при осмыслении того, что он видит. Во-вторых, одной теории (точки зрения) недостаточно для адекватного понимания такого сложного явления, как глобализация.

Что имеют в виду, когда говорят о глобализации?

Знакомство с работами по глобализации, вышедшими с конца 1980-х гг., позволило выделить два основных, не исключающих друг друга тезиса (лейтмотива). Сформулируем их предельно упрощенно.

Глобализация 1: мир одновременно и уменьшается, и увеличивается, и оба процесса взаимосвязаны.

Уменьшению мира придумываются метафоры: «пространственно-временное сжатие» Д. Харви [27]; «конец географии» Р. О'Брайана [42]. В числе факторов «сжатия» часто называют путешествия, электронные СМИ, капиталистическую интеграцию.

Увеличение мира аргументируется тем, что малые, локальные миры повседневной жизни оказываются все теснее и многостороннее связанными с большим миром. В числе факторов раздвижения границ часто называют туризм,

¹ Ричард Дженкинс – профессор университета Шеффилда, Великобритания. Электронная почта: r.p.jenkins@sheffield.ac.uk

Текст подготовлен в рамках проекта HESP «Regional Seminar for Excellence in Teaching “Social identities in transforming societies”» (рег. номер E-1067, руководитель проекта Алла Анисимова, Новосибирский госуниверситет).

Пер. с англ. О.А. Оберемко.

потребление, коммуникацию, потоки разного рода ресурсов. Подчеркивается, что все факторы находятся в системной взаимосвязи.

Глобализация 2: в мире одновременно идут два процесса – унификация и диверсификация.

Унификация – черта эпохи модерна: унифицируются вещи, места, процедуры, институты. Диверсификация – черта эпохи постмодерна: диверсифицируются люди, объекты, практики, мнения.

Глобализация 1 и 2 тесно связаны друг с другом. Центральный момент для обеих трактовок глобализации (1 и 2) – люди узнали, что живут в глобальном, а не локальном мире [46].

В аргументации тезисов о глобализации авторы обращаются к разным предметам исследования: культуре, политике, экономике.

Роль культуры в процессе глобализации

В теоретических работах о глобализации встречаются две версии распространения культурных влияний: сверху вниз и снизу вверх.

1. *Культурные влияния сверху вниз* прослеживаются: а) по движению (материальных и символических) вещей; б) по развитию средств их доставки (распространения).

Движение вещей. Исследователи, интересующиеся движением вещей (музыки, телевидения, моды, фаст-фуда и др.), как правило, признают неравенство между «верхом» и «низом», тем не менее основное внимание уделяют росту гомогенности в потреблении и сопутствующих ему смыслов. Для обозначения глобализирующего влияния «верха» используются также неологизмы, как кока-колонизация, макдональдизация [44; 45], логотипизация [36].

Кроме того, получили широкое распространение новые явления, которые (в отличие от существовавших ранее) не имеют «дома» – какой-либо привязки к определенному месту, стране и т.п.: «World music», «Google», «FaceBook», «YouTube» и т.п. В силу этого им свойственна гибридность.

Средства культурной глобализации: информационные технологии и СМИ. 11 сентября предстало истинно глобальным событием, которое транслировалось в прямом эфире по телевидению (об этом уже написана обширная библиотека). Кроме того, сети электронной почты и другие средства интернет-сообщения открыли невиданные возможности для установления и поддержания отношений [40].

2. *Культурные влияния снизу вверх* стали весьма заметным явлением. В фокусе внимания – либо сопротивление глобализации, либо (в менее драматичной форме) способы восприятия и освоения (и присвоения) глобальных культурных явлений внутри локальных сообществ (которые остаются локальными в определенных аспектах).

Для обозначения взаимодействия локального и глобального Р. Робертсон предложил понятие «глокализация» [46], в котором выделяются, по меньшей мере, три аспекта:

1) повседневная, рутинная изобретательность человека: люди «периферии» так или иначе адаптируют, изменяют и по-своему, на локальный манер как бы воссоздают глобальные культурные заимствования [20];

2) специфичность неизбежна не только из-за сопротивления глобализации; просто отвечая глобализирующей культуре и ее проводникам, локальные сообщества невольно подчеркивают собственную уникальность и неповторимость, для чего даже изобретают себе традиции [53];

3) конструирование для туристов местной экзотики – успешная маркетинговая стратегия локальной культуры [26].

Государства и государственные границы в процессе глобализации

В поле политики и международных отношений прорабатываются несколько тематик.

1. Движение населения:

– открывшиеся возможности для трансграничной мобильности обеспечили легкий доступ к культурному разнообразию; одновременно можно говорить о формировании различий в отношении к разным культурам, которые стали доступны: различия между ценностями и целями туристов и паломников [2], между движущимися по миру туристами и движимыми миром бродягами [1];

– миграция открыла возможности для формирования транснациональных сообществ и диаспор [56];

– мир и человеческая жизнь стали представляться более динамичными в отношении государственных границ.

2. Особенности (пост)современности

Развитие информационных технологий и коммуникаций (Интернет, спутниковое телевидение и т.д.) привело к тому, что государство утратило прежний контроль не только над проживающим на территории населением, но и над рисками, которые исходят из-за границы: экологические катастрофы, эпидемии, терроризм и т.п. Эти процессы Э. Гидденс анализирует в рамках концепции «рефлексивного модерна» [19], У. Бек – общества риска [3].

3. Государственная политика и политика государств: (не)актуальность нации-государства

В перспективе развития бизнеса подчеркивается, что он по-прежнему укоренен в нации-государстве: как и раньше, бизнес стремится использовать государство как ресурс в продвижении деловых интересов [43].

В перспективе международных отношений подчеркивается фактическое снижение суверенитета (многих, но не всех) отдельных государств. Важна место в этой теме занимает обсуждение практических последствий 11 сентября, высказывается идея о складывании (относительно) независимой от наций-государств политической системы [23].

В то же время обсуждается повышение авторитета президента США и во внутренней, и во внешней политике и одновременное усиление поддержки и развитие сотрудничества между США и другими государствами. При этом отмечается, что консолидация и расширение коалиции антиамериканских сил происходит не на государственном уровне, а на уровне общественного мнения.

После 11 сентября произошло временное падение производства в таких секторах экономики, как авиаперевозки, добыча нефти, туризм, страхование. Это привело к осознанию потребности в большей управляемости мировым хозяйством и экономиками стран со стороны государства.

4. Политика и сопротивление «снизу»

В контексте глобализации через официально провозглашаемые программы помощи, через неправительственные организации и др. поддерживаются новые национальные и социально-классовые (grass roots) протестные движения в их конфликтах и переговорах с официальными властями. Разумеется, ресурсами глобализации пользуются и общественные движения, имеющие длительную историю.

Экономика в процессе глобализации

1. Мир-системный подход

Подчеркивается долгая история международного капитализма и торговых отношений, и делается вывод о том, что глобализация – не новый процесс. Увеличивающееся в эпоху глобализации неравенство, которое воспроизводится путем эксплуатации и экспроприации, консервирует отсталость, являясь органичной частью капиталистической системы [16; 57].

2. Подход в перспективе (больших) экономических акторов

Сторонники альтернативного подхода утверждают, что межстрановое неравенство сохраняется, потому что настоящая глобализация еще не наступила: есть между-, или мультинациональное, а не глобальное (не мировое) капиталистическое хозяйство. Подобные утверждения основываются на макроэкономических данных, которые свидетельствуют о том, что удельный вес «глобализированной экономики» снизился по сравнению с XIX в., но увеличилась доля товарооборота внутри незначительно расширившегося экономического блока развитых стран, куда в настоящий момент входят Северная Америка, Европа, Австралия, Юго-Восточная Азия и Япония. При этом разрыв между развиты-

ми и богатыми странами и неразвитыми и бедными увеличивается, а не сокращается [29; 30].

Таким образом, можно сформулировать некоторые обобщения

1. Глобализация – это не одно явление, а множество разных явлений. Ее понимание зависит не только от объективных фактов, но и от угла зрения на них – от выбора предмета исследования, интересующего аспекта «объективной» реальности.

2. Грубо можно выделить три аспекта: глобализация культурная, политическая, экономическая. Для полного понимания происходящего нужно учитывать все аспекты [58; 28].

3. Также для понимания процессов глобализации важно различать культурные влияния снизу вверх и сверху вниз.

4. Вопрос о том, насколько нова глобализация, остается открытым и требует еще специального изучения.

Идентификация в контексте глобализации: пример этничности

Базовая социально-конструктивистская модель этничности в антропологии включает следующие тезисы:

- этничность строится на различиях в культуре;
- этничность только строится на разделяемых (общих) смыслах – на культуре, но производится и воспроизводится во взаимодействии;
- этничность не есть нечто фиксированное и неизменное; напротив, она зависима от ситуации и социального окружения, до некоторой степени изменчива и поддается манипуляции;
- этничность как одна из идентичностей (идентификаций) одновременно коллективна и индивидуальна, экстернализована и интернализована.

Это базовые постулаты, однако они не всё могут объяснить. Всегда остается масса вопросов для понимания и дальнейшего исследования. Один из таких вопросов можно сформулировать следующим образом: в чем заключаются сходства и различия между этничностью и другими основаниями для принадлежности и идентификации с другими общностями? Рассмотрим сначала отличия.

Этничность и отличие

Соотношение сходства и различия – основа для групповой идентичности. Этничность подчеркивает прежде всего отличие, поскольку этническая идентичность реализуется и воспроизводится во взаимоотношениях с Другими, которые не похожи на Нас.

Рост этнического самосознания вполне вписывается в контекст постмодерна, который, по мнению его пропагандистов, празднует не сходство, а именно *отличие* и в силу этого служит:

- оплотом сопротивления евроцентричным и андроцентричным метанарративам истории и прогресса;
- отправной точкой для воображения «нового мира» горизонтальных взаимоотношений, взаимного признания и толерантности;
- плацдармом для наступления против фундаменталистского мировоззрения;
- основанием для отстаивания прав на автономное (со)существование людей, вытесненных на периферию, маргинализированных, признаваемых меньшинствами;
- источником вдохновения для этнической и политической репрезентации и конструирования отличий, которые бросают вызов централизации, унификации, интеграции и доминированию нации-государства;
- источником вдохновения для новых моделей, предназначенных для анализа сложного социального мира (см., например: [9; 31; 33; 41; 49; 52]).

Согласно социальной теории подобные рассуждения приводятся для того, чтобы поставить под сомнение простоту и единообразие социального мира, наивные убеждения послевоенного поколения, которые (ошибочно) видели в том мире, в котором они выросли, норму, а не историческое исключение [8; 15, p. 143–161].

Признание неадекватности упрощенного послевоенного взгляда на социальный мир стало реакцией на материальную и политическую нестабильность мира после 1989 г., затем после 11 сентября, а также попыткой увидеть новые смыслы в интеллектуальном проекте Просвещения, который перестал казаться простым и однозначным.

Модерн и глобализация

Есть очевидное сходство между социально-конструктивистским подходом к этничности и культурно-плюралистическими моделями общества, которые предполагают его гетерогенность. Однако сторонники «различий» ошибочно полагают, что разнообразие в обществе – это относительно новое явление, которое якобы происходит как развитие более ранней стадии культурного единообразия [32; 5]. Эту, по сути, историцистскую модель движения от простого к сложному, от закрытого к открытому, от абсолютного к относительному, от статичного к динамичному и т.п. едва ли можно признать адекватной, особенно в перспективе самого культурно-плюралистического моделирования.

Остается вопрос: если разнообразие свойственно повседневной рутине, то стоит ли нам в многообразии видеть какой-то особый случай, который заслу-

живает пояснений? Ответ – нет. В культурном и этническом разнообразии нет ничего нового.

Однако хотя герметично обособленную группу исторического прошлого можно лишь романтизировать в своем воображении, социальный мир конца XX–начала XXI в. все же сильно отличается от предыдущих столетий. В чем же разница?

Разница заключается в *масштабе* сцен, внутри которых люди *видят, мыслят* себя и других. Используя терминологию А. Шютца, можно сказать, что «жизненный мир» расширился и углубился [50; 51]. Непосредственный повседневный социальный мир наших современников расширился, потому что значительно улучшились все виды коммуникации, какие можно себе представить: сегодня легко и удобно поддерживать с людьми тесные отношения, находясь друг от друга на громадном расстоянии, в глобальном масштабе, и объехать мир перестало быть неподъемным предприятием. Как утверждает Э. Гидденс, время и пространство больше не связаны друг с другом так же тесно, как раньше [19, p. 110ff.]. Они изменились, и эти изменения поддаются подсчету:

- с большинством людей, о которых мы что-то знаем, мы лично не знакомы; те, кого мы знаем лично, остались в меньшинстве;
- о лично не знакомых нам людях нам известно гораздо больше, чем всего поколение тому назад;
- скорость распространения информации (знания) в пространстве увеличилась за счет развития информационных технологий;
- масштаб социальных сцен, где формируются и поддерживаются наши идентичности, увеличился;
- о Других («чужих») мы узнаем больше и быстрее, чем о Своих.

Тем не менее остается место для сомнений в том, чтобы эти изменения считать беспрецедентно, радикально новыми. Разница возможна лишь в степени. Многие из нас продолжают вести свою жизнь в маленьких жизненных мирах, в первичных социальных группах, на аренах, населенных людьми, многих из которых мы знаем лично и с которыми взаимодействуем лицом к лицу (что не одно и то же, если сказать, что знаешь человека хорошо или даже близко).

Развитие средств сообщения позволило повсеместно предлагать широкие возможности для потребления продуктов культуры и культурной дифференциации; в этом – главный аргумент пропагандистов серьезных эффектов глобализации [21; 22]. Серьезность влияния глобализации ставится под сомнение по двум основаниям.

Во-первых, значимость нынешнего взрыва разнообразия невозможно надежно сравнивать с тем, как дифференциация воспринималась в прошлом. Не исключено, что каждое поколение удивляется взрыву разнообразия, но не всякое поколение находит для этого претенциозные лейблы в роде «постмодерн»

и «глобализация» (подобно тому, как старики всегда брюзжат по поводу новых поколений).

Во-вторых, глобализация порождает не только различия, но и сходства, а это – главный тезис в литературе о глобализации. Выходя из самолета в любой точке планеты, мы встречаем знакомое, т.е. сходное с тем, что нам уже известно.

За влиянием гомогенизации (глобализации) часто следует локальная реакция; конвергенция сопровождается дифференциацией и полицентризмом [25, р. 217–267]. Роланд Робертсон для обозначения подобных процессов предложил понятие «глокализация» [46, р. 173–174; 47]. Глобальное и локальное всегда идут рука об руку; то же верно для формирования сходств и различий (см. о музыке [55]). Однако говорить о том, что именно глобализация является причиной локальных движений (см. [59] о Латинской Америке, [32] о Восточной Африке, также [48] неверно. Глобализация может поставлять ресурсы и контекст, но её причины всегда старше, чем сама глобализация, укоренены в историю локуса.

Местное, региональное, национальное, глобальное

Вопрос о том, как мы отличаем локальные идентичности от этнических, региональные от национальных и т.п., связан с категоризацией и масштабом идентичностей. Любая, например, этническая идентичность состоит из сегментов, образующих иерархию. Две группы могут различаться друг от друга в одной ситуации, как А и Б, а в другой ситуации – как В и Г (см. классический текст М. Мёрмана [39] и выстроенную по аналогии схему).

Академгородок – Новосибирск

Город (центр) – область (периферия)

Новосибирск – остальная Сибирь

Сибирь – Россия

Россия – Европа

– Америка

– Китай

Ближнее – дальнее зарубежье

Европейцы – туземцы

Схема идентичности Новосибирска

Каждая из приведенных оппозиций отражает «социальную организацию культурного различия» [7] и включает социально одобряемые личностные идентичности.

Приведенную схему можно дополнить различием *номинальной* и *действительной* идентичностей. Номинальная [nominal] идентичность – это ярлык, лейбл, наименование, отнесение к определенному классу объектов; действительная [virtual] идентичность связана с практическими последствиями наименования (ярлыка), с действительными отношениями к тому лицу, которого наименовали (идентифицировали) определенным образом [34, р. 76–8]. В этой перспективе различия, скажем, между местной, региональной и этнической идентичностями лежат в сфере последствий: например, в терминах прав и обязанностей, доступа к социально-экономическим ресурсам или социальному признанию. Региональная идентичность не порождает такого взаимного межличностного признания в отличие от местной идентичности. С точки зрения местного самоуправления, местная идентичность связана с правами и обязанностями – уплатой местных налогов, правом участвовать в местных выборах, – которые, например, с этничностью не связаны (о соотношении между этнической и другими идентичностями см. работы Коэна и его коллег [12–14]).

Еще раз о глобализации

Как бы ни называли современную эпоху – постмодерном, высоким или поздним модерном, глобализация либо идет, либо произошла. О влиянии глобализации на этничность написан ряд работ [24; 25; 17; 18; 22; 58, р. 133–139], однако неясно, каковы его последствия. Ясно, что они не универсальны, что они связаны с локальным контекстом, что государство по-прежнему сохраняет свое значение (см. [32] о Восточной Африке, [59] о Латинской Америке, [10] об этнизации культурной идентичности, [38] об Ирландии, [37] о Китае).

В контексте одновременного сжимания и расширения пространства – времени локальная и этническая идентичности осмысливаются как две стороны одной медали; каждая из них может усиливаться как результат влияния со стороны глобального контекста или как защитная реакция на его усиление. К. Кинвал вскрывает логику взаимосвязей между глобализацией и религиозным национализмом:

- глобализация ослабляет онтологическую безопасность индивида и группы;
- повседневная жизнь отрывается от территории, места: «дома» как категории безопасности больше нет, что порождает тревожность;
- различают несколько видов реакции на тревожность: возврат к коллективности, демодернизацию, поиск стабильной идентичности в национализме и/или религиозности;
- национализм и религия конструирует широкую общность «народ», принадлежность к которому дает ощущение безопасности и продолжения традиции;

– темы расы и гендера связываются с метафорами семьи и безопасного дома [35].

Однако остается неясным, почему разные сообщества в разной степени подвержены влияниям глобализации [54].

Глобализация и индивиды

Глобализация влияет на людей в зависимости от того, как они сами ее определяют, понимают и принимают. Поэтому чтобы понять влияния глобализации, нужно взять в расчет процессы идентификации, происходящие на индивидуальном уровне.

Психолог Дж. Арнет выделяет четыре последствия глобализации [6].

1. *Формирование бикультуральных идентичностей*, когда одна часть самоидентичности индивида укоренена в локальную, другая – в глобальную идентичность. В результате появляются гибридные идентичности, причем гибридность возрастает, поскольку локальные культуры меняются под воздействием глобализации.

Здесь нужно быть осторожным: если сильно увлечься идеей о том, что в Я появляется многоголосная идентичность – звучат голоса (складываются репертуары) разных общностей, к которым индивид принадлежит, то может возникнуть (неверное) представление о том, что раньше культуры и идентичности были монолитными и стабильными и что многоголосие Я – принципиально новое явление.

2. *Распространение диффузной идентичности* проявляется в том, что люди, не принадлежащие к глобализированному миру, не ощущают принадлежности к своим локальным мирам. Принося значение локальной культуры по сравнению с глобальной культурой, они не становятся частью последней, так как она для них остается недоступной. Такие люди не становятся ни бикультурными, ни гибридными; они становятся исключенными из всякой культуры.

Параллельно с *диффузной идентичностью* употребляются понятия «делокализация» (delocalisation) [6], «перемещенность», «детерриторизация» и др. Молодые поколения особенно принижают значение мест, где они выросли. Это результат своего рода отчуждения, неуверенности, отсутствия ясных перспектив и притягательных жизненных траекторий, связанных с малой родиной. Дж. Арнет вслед за психологом Дж. Берри [11] использует также понятия «маргинализация», «культурный провал», «стресс-аккультурация», «культурная дистанция». Эти явления могут приводить к депрессии, самоубийствам, передозировке и т.п.

Однако и в случае распространения диффузной идентичности одной глобализацией всего не объяснить. Почему одни люди успешно совладают с влияниями глобализации, а другие нет? Чем различаются успешные и неуспешные

ответы на глобализацию? Можно ли надеяться, что без глобализации у «неудачников» было бы все хорошо? Чем обусловлен не/удачный ответ глобализации: характеристиками индивидов или характеристиками социальных ситуаций?

3. *Индивиды сами выбирают культуру*: люди, особенно молодые, склонны становиться частью той культуры, которая придаст их жизни больше смысла и уверенности, чем глобальная культура. (Пост)модерн вдохновляет на выбор. Эта тенденция уравнивает гомогенизирующее влияние глобальной культуры.

Нередко в ответ на светскость глобальной культуры предпочтение отдается религии: исламу, ортодоксальному иудаизму, протестантскому фундаментализму, новым религиям. Но возможны и другие варианты:

- нерелигиозные молодежные культуры: хеви-метал, панк и т.п.;
- антиглобалистские, экологические, культурно-исторические и другие движения;
- погружение в традиционную этническую культуру.

Вопрос: можно ли ограничиться психологической трактовкой этих ответов на глобализацию?

Дж. Арнет утверждает, что глобализация (по сравнению с прошлым) затруднила формирование стабильной идентичности у молодых людей. Так ли это? И были ли стабильные идентичности более распространенными, чем сейчас?

4. *Продление периода молодости (молодежности)* отчасти связано с увеличением «общественно необходимых» инвестиций в образование. Это продляет период неопределенности и нестабильности социального статуса (образование, карьера, жилье, семейное положение и т.п.).

Здесь тоже может возникнуть вопрос: связано ли это с глобализацией? И ответ на этот вопрос можно поискать в исследовании, например, произошедших изменений на национальных рынках труда (в частности, сокращения «молодежных» рабочих мест, требующих несложного ручного труда) или ориентации молодежи к более высокому уровню образования.

Интересен и другой вопрос: почему в эпоху (якобы) тотально гомогенизирующей глобализации сохраняются межстрановые различия?

По мнению К. Кинвал [35], глобализация лишает индивидов онтологической безопасности, придает им экзистенциальную неуверенность. Глобализацию стали ощущать на себе даже обычные люди в своей повседневной жизни. В том числе и потому, что события глобального мира повсеместно проникают в локальные сообщества: терроризм, экологические катастрофы и т.п.

Глобальный мир лишен прочности, уверенности в завтрашнем дне. Ключевые проблемы эпохи глобализации – безопасность, уверенность и их ут-

рата. Эти проблемы в обыденном сознании связываются с такими явлениями, как иммиграция, эрозия системы социального обеспечения, неустойчивость занятости (экономическая либерализация), распространение демократии и снижение влияния иерархий и систем.

Массовая негативная реакция на глобализацию облегчает запуск процессов демодернизации, отвечающих стремлению повернуть время вспять, возродить былое ощущение безопасности, чувство «дома», обесцененное глобализацией. Присоединение и эмоциональное вовлечение в большие общности (религиозные, националистические) – одно из средств обрести чувство «дома», попытаться возродить (вообразить) традиционное сообщество Мы (которое непременно влечет за собой формирование образа Они). Религия и национализм дают ощущение единения, безопасности и соучастия во времена общественных кризисов.

* * *

Проделанный теоретический обзор позволяет сформулировать ряд сквозных для всех дисциплин – социологии, экономики, политологии, психологии – вопросов для дальнейшего исследования. Все ли общественные кризисы новы и связаны с глобализацией или глобализация их только обостряет? Все ли социальные слои одинаково воспринимают глобализацию как кризис? Есть ли иные объяснения возврату к религии и национализму кроме глобализации?

Библиографический список

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004.
2. Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4.
3. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
4. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2004.
5. Abushouk A.I. Globalization and Muslim Identity: Challenges and Prospects // The Muslim World. 2006. Vol. 96.
6. Arnett J.J. The Psychology of Globalization // American Psychologist. 2002. Vol. 57.
7. Barth F. Enduring and emerging issues in the analysis of ethnicity // The Anthropology of Ethnicity: Beyond Ethnic Groups and Boundaries / Ed. by H. Vermeulen, C. Govers. Amsterdam: Spinhuis, 1994.
8. Baumann G. The Multicultural Riddle: Rethinking National, Ethnic and Religious Identities. N.Y.: Routledge, 1999.
9. Benhabib S. (ed.) Democracy and Difference: Contesting the Boundaries of the Political. Princeton: Princeton University Press, 1996.
10. Berking H. Ethnicity is Everywhere: On Globalization and the Transformation of Cultural Identity // Current Sociology. 2003. Vol. 51.
11. Berry J.W. A Psychology of Immigration // Journal of Social Issues. 2001. Vol. 57. № 3.

12. *Cohen A.P.* (ed.) *Belonging: Identity and Social Organisation in British Rural Cultures*. Manchester: Manchester University Press, 1982.
13. *Cohen A.P.* (ed.) *Symbolising Boundaries: Identity and Diversity in British Cultures*, Manchester: Manchester University Press, 1986.
14. *Cohen A.P.* *The Symbolic Construction of Community*. L.: Ellis Harwood; Tavistock, 1985.
15. *Eriksen T.H.* *Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives*. L.: Pluto, 2002.
16. *Frank A.G., Gills B.K.* *The World System: Five Hundred Years or Five Thousand Years?* L.: Routledge, 1993.
17. *Friedman J.* *Being in the World: Globalization and Localization* // *Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity* / Ed. By M. Featherstone. L.: Sage, 1990.
18. *Friedman J.* *Cultural Identity and Global Process*. L.: Sage, 1994.
19. *Giddens A.* *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity, 1990 (Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В.А. Иноземцева. М.: Academia, 1999).
20. *Golden Arches East: McDonald's in East Asia* / Ed. by J.L. Watson. Stanford: Stanford University Press, 1997.
21. *Hall S.* *Our mongrel selves* // *New Statesman and Society*. 1992. 19 June: Supplement.
22. *Hall S.* *The Local and the Global: Globalization and Ethnicity* // *Culture, Globalization and the World-System* / Ed. by A. King. L.: Macmillan, 1991.
23. *Halliday F.* *Two Hours That Shook the World: September 11, 2001 – Cause and Consequences*. L.: Saqi Books, 2001.
24. *Hannerz U.* *Cosmopolitans and locals in world culture* // *Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity* / Ed. by M. Featherstone. L.: Sage, 1990.
25. *Hannerz U.* *Cultural Complexity: Studies in the Social Organization of Meaning*. N.Y.: Columbia University Press, 1992.
26. *Hannerz U.* *Trans-national Connections: Culture, People, Places*. L.: Routledge, 1996.
27. *Harvey D.* *The Condition of Postmodernity*. Oxford: Blackwell, 1989.
28. *Held D., McGrew A. et al.* *Global Transformations: Politics, Economics and Culture*. Cambridge: Polity, 1999.
29. *Hirst P., Thompson G.* *Globalization in Question*. Cambridge: Polity, 1999.
30. *Hoogvelt A.* *Globalisation and the Postcolonial World: The New Political Economy of Development*. L.: Macmillan, 1997.
31. *Identity and Difference* / Ed. by K. Woodward. L.: Sage; Open University, 1997.
32. *Igoe J.* *Becoming Indigenous Peoples: Difference, Inequality, and the Globalization of East African Identity Politics* // *African Affairs*. 2006. № 105/240.
33. *Irigaray L.* *Je, tu, nous: Towards a Culture of Difference*. N.Y.: Routledge, 1993.
34. *Jenkins R.* *Social Identity*. L.: Routledge, 2004.
35. *Kinnvall C.* *Globalization and Religious Nationalism: Self, Identity, and the Search for Ontological Security* // *Political Psychology*. 2004. Vol. 25.
36. *Klein N.* *No Logo*. L.: Flamingo, 2000.
37. *Knight N.* *Reflecting on the Paradox of Globalization: China's Search for Cultural Identity and Coherence* // *China: An International Journal*. 2006. Vol. 4.

38. *Mays M.* Irish Identity in an Age of Globalization // *Irish Studies Review*. 2005. Vol. 13.
39. *Moerman M.* Ethnic Identification in a Complex Civilization: Who are the Lue? // *American Anthropologist*. 1965. Vol. 67.
40. *Morley D., Robbins K.* Spaces of Identity: Global Media, Electronic Landscapes and Cultural Boundaries. L.: Routledge, 1995.
41. *Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition* / Ed. by A. Gutmann. Princeton: Princeton University Press, 1994.
42. *O'Brian R.* Global Financial Integration: The End of Geography. L.: Chatham House; Pinter, 1992.
43. *Reich R.B.* The Work of Nations: Preparing Ourselves for 21st Century Capitalism. N.Y.: Knopf, 1991.
44. *Ritzer G.* The McDonaldization of Society. Thousand Oaks: Pine Forge, 2004.
45. *Ritzer G.* The McDonaldization Thesis: Explorations and Extensions. Newbury Park: Sage, 1997.
46. *Robertson R.* Globalization: Social Theory and Global Culture. L.: Sage, 1992.
47. *Robertson R.* Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // *Global Modernities* / Ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. L.: Sage, 1995.
48. *Ruane J., Todd J.* The Roots of Intense Ethnic Conflict May Not in Fact Be Ethnic: Categories, Communities and Path Dependence // *Archives Européennes de Sociologie*. 2004. Vol. 45.
49. *Rutherford J. (ed.)* Identity: Community, Culture, Difference. L.: Lawrence and Wishart, 1990.
50. *Schutz A.* The Phenomenology of the Social World. Evanston: Northwestern University Press, 1967.
51. *Schutz A., Luckmann T.* The Structures of the Life-World. Evanston: Northwestern University Press, 1973.
52. *Seidman S.* Difference Troubles: Queering Social Theory and Sexual Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
53. *Smart B. (ed.)* Resisting McDonaldization. L.: Sage, 1999.
54. *Spencer S.B.* Novosibirsk: The Globalization of Siberia // *Russian Transformations: Challenging the Global Narrative* / Ed. by L. McCann. L.: Routledge Curzon, 2004.
55. *Stokes M.* Music and the Global Order // *Annual Review of Anthropology*. 2004. Vol. 33.
56. Trans-National Communities: Special Issue of Ethnic and Racial Studies. 1999. Vol. 22. № 2.
57. *Wallerstein I.* The Modern World-System. N.Y.: Academic Press, 1974.
58. *Waters M.* Globalization. L.: Routledge, 2000.
59. *Yashar D.* Resistance and Identity Politics in an Age of Globalization // *Annals of the American Academy of Political and Social Sciences*. 2007. No. 610.

МОДЕЛИ АНАЛИЗА НАРРАТИВА

Н.В. Евстигнеева, О.А. Оберемко¹

Большое количество эмпирических данных в социальных науках имеют нарративную форму: тексты интервью, дневники, литературные произведения, рассказы пациентов на психотерапевтических сеансах, показания свидетелей, некрологи, рекламные тексты, новости на телевиденье, тексты песен, анекдоты, любовные письма и т.д. Под нарративом понимается любой повествовательный текст, функция которого — *информировать адресата о событиях*. Это специфический тип изложения, который в отличие от дескриптивного (описательного) или экспозиторного (объяснительного) типа, имеет сюжет. Именно «осюжеченные» тексты несут в себе кладезь информации, ценной для социального исследователя, для которого в первую очередь важны не фактуальные данные о событиях, т.е. не то, что излагает автор, а то, как он осмысливает и преподносит информацию значимому другому — своему собеседнику. Согласно Х. Уайту, «осюжечивание» происходит путем включения–исключения, выделения–вуалирования событий; «сюжет, в общем смысле, есть N-ная степень рефлексии над действительностью» [4]. Изучая нарративы, а значит, сюжетные структуры, т.е. рефлексии над действительностью, исследователь может решать широкий круг задач. Например, изучать взаимосвязи между макро- и микроуровнями общества, процессы структуризации, социального (вос)производства и социальных изменений [25, р. 393]. В широком поле нарративных данных могут работать исследователи из разных областей науки, это и психологи, и историки, и социологи, этнографы и т.д. Но раньше всех на путь анализа нарративов встали литературоведы, поэтому все последующие методы анализа повествовательных текстов восходят к их опыту.

¹ Евстигнеева Надежда Валерьевна — выпускница Кубанского государственного университета, магистр социологии МВШСЭН, главный специалист аналитического отдела «ОАО «Первый канал». Электронная почта: nadeva@mail.ru.

Оберемко Олег Алексеевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН; доцент кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: ooberemko@rambler.ru.

Приступая к анализу повествования, полезно отличать его «морфологию», структуру саму по себе, которая минимально зависит от коммуникативной ситуации, исторической справки, прагматического компонента, чтобы сосредоточиться на содержательно значимых компонентах. «Возведение рассказа к исторической действительности без рассмотрения особенностей рассказа как такового приводит к ложным заключениям, несмотря на огромную эрудицию исследователей» [12, с.16].

Внешние признаки нарратива

Многие современные дефиниции нарратива вырастают из русского формализма первой половины XX в. Русские формалисты В.Б. Шкловский, Б.М. Эйхенбаум, Б.В. Томашевский различали в повествовании фабулу и сюжет. По Томашевскому, фабулой называется совокупность событий, хронологически связанных между собой, о которых сообщается в произведении. Фабуле противостоит сюжет: те же события, но в том порядке, в каком они сообщены в произведении, в той связи, в какой даны в произведении сообщения о них» [14, с. 180]. Аналогично У. Эко фабулой называет имплицитную (скрытую) хронологическую последовательность событий, а сюжетом — эксплицированную последовательность фабульных событий [18, с. 90–92].

Сюжет, таким образом, есть способ развертывания фабулы, мотивированно выстроенная автором подача изображаемых событий в определенной последовательности. *Фабула* отражает хронологическую последовательность реальных (или полагаемых таковыми) событий, а сюжет является репрезентацией связи между событиями в рассказе. Связь в сюжете может быть хронологической, причинно-следственной, герооцентрической, тематической, телеологической и пр.

Социологи, исследующие биографические нарративные интервью, различают сходные категории. Например, Е.А. Здравомыслова и А.А. Тёмкина предлагают реконструировать событийную канву жизненного опыта (фабула), которую она называет биограммой и противопоставляет ей *повествования об опыте* (сюжет) [6, с. 214]. М. Бургос различает *автобиографическое свидетельство* и *историю жизни* как два стиля изложения. Если в первом можно выделить только фабулу, то во втором можно анализировать как фабулу, так и сюжет [3, с.124].

Аналогичным образом психолог Ф. Шутце подчеркивает соответствие формы (изоморфность) рассказа структуре жизненного опыта, понимая под структурой жизненного опыта не «действительные события», а «опривыченный» опыт, т.е. личностные представления человека о своем опыте. Различение сюжета и фабулы для Ф. Шутце имеет методологические последствия; он выделяет два условия, необходимые для успешного нарратива. Во-первых, рассказчик должен повествовать о событиях своей жизни, а не чужой; во-вторых, рассказ должен быть экспромтом, без предварительной подготовки. Шутце также описал типы автобиографий в зависимости от жизненной стратегии и от «нарративного Я», которое склоняется к одному из четырех типов *биографической работы*: 1) биография как траектория идентификации; 2) биография как стратегия (личные ка-

чества и усилия в центре); 3) биография как институциональная стратегия; 4) биография как процесс превращения (*metamorphosis*) [6, с. 209].

Нарратив в отличие от других типов речевого действия обладает спецификой. Во всех определениях нарратива прямо или косвенно отмечается *изменение состояния* персонажа и/или ситуации в конце повествования по сравнению с его началом. Иными словами, нарратив предполагает необходимость какой-то *динамики состояний, внешней или внутренней*, что является *результатом деятельности персонажей*, тогда как другие повествовательные формы (например, описание и аргументация [22]) не требуют неперенной активности действующих лиц и осуществления изменений.

Е. Калмыкова и Э. Мергенталер предлагают для операционального определения нарратива использовать два семантических критерия. Во-первых, временная последовательность событий (в том числе действия актора, или актанта) непременно ведет к *изменению* собственного состояния актанта и/или его окружению (ситуации, других действующих лиц). Во-вторых, повествование должно непременно содержать «отчетливое и конкретное указание на место и время действия, а также на действующих лиц» [7, с. 1]. В качестве маркеров нарратива выделяется: а) *резюме*, часто предшествующее изложению нарратива; б) *кода*, возвращающая слушателя от повествования к настоящему времени и актуальной ситуации; в) *прямая речь действующих лиц* повествования.

У. Лабов выделял шесть элементов структуры нарратива, каждый из которых несет определенную функциональную нагрузку:

- 1) краткое изложение для слушателя существа происшедших событий, о которых пойдет речь;
- 2) ориентация слушателя относительно времени, места, ситуации, участников событий;
- 3) передача последовательности событий;
- 4) оценка значимости и смысла действий, выражение отношения рассказчика к событиям и действиям;
- 5) разрешение ситуации (что случилось в конце концов),
- 6) кода: возврат к настоящему времени [19, с. 55].

Персонажи и их функции

Владимир Яковлевич Пропп стал пионером в систематическом исследовании структуры повествований. В 1928 г. в работе «Морфология волшебной сказки» он создал классический вариант описания и классификации сюжетов; центральной категорией анализа стало действие персонажа, или его функция.

Почему В. Я. Пропп решил классифицировать именно функции? Он видел, что в сюжете есть элементы *постоянные*, есть *переменные*, и пришел к выводу, что именно функции суть постоянные элементы. Это демонстрируется следующим сравнением: (1) Царь дает удальцу орла. Орел уносит удальца в иное царс-

тво. (2) Дед дает Сученке коня. Конь уносит Сученку в иное царство. (3) Колдун дает Ивану лодочку. Лодочка уносит Ивана в иное царство. (4) Царевна дает Ивану кольцо. Молодцы из кольца уносят Ивана в иное царство и т.д. [12, с. 19]. В приведенных случаях меняются названия (а с ними и атрибуты) действующих лиц, но не меняются их действия, или функции. В данном случае функция называется «перемещение между двумя царствами».

Под функцией В. Пропп понимал «поступок действующего лица, определяемый с точки зрения его значимости для хода действия» [12, с. 20]. Выделяемая аналитически функция не зависит от того, *кто и как* ее выполняет [12, с. 51]: не зависит от персонажа и средства. Функций меньше, чем персонажей: функция — это постоянный, неизменный элемент сюжета, а персонажи и средства — переменные [12, с. 19].

При вычленении функции В. Пропп давал (а) краткое изложение ее сущности, (б) сокращенное определение одним словом, (в) условный знак. Введение знаков позволяет сравнивать построение сюжетов схематически [12, с.23].

Проанализировав 100 русских волшебных сказок, В. Пропп выделил 31 функцию: исходная ситуация — I, (1) отлучка — е, (2) запрет — б, (3) нарушение — в, (4) выведывание (антагонист производит разведку) — в, (5) выдача (антагонист получает сведения о жертве) — w, (6) подвох — г, (7) пособничество (жертва поддается обману) — q, (8) вредительство — А, (8а) недостача — а, (9) посредничество соединительный момент — В, (10) начинание противодействия — С, (11) отправка — { (завязка действия АВС {), (12) первая функция дарителя, подготовка передачи — Д, (13) реакция героя — Г, (14) снабжение, получение волшебного средства — Z, (15) перемещение между двумя царствами — R, (16) борьба (антагонист-герой) — Б, (17) клеймение, отметка — К, (18) антагонист побеждает — П, (19) ликвидация недостачи — Л, (20) возвращение — }, (21) преследование — Пр, (22) спасение — Сп, (23) неузнанное прибытие — X, (24) необоснованные притязания ложного героя — Ф, (25) трудная задача — З, (26) решение — Р, (27) узнавание (героя узнают) — У, (28) обличение — О, (29) трансфигурация — Т, (30) наказание (врага) — Н, (31) свадьба — С*, неясные элементы — N [12, с. 23–49].

У каждой функции есть *набор средств*. Например, запрет может принимать разную форму: *совет* (в этот чулан не моги заглядывать; береги братца; не ходи со двора; придет яга-баба, ты ничего не говори, молчи; много князь ее уговаривал, заповедал не покидать высока терема), *просьба* (мать уговаривает сына не ходить на рыбную ловлю: «ты еще мал»), *наказ* (не рвать яблок; не подымать золотого пера; не открывать ящика; не целовать сестры), *приказ* (принести в поле завтрак; взять с собой в лес братца) [12, с. 24].

Некоторые функции образуют пары: запрет–нарушение, выведывание–выдача, борьба–победа, преследование–спасение и т.д. Другие функции могут составлять целые группы. Например, вредительство, отсылка, решение противодействовать и отправка из дома (А В С {) составляют завязку. Испытание героя дарителем, его реакция и награждение (Д Г Z) также составляют некоторое целое. Имеются одиночные функции (отлучки, наказание, брак и др.) [12, с. 50].

Какие возможны трудности при выделении функций? Разные функции могут выполняться совершенно одинаково. По-видимому, здесь сказывается влияние одних форм на другие. Это явление может быть названо *ассимиляцией* способов исполнения функций [12, с. 51]. Например: Иван просит у яги коня. Она предлагает выбрать лучшего из табуна равных жеребят. Он выбирает верно и берет коня. Действие у яги представляет собой испытание героя дарителем, после чего следует получение волшебного средства. В другой сказке герой хочет жениться на дочери Водяного. Тот требует, чтобы герой выбрал невесту из двенадцати равных девиц. Несмотря на одинаковость действий, перед нами элемент совершенно другой — трудная задача в связи со сватовством. Можно предположить, что произошла ассимиляция одной формы другой [12, с. 52].

В этих случаях можно руководствоваться принципом определения функции *по ее последствиям*. Если за решением задачи следует получение волшебного средства, то мы имеем испытание дарителя (Д). Если следует добыча невесты и брак, то перед нами трудная задача (З).

Другая проблема — это *двойное морфологическое значение одной функции*. Пример: Князь, уезжая, запрещает жене уходить из дому. Приходит к ней женщина, казалось — такая простая, сердечная! «Что, — говорит, — ты скучаешь? Хоть бы на божий свет поглядела! Хоть бы по саду прошлась!» и т. д. (уговоры вредителя — g1). Княгиня выходит в сад. Этим она соглашается на уговоры вредителя (g1), одновременно нарушая запрет (b1).

В. Пропп выделил и вспомогательные элементы, которые самостоятельной содержательной функции в повествовании не несут. Таким вспомогательным элементом является *связка*, служащая для связи функций между собой. Одной из связок выступает осведомление, которое, как и функции, может принимать различные формы:

- 1) непосредственная передача информации: клевета, хвастовство, жалоба, диалог;
- 2) средства обеспечения доступа для визуального наблюдения: подзорная труба, «Иван выстраивает дворец против дворца царя», персонажи Чуткий и Зоркий;
- 3) созывание пира.

Например, последняя форма лишь связывает необоснованные притязаний ложных героев (Ф) или решение трудных задач (Р) с узнаванием героя (У) [12, с. 56].

Другой вспомогательный элемент — *мотивировка*. Под мотивировкой могут пониматься причины или цели, подвигающие персонажей к действию. Мотивировка — элемент менее четкий и определенный, чем функции или связки. «Большинство поступков персонажей сказки мотивированы *ходом действия*, и только нанесение вреда как первая основная функция сказки, требует некоторой дополнительной мотивировки». Одинаковые или сходные поступки мотивируются самым различным образом. Например, изгнание мотивируется «*ненавистью мачехи, спором о наследстве братьев, завистью, боязнью конкуренции*,

неравным браком, *подозрением* в супружеской неверности, *пророчеством* об унижении сына перед родителями. Во всех этих случаях изгнание мотивируется *жадным, злым, завистливым, подозрительным* характером вредителя. Но изгнание может мотивироваться скверным характером изгнанника» [12, с. 58].

Функции логически объединяются в круги (зоны) действий *персонажей*. Волшебная сказка знает следующие круги действия:

1) *антагониста* (вредителя): вредительство (А), бой или иные формы борьбы с героем (Б), преследование (Пр);

2) *дарителя* (снабженца): подготовка передачи волшебного средства (Д), снабжение героя волшебным средством (З);

3) *помощника*: пространственное перемещение героя (Р), ликвидация беды или недостачи (Л), спасение от преследования (Сп), разрешение трудных задач (Р), трансфигурация героя (Т);

4) *царевны* (искомого персонажа): задавание трудных задач (З), клеймение (К), обличение (О), узнавание (У), наказание второго вредителя (Н), свадьба (С*);

5) *отправителя*: отсылка (соединительный момент, В).

6) *героя*: отправка на поиски (С{}), реакция на требования дарителя (Г), свадьба (С*);

7) *ложного героя*: отправка на поиски (С{}), реакция на требования дарителя (всегда отрицательная – Гneg).

Выделяются и специальные *персонажи для связок* (жалобщики, доносчики, клеветники), а также *специальные предатели* с функцией выдачи сведений: зеркальце, долото, веник указывают местонахождение жертвы [12, с. 60]. Возможны три варианта соответствия между кругом действия и персонажем.

1. Круг действий в точности соответствует персонажу. Например, яга, которая испытывает и награждает героя, и животные, просящие о пощаде и передающие Ивану дар, – это чистые *дарители*. Конь, который доставляет Ивана к царевне, помогает ее похитить, решает трудную задачу, спасает от погони и т.д., – чистый *помощник*.

2. Один персонаж охватывает несколько кругов действий. Железный мужичок, который просит выпустить его из башни, затем дарует Ивану силу и дает ему скатерть самовертку, а впоследствии помогает убить змея, является одновременно и *дарителем*, и *помощником*. Яга, которая вступает с Иваном в драку, а затем бежит от него и этим указывает Ивану путь на тот свет. Путеводительство – функция помощника, яга здесь играет роль невольного и (даже противовольного) помощника. Она начинается как *враждебный даритель*, а затем становится *невольным помощником*. В отце, отпускающем сына и дающем дубину, совмещаются *отправитель* и *даритель*. Яга похищает мальчика, сажает его на лопату, но в итоге терпит от него урон, когда он похищает волшебный платок, тем самым совмещает функции *вредителя* и (невольного, враждебного) дарителя.

3. Один круг действий распределяется по нескольким персонажам. Так, если змей убит в бою, он не может преследовать, и для преследования вводятся спе-

циальные персонажи: жены, дочери, сестры, тещи, матери змеев – его женская родня [12, с. 62].

Таким образом, согласно В. Проппу, воля персонажей, их намерения, не могут считаться существенным мотивом для их определения. Важно не то, что они хотят делать, не чувства их наполняющие, а их поступки как таковые, оцененные и определенные с точки зрения их значения для героя и для хода действия.

Альгирдас-Жюльен Греймас посчитал, что 31 функция, выделенная В. Проппом, – это слишком много для базовых принципов структурирования повествования. Объединив парные функции, он получил сначала 20 функций: 1) отлучка; 2) запрет vs нарушение; 3) выведывание vs выдача; 4) разочарование vs повиновение; 5) предательство vs нехватка; 6) предписание vs решение героя; 7) отправление; 8) назначение испытания vs противостояние испытанию; 9) получение вспомогательного средства; 10) пространственное перемещение; 11) битва vs победа; 12) метка; 13) ликвидация нехватки; 14) возвращение; 15) преследование vs избавление; 16) прибытие инкогнито; 17) определение задачи vs успех; 18) узнавание; 19) изобличение предателя vs обнаружение героя; 20) наказание vs свадьба [5, с. 281].

Затем, солидаризируясь с критикой К. Леви-Строссом пропповской классификации, А.-Ж. Греймас замечает, что запрет, в сущности, есть всего лишь негативная трансформация приказа, а предписание соотносится с согласием. Получается, что сразу четыре пропповские функции можно объединить в одну – *договор*. Предписание и согласие с ним приравниваются к заключению договора, а запрет и нарушение – к его расторжению. Следуя этой логике, ученый сокращает 20 функций до 5 и утверждает, что любой сюжет можно закодировать пятью функциями:

A – заключение договора (предписание vs согласие) (A – не договор);

F – борьба (противостояние vs победа);

C – коммуникация (передача и получение);

p – присутствие;

d – быстрое перемещение.

Аналогичным образом А.-Ж. Греймас формирует список персонажей – актантов, которые составляют три парадигматические оппозиции: адресант / адресат, помощник / противник, субъект / объект. Актанты, кроме оппозиций, образуют следующие две синтагматические цепочки [5, с. 248–277]:

Адресант → Объект → Адресат
Помощник → Субъект → Противник.

Кроме того, все действия распределяются по трем семантическим осям: ось коммуникации, ось желания (или поиска), ось испытаний [15].

Р. Францоzi, анализируя модель А.-Ж. Греймаса, считает что она работает следующим образом: (а) Адресант инициирует событие, (б) Адресат получает от события выгоду, (в) Противник замедляет или мешает событию, противостоя субъекту или конкурируя с ним за объект, (г) Помощник приближает событие, помогая субъекту [23, p. 524].

Эта аналитическая модель, по мнению А.-Ж. Греймаса, применима не только к сказкам, но и к любым повествованиям, в частности к рекламным сюжетам [23, p. 534].

Ролан Барт в работе «Введение в структурный анализ повествовательных текстов» дает более широкое определение функции: «*функция* того или иного элемента в тексте (от слова, знака до текста в целом) — это его способность вступать в коррелятивные связи с другими элементами или со всем произведением в целом» [1, с. 200]. Барт приводит пример, напоминающий пресловутое ружье, которое обязательно выстрелит: «если рассказчик вскользь замечает, что у дочерей одного господина был попугай, то этому попугаю суждено сыграть большую роль в развитии сюжета. «Ничто в повествовании не случайно, поэтому в нем и нет ничего, кроме функций» [1]. Для Р. Барта функция — это любой не случайный элемент текста, который может вступать в связь с другим элементом. Все элементы он делит на функции и индексы.

Функции подразделяются на основные (*ядерные*, кардинальные) и вспомогательные (*катализаторы*). Первые — «диспетчерские пункты текста», «развилки»; они определяют сюжетные траектории, создавая или разрешая напряженную ситуацию, давая возможность герою совершать выбор. Катализаторы не вносят в ситуации никаких принципиальных изменений и заполняют промежутки между узлами, создавая в тексте зоны безопасности, спокойствия, передышки, описывая, как именно то или иное конкретное действие было совершено. Если ядерные функции могут состоять и во временной, и в логической связи, то катализаторы — только во временной.

Индексы помогают раскрыть характер персонажа, его эмоциональное состояние, обрисовать атмосферу, в которой совершалось действие. Если функции отсылают к «операции», то индексы — к «означаемому». Индексы Р. Барт делит на признаки и информанты. Признаки описывают значимый смысл персонажей и событий, и означаемые, к которым они отсылают, — имплицитны. Информанты идентифицируют персонажей и события во времени и пространстве; означаемые, к которым они отсылают, — эксплицитны. Признаки надо расшифровывать, например, чтобы понять, как именно связана та или иная черта характера или особенность погоды с движением сюжета; информанты же суть реалистические детали вроде возраста или места проживания персонажа, они придают повествованию достоверность и не несут значимых смыслов [1, с. 196–239]. Можно предположить, что на уровне фабулы маркерами в основном выступают информанты, а на уровне сюжета — катализаторы.

Ядерные функции и признаки располагаются вокруг узловых событий сюжета, а катализаторы и информанты находятся в промежутках между ними, и хотя не несут прямой информации о сущности и смысле события, они организуют ключевые события в пространстве и времени. При использовании бартовской классификации нужно учитывать, что одна и та же единица может выполнять разные функции и в силу этого принадлежать к двум различным классам. Бартовские ядерные функции, признаки, катализаторы и информанты — это не строгие элементы сюжета, а своего рода формальные единицы, помогающие структурировать (организовать) «пространство» повествования.

Ю.М. Лотман следующим образом раскрыл прагматический смысл некогда наметившегося различия фабулы и сюжета. Согласно Ю.М. Лотману, «сюжет представляет собой мощное средство осмысления жизни. Только в результате возникновения повествовательных форм искусства человек научился различать сюжетный аспект реальности, то есть расчленять недискретный поток событий на некоторые дискретные единицы, соединять их с какими-либо значениями (то есть истолковывать семантически) и организовывать их в упорядоченные цепочки (истолковывать синтагматически). Выделение событий — дискретных единиц сюжета — и наделение их определенным смыслом, с одной стороны, а также определенной временной, причинно-следственной или какой-либо иной упорядоченностью — с другой, составляет сущность сюжета» [9, с. 243].

Еще более насыщена роль нарратива для индивида, пребывающего в «состоянии постмодерна». Персонально производимый нарратив позволяет акторам, стремящимся вне типизаций «объективировать собственную субъективность», придать своим практикам смысл и оправдать их изменчивую форму [8]. Нарративы как «выражение ряда инструкций и норм в различных практиках коммуникации, упорядочивания, придания смысла опытам, становления знания, процедурах извинения и оправдания и т.д.» выполняют в стремительно меняющемся обществе функцию посредника «между личностными и обобщенными канонами культуры, то есть являются одновременно моделями мира и моделями собственного “я”» [2, с. 38].

Возможности практического применения моделей анализа нарративов

Для социологического исследования биографических нарративов целесообразно различать: 1) упорядочение прошлого опыта (для себя) и информирование об упорядоченности (для других — самопрезентация); 2) трансформацию описаний внутренней и внешней реальности; здесь могут подчеркиваться одни события и замалчиваться «досадные факты»; для улучшения «потребительских» свойств рассказа — придания большей живости, связности (гладкости), понятности, непротиворечивости и т.п. — рассказчик может предлагать (на ходу придумывать) слушателю избыточную информацию [11; 13]. Например, обращаясь к массиву биографических интервью советских и российских социологов, можно

попытаться выявить типичные модели атрибуции карьерного и творческого успеха социологов разных поколений.

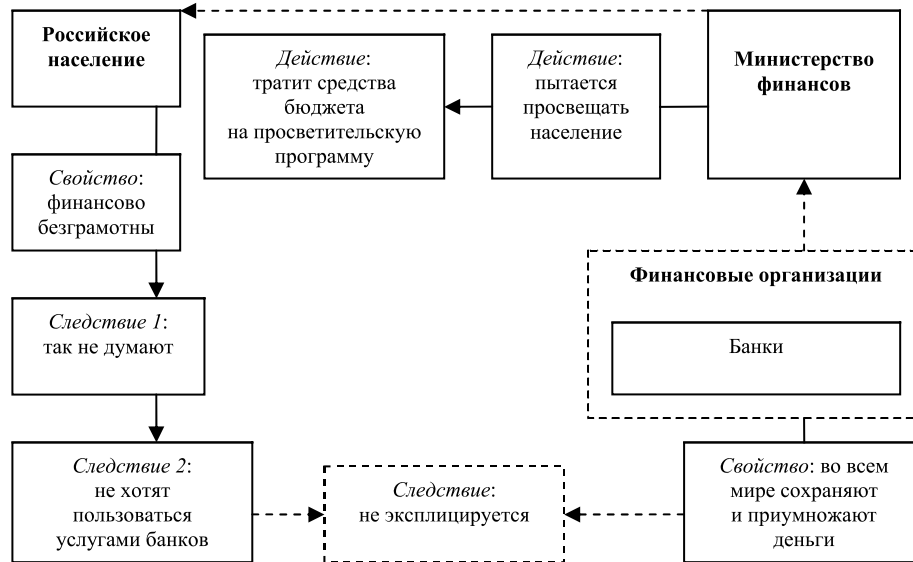
В качестве примера социологического анализа (медиа) нарративов приведем исследование изменений в голландских экономических новостях [Kleinnijenhuis]. Был выявлен перелом в новостном дискурсе от неокейнсианского к неоклассическому в начале 1980-х гг., выражающийся в смене доминирующих структур объяснения/атрибуции причин явлений, происходящих в хозяйственной жизни. В данном случае речь идет не об официально признаваемом журналистами/редакторами переходе с одной хозяйственной идеологической платформы на другую, а лишь *о несколько ином построении повествования в новостях, скрыто проводящих определенную идеологическую модель*. С этим вполне согласуется точка зрения, согласно которой «процесс производства текста — сложное переплетение, которое всегда завязано на идеологии» [23, р. 533]. Даже обычная хронологическая последовательность предложений не лишена оценочного компонента. Чистая нарративная последовательность никогда не бывает невинной [23, р. 533].

Анализ нарративов может служить диагностическим целям при выявлении идеологической «подкладки» или ее смены в как будто бы нейтральном повествовании. Например, в случае с новостями экономики в утреннем эфире «Первого канала», одной из регулярно повторяющихся тем является «финансовая культура населения». Приведем образец такого тематического выпуска новостей:

«Финансовая грамотность россиян находится в зачаточном состоянии. Когда социологи поинтересовались, какой финансовой услугой граждане собираются воспользоваться в ближайшие год-два, больше половины ответили, что — никакой. Во всем мире финансовые организации, в том числе банки, люди воспринимают как структуры, помогающие сохранить и приумножить деньги. Россияне пока так не думают, но крайней мере, это показывают опросы. Примерно половина населения — 54 % — в ближайшее время не планирует воспользоваться какой-либо финансовой услугой» (02.08.07 Евтеев И. «Новости экономики». Первый канал)

Примерно так же, как в голландском исследовании, в отрывке можно выделить основных акторов, основные виды действий, указать, что из чего следует и что на что влияет. Основные акторы тематической группы новостей: российское население, финансовые организации — особо выделим тут банки, социологи. Если проанализировать и другие выпуски новостей на эту тему, то к акторам добавится Министерство финансов, предлагающее потратить N-ные суммы на просвещение населения относительно поведения в финансовой сфере.

Отношения между акторами, их свойствами и действиями акторов, сконструированные в приведенном тексте можно представить в виде следующей схемы:

Отношения между основными акторами, их свойствами и действиями в новостном сообщении «Первого канала»

Или, если несколько огрублять картину, «темное» российское население не несет деньги в банки в силу своей финансовой безграмотности, которую министерство финансов решило искоренить, естественно, в интересах самого населения, что, разумеется, и оправдывает бюджетные траты. Конструируется некая образцовая нарративная структура со своими положительными и отрицательными персонажами, жертвами, помощниками и пр. В сущности, в данном случае речь идет только о диагностировании одного образцового нарратива, хотя если привлечь новостные тексты за другой период (например, банковского кризиса, когда некоторые «недобросовестные» банки закрываются), можно обнаружить принципиально иную нарративную структуру. Тогда тот факт, что россияне «так не думают», т. е. не воспринимают банки «как структуры, помогающие сохранить и приумножить деньги», может в выпусках новостей на протяжении этого кризисного периода объясняться не «финансовой безграмотностью», а негативным опытом населения.

Т. Вестергаард и К. Шродер показали, например, что модель А.-Ж. Греймаса является одной из типичных моделей рекламного нарратива. Производители рекламы активно используют актантную модель Греймаса даритель/суперпомощник: «Реклама... не пытается сказать нам напрямую, что мы нуждаемся в определенного рода продукте, но вместе с тем продукт поможет нам приобрести нечто еще, в чем мы, несомненно, нуждаемся, — здоровье, благосостояние, друзей и т.п.». Во многих рекламных роликах сила волшебного суперпомощника мгновенно меняет одну из сфер жизни в лучшую сторону [23, р. 541].

Какого рода нарративы мы бы ни изучали, выделяя единицы анализа и выстраивая различные связи между ними, так или иначе исследователи прибегают к моделям изучения структуры сюжета повествования.

Библиографический список

1. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 2000.
2. Брокмейер И., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. №3.
3. Бургос М. История Жизни. Рассказывание и поиск себя // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 2.
4. Веселова И.С. Событие жизни – событие текста // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика (<http://www.ruthenia.ru/folklore/veselova5.htm>)
5. Греймас А.-Ж. Структурная семантика: Поиск метода / Пер. с фр. Л. Зиминной. М.: Академический проект, 2004.
6. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Анализ биографического нарративного интервью в исследованиях идентичности // Социальная идентичность: способы концептуализации и измерения: Матер. Всерос. науч.-метод. семинара / Под. ред. О.А. Оберемко, Л.Н. Ожеговой. Краснодар: КубГУ, 2004.
7. Калмыкова Е.С., Мергенталер Э. Нарратив в психотерапии: рассказы пациентов о личной истории // Журнал практической психологии и психоанализа. 2002. № 1–2. (<http://psychol.ras.ru>)
8. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. СПб.: Алетеия, 1998.
9. Лотман Ю.М. Происхождение сюжета в типологическом освещении // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. (<http://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman-selection.htm>)
10. Миллс Ч. Социологическое воображение / Пер. с англ. О. А. Оберемко. М.: Стратегия, 1996..
11. Нарратология: основы, проблемы, перспективы: Материалы к специальному курсу / Сост. Е.Г. Трубина // www2.usu.ru/philosophy/soc_phil/rus/courses/narratology.html.
12. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки // Собрание трудов В.Я. Проппа. М.: Лабиринт, 1998.
13. Сыров В.Н. Современные перспективы философии истории: поворот к нарративу // siterium.trecom.tomsk.ru/Syrov/s_text12.htm#Up.
14. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект пресс, 1996.
15. Трубина Е.Г. Нарратология: основы, проблемы, перспективы: Материалы к спецкурсу. Екатеринбург: УрГУ, 2002. (по состоянию на 30.09.2005). (http://www2.usu.ru/philosophy/soc_phil/rus/courses/narratology.html)
16. Тюпа В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А.П. Чехова). Тверь: Твер. гос. ун–т, 2001.

17. Фукс-Хайнриц В. Биографический метод // Биографический метод в социологии: история, методология, практика / Под ред. В.В. Семеновой, Е.Ю. Мещеркиной. М.: Институт социологии РАН, 1993.
18. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах / Пер. с англ. А. Глебовской. СПб.: Симпозиум, 2002.
19. Ярская-Смирнова Е.С. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3.
20. Braid D. Personal Narrative and Experiential Meaning // The Journal of American Folklore 1996. Vol. 109. № 431.
21. Butler G.R. Indexicality, Authority, and Communication in Traditional Narrative Discourse // The Journal of American Folklore. 1992. Vol. 105. № 415.
22. Chatman S. Story and Discourse: Narrative Structure in Fiction and Film. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1978.
23. Franzosi R. Narrative Analysis-Or Why (And How) Sociologists Should be Interested in Narrative // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24.
24. Labov W. Language in the Inner City. Philadelphia: University of Philadelphia Press, 1972.
25. Laslett B. Personal Narratives as Sociology // Contemporary Sociology. 1999. Vol. 28.
26. Polanyi L. Telling the American Story: A Structural and Cultural Work. N.Y.: Basic Books, 1989.
27. Robinson J.A. Personal Narratives Reconsidered // The Journal of American Folklore. 1981. Vol. 94. № 371.
28. Smith M. (Review) Chatman S. Coming to Terms: The Rhetoric of Narrative in Fiction and Film) // The Journal of Aesthetics and Art Criticism. 1992. Vol. 50. № 3.
29. Kleinnijenhuis J., Ridder J., Rietberg E. Reasoning in Economic Discourse: An Application of the Network Approach to the Dutch Press // Text Analysis for the Social Sciences: Methods for Drawing Statistical Inferences from Texts and Transcripts / Ed. C.W. Roberts. Mahwah (N.J.): Lawrence Erlbaum, 1997.
30. Toolan M. Narrative: A Critical Linguistic Introduction. L.: Routledge, 1998.
31. Watson K.A. A Rhetorical and Sociolinguistic Model for the Analysis of Narrative // American Anthropologist. New Series. 1973. Vol. 75. № 1.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ОСНОВАНИЯ И МОДЕЛИ

.....

С.А. Коваленко¹

В точках зрения и подходах к определению социальной политики много общего и не меньше разного. Большинство исследователей оперируют одними и теми же понятиями, зачастую вкладывая в них разный смысл, поэтому невозможно добиться сциентистских идеалов четкости научной мысли. Это одна из главных трудностей, с которыми сталкиваются все ученые-социологи. Еще одна трудность – это невозможность достичь ценностной беспристрастности при изучении социальных явлений, к которой, по убеждению М. Вебера, необходимо стремиться. Иронично к этому требованию подходил Й. Шумпетер: «Вера каких-то групп людей в свою свободу от идеологической заданности представляется нам просто особо зловредным свойством их системы иллюзий» [21, р. 277].

Изучать социальную политику вне контекста идеологий просто невозможно, ибо за «научным продуктом» каждого исследователя в той или иной мере стоит его идеология, и опасность для читателя кроется в том, что не каждый автор свою идеологию рефлексировал и эксплицирует. Это не значит, что в области исследований социальной политики прогрессирует некий хаос всевозможных идеологий, которые назло упомянутому М. Веберу мешают ученым добиться беспристрастности. Напротив, теоретическое знание в этой области весьма объективно, тогда как практические действия акторов в сфере социальной политики независимо от субъективных намерений укладываются в определенную идеологию. Рассмотреть социальную политику сквозь призму идеологических систем стоит для того, чтобы легче было распознавать за практиками ведения социальной политики и ее легитимации влияние идеологий.

Попытаемся разобраться, каково поле определений социальной политики, какие выделяются подходы к ее концептуализации и осмыслению, какие виды

¹ Коваленко Сергей Александрович – аспирант кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования Кубанского государственного университета. Электронная почта: reborn@list.ru

акторов эти подходы предусматривают и какими ролями предусмотренных акторов наделяют, что определенно будет отражать комплекс идеологических воззрений на социальную политику. То есть определенная идеологическая заданность предопределяет не только цели и задачи социальной политики, но и ее объекты, предмет, субъектов и т.п. Попутно рассмотрим, какие основания используют ученые для построения типологий социальной политики.

Для начала оговоримся, что под идеологией вслед за К. Манхеймом [7, с. 37] будем понимать «рационально обоснованную систему идей» при этом ограничимся пониманием этого термина, предложенным В.В. Радаевым [13, с. 430], т.е. вне его связи с «ложным сознанием» и проблемой «реализации» идеологических схем.

Претензия на ценностную беспристрастность в данном тексте будет оправдана лишь тем, что в процессе изучения влияния мировоззренческих установок на знание читателю дается более или менее валидный инструмент для диагностики самого текста.

Идеологии

Для социальной политики рассматриваемая далее типология идеологических систем основана на концептуальных различиях в понимании *социальной справедливости*. Очень удобную трактовку этого понятия дает А.В. Прокофьев [10]. Его анализ социальной справедливости показывает, что она может пониматься следующим образом.

Во-первых, *равенство*. Эта несоциалистическая традиция была заложена еще Ж.Ж. Руссо в утверждении, что «ни один гражданин не должен быть настолько богат, чтобы быть в состоянии купить другого, и ни один настолько беден, чтобы быть вынужденным продавать себя». Она еще называется несоциалистической уравнительной концепцией. Как равенство понимается социальная справедливость и в социалистической концепции, при этом предполагается обобществление собственности, означающее перенесение центра тяжести дистрибутивной политики в область равного распределения совместно произведенного продукта.

Во-вторых, как *пропорциональность заслугам*. В меритократических концепциях такая пропорциональность предполагает занятие индивидом определенной страты согласно его вкладу в дела, удобные обществу.

В-третьих, как *гарантия неотъемлемых прав на обладание чем-либо*. Такую формулировку обычно приписывают либеральной концепции, однако сами ученые-либералы выступают против инструментального применения понятия социальной справедливости в практической политике, считая его абсолютно неприемлемым и даже опасным [10], поэтому попробуем дать свою трактовку.

В-четвертых, как *иллюзия*. В условиях рыночной экономики, по мнению Ф. фон Хайека [18; 19], само понятие социальной или распределительной справедливости лишено смысла. При этом достижение государства благосостояния в качестве справедливой структуры распределения благ – определенно иллюзорная цель.

Вся эта классификация социальной справедливости в современной трактовке может уместиться на некоем отрезке, в котором конечными «полюсами» окажутся равенство возможностей и равенство потребления. Равенство возможностей подразумевает свободу для индивидов чего-либо желать и *самостоятельно достигать* желаемого при равных возможностях в достижении. При этом ни государству, ни обществу не важны мотивы активности каждого индивида, желаемый для него результат, способы, которыми он пытается добиться намеченного, и чего он добьется в результате. Поэтому получается, что индивид несет полную ответственность за реализацию своих жизненных целей.

Противоположностью в этом отношении выступает равенство результатов: здесь государство либо общество *гарантирует результат*. Это значит, что вне зависимости от какой-либо активности индивида он может рассчитывать на некие блага, одинаковые для всех. Конечно, такие блага не появляются ниоткуда, они продукт деятельности других индивидов – появляется необходимость в таком перераспределении благ, которое уравнивает потребление индивидов независимо от их желаний.

Такое противопоставление пониманий социальной справедливости позволяет выстроить на том же отрезке три идеологии: либеральную, социал-либеральную и социалистическую.

Итак, размещая идеологии в предложенном поле, на полюсе равенства возможностей логично поставить либеральную идеологию, на полюсе равенства результатов – социалистическую, а между ними – социал-либеральную.

Либерализм как идейное течение сформировался в XVII–XVIII вв. на основе убеждения в том, что человек свободен и существует необходимость постепенного реформирования общества с целью более полной реализации индивидуальных ценностей, и в первую очередь индивидуальной свободы [3]. И хотя пик академической популярности либерализма ассоциируется с А. Смитом, И. Бентамом, Дж. Миллем, Г. Спенсером, это течение не сдает своих позиций и по сей день, обрастая приставками и различными ответвлениями. Роль либеральной идеологии в развитии и отечественной, и зарубежной социальной политики сложно переоценить, к тому же современная российская политика находится под ее влиянием [6, с. 60].

Классическая либеральная идеология целиком и полностью направлена на защиту экономических интересов каждого индивида, для этого в либераль-

ных обществах присутствуют такие «средства», как собственность, договор и рынок, которые способны обеспечить полную свободу хозяйствующего субъекта. Либерализм еще называют политикой для «сильных одиночек», поведение которых полностью удовлетворяет их врожденный экономический эгоизм. Поэтому обозначим первый принцип ортодоксального либерализма как *максимальную свободу предпринимательства любого хозяйствующего субъекта*.

Пространство распространения экономической свободы хозяйствующего субъекта может быть прервано только там, где начинается свобода другого, поэтому первая (и основная) функция государства главным образом сводится лишь к определению границ дозволенного для свободной конкуренции. Вторая принципиальная характеристика либеральных обществ – это *минимальное вмешательство государства в экономические процессы*. Естественно, роль государства-статиста в экономической сфере снижает его возможности и в социальной.

В либеральных обществах социальные институты, структуры и процессы регулируются экономическими механизмами – свободной конкуренцией и материальными стимулами [1, с. 59], поэтому очередной принцип либеральной идеологии можно сформулировать как *доминирование экономики над всеми сферами общественной жизни*.

Либерализм является не только идейным течением, но и определенной социальной практикой. Так, на протяжении всего XX в. либерализм отстаивал общественное устройство, при котором регулирование социально-экономических отношений осуществляется спонтанно, через механизм свободного рынка [3]. То есть социальная сфера находится под влиянием его механизмов, которые являются определяющими для экономических стимулов в поведении акторов. Функционирование сферы в такой среде подчинено только экономической рациональности. Однако современные разновидности этой идеологии уже не могут позволить себе нивелировать роль государства до простого стража экономико-правовых аспектов взаимодействия акторов.

Миссией либеральной социальной политики всегда будет оставаться достижение максимальной свободы индивидов, поэтому первостепенными здесь ставятся следующие цели:

- 1) реформирование любых существующих общественных отношений до такого состояния, в котором свобода действий субъекта ограничивается минимально и основана на их интересах и потребностях;
- 2) обеспечение всех индивидов равными возможностями для достижения успеха; эта цель должна находить свое отражение в полном невмешательстве государства или общества в свободные конкурентные отношения;

3) принятие индивидами полной ответственности за совершаемые ими действия, т. е. за свою судьбу; никакой другой актор, кроме индивида, не несет ответственности за его действия.

Из представленных принципов и целей видно, что субъектами социальной политики являются социально/экономически активные индивиды (другое название – акторы) и их всевозможные объединения. Так, по мысли либералов, группообразующим фактором всегда выступает возможность удовлетворения потребности, которую нельзя удовлетворить индивидуально = извлечение некоторой личной выгоды из взаимодействия.

В либеральной идеологии государство как субъект появляется только тогда, когда это становится некой необходимостью общества в поддержании порядка. Порядок – благо, направленное на легитимное разграничение пересекающихся свобод индивидов, и на это благо индивиды должны тратить средства, которые идут на содержание государства. То есть, если утрировать, государство для индивида есть не что иное, как средство поддержания порядка. Так как этим благом пользуются все без исключения индивиды, оно является общественным и относится к социальной сфере, что в свою очередь оправдывает наличие социальной политики в либеральной идеологии. Однако подчеркнем, что порядок появляется по инициативе индивидов (снизу). Государству же отводится роль минимально необходимого наблюдателя и гаранта в воспроизводстве этого блага. Основные акторы социальных сцен – суверенные, эмансипированные и сильные индивиды.

Иначе строится *социал-либеральная* идеология, еще ее называют *неолиберальной*. Она основывается на той же необходимости построения конкурентных отношений между хозяйствующими участниками, но включает в себя некоторые социальные буферы для неуспешных акторов. Эти буферы скорее призваны обеспечить возможность для полноправной конкурентной борьбы, нежели поддерживать их существование. В социал-либеральной идеологии роль государства возрастает: «...ему стала вменяться обязанность разработки и воплощения в жизнь общей стратегии экономического развития, предотвращения кризисов и стабилизации финансового положения. Признается важность социальных и экономических прав индивидов, особая значимость выравнивания возможностей и шансов людей, особенно являющихся членами социальных групп, фактически оказавшихся в наиболее трудном положении. Либерализм здесь начал учитывать гуманистические идеалы, стоящие выше механизмов рынка и конкуренции, и подчеркивать значение коллективных действий, ограничивающих сферу применения таких механизмов. Этими соображениями объясняются, в частности, прогрессивные налоги на доходы граждан и прибыли предприятий ради перераспределения части национального богатства, частичное ограничение свободы рынка и конкуренции ради

уменьшения остроты экологических проблем, проблем физического и нравственного здоровья людей и т.д.» [3].

Социал-либеральная модель социальной политики предусматривает социальные гарантии, такие как льготы, пособия, выплаты, которые призваны помочь человеку, попавшему в трудную жизненную ситуацию, выйти из нее. Одной из центральных характеристик социал-либеральной модели является неприемлемость иждивенческого поведения со стороны государства и иждивенческих ожиданий со стороны его граждан. Реализация социальных гарантий в каждом конкретном случае лимитирована по продолжительности или интенсивности воздействия.

В отличие от социальных гарантий, адресованных всем нуждающимся, социальные услуги в контексте социал-либеральной идеологии не являются безвозмездными, поскольку их использование не является жизненно необходимым. Такие сферы как здравоохранение или образование, в социал-либеральных обществах остаются в той или иной степени платными.

Социал-либеральная идеология, существенно ограничивая экономический эгоизм принципами гуманизма, все же остается моделью «равных возможностей», а не «равных результатов», поэтому здесь серьезную роль играет уровень доступа индивида к экономическим и социальным ресурсам (социальному капиталу).

В неолиберальной идеологии появляется такое явление, как социальная рыночная экономика, которую можно охарактеризовать как синтез рыночной и социально ориентированной экономики. Здесь рыночная экономика служит ядром социальной рыночной экономики и выполняет задачи, связанные с ростом эффективности производства и прибыли. Она основана на конкуренции, поэтому в ней нет категорий справедливости, единственные социальные эффекты – обеспечение занятости, повышение благосостояния трудящихся. Остальная социальная составляющая обеспечивается государственным вмешательством в рынок, что делает рыночную экономику социальной. Это вмешательство связано с перераспределением благ, налоговой политикой, социальным обеспечением.

Государство своей волей поворачивает экономику лицом к интересам народа и придает ей характер социальной рыночной экономики, при этом нередко жертвует экономической целесообразностью во благо социальных целей. Итак, отличительная черта социальной рыночной экономики – приоритет социальных целей над экономическими в ситуациях, когда это важно для социального спокойствия.

Социалистическая идеология, в отличие от всех разновидностей либерализма, пренебрегает индивидуальным благом в пользу общественного, и это значит, что главным хозяйствующим субъектом в ней становится не индивид,

а общество или государство. Такой подход к реализации социальной политики, естественно, наделяет управляющую подсистему исключительными полномочиями в сфере регламентации хозяйственной деятельности в обществе.

Социалистическую идеологию принято представлять как антагонистическую либеральной в том смысле, что она пропагандирует не столько равенство возможностей, сколько равенство результатов существования индивида [12]. На первый план здесь выходит общественное благосостояние, однако пути его достижения скрыты в полном отсутствии индивидуальных интересов, на место которых поставлены общественно-идеологические. Достижение такого результата становится возможным только при полной ликвидации социально-экономического эгоизма человека. Итак, первый принцип социализма – приоритет общественных целей над индивидуальными.

Это радикально эгалитарная идеология [13, с. 430]. Фактически отсутствие классов призвано обеспечить максимально возможное социальное и экономическое равенство в использовании ресурсов и общественных благ, которые в свою очередь являются достоянием всех и никого в частности. Это то, что можно назвать тотальной социальной справедливостью в понимании равенства. Такое всеобщее обладание остро ставит проблему распоряжения ресурсами, разрешить которую может только административно-плановое ведение хозяйства государством. Проще говоря, социалистическая экономика должна быть полностью под контролем и в подчинении формальных институтов, регулирующих экономическое поведение субъектов. В социалистически настроенных обществах государство берет на себя ответственность за все функции, связанные с планированием и реализацией экономических программ, основываясь на тезисе о построении рационального справедливого общества, поэтому следующий принцип идеологии – *абсолютный государственный контроль всех сфер жизни общества*.

Несколько «слабой» стороной социально-экономических отношений, построенных на социалистической идеологии, можно назвать неприемлемость для них материальных стимулов. Поясним, что социалистическая идеология должна сдерживать индивидуальный эгоизм, а не поощрять его, поэтому общество вынуждено мотивировать индивидов к достижению общественного блага.

Рыночной экономике здесь не место, ее заменяет плановая (или административная). Государство берет на себя обязанность планировать и моделировать экономику во благо общественных потребностей.

Противопоставление рыночной и плановой экономики имеет диалектическую природу. Ни та, ни другая не могут реально существовать в чистом виде; возможны только существенные «перекосы» какой-либо экономики в сторону рынка или плана. Обе модели имеют как преимущества, так и недостатки. Так, явным преимуществом рыночной экономики будет естественное стимулиро-

вание акторов к активности, а недостатком – негуманное отношение к неуспешным акторам. К плюсам плановой экономики можно отнести ее патерналистскую заботу обо всех акторах (и трудоспособных, и нетрудоспособных), а к минусам – невозможность государства в достаточной мере и грамотно администрировать экономику. Рыночные механизмы порождают неравенство, отчасти компенсируемое государственным перераспределением. Стратификация в плановой экономике вызвана неравным перераспределением, которое может быть компенсировано рыночными механизмами [22, с. 214].

Субъекты (уполномоченные акторы) социальной политики

К субъектам социальной политики обычно относят государство в лице государственных органов власти, организаций и учреждений, а также действующие в социальной сфере негосударственные организации, общественные объединения граждан и инициативы. В свою очередь негосударственные организации могут быть коммерческими и некоммерческими. Круг выделяемых субъектов ограничен и не вызывает споров ни у отечественных ученых, ни у зарубежных.

Споры возникают при определении основного субъекта социальной политики – кто (или от чьего лица) творит СП, задает курс, ориентиры и т.п. Большинство ученых придерживаются взгляда, что это – государство. Ему отводят исключительное право законодательно закреплять основные направления развития социальной сферы; именно государство управляет аппаратом реализации социальной политики (и социальной работы в частности).

Государство занимается социальной политикой профессионально, оно выявляет тенденции развития сообществ, просчитывает возможные социальные эффекты от тех или иных преобразований, занимается прогнозированием изменений в социальной сфере и имеет реальные социально-экономические механизмы влияния на нее. Поэтому в отдельное направление выделяется так называемая государственная социальная политика, и чем главнее ее роль в совокупной социальной политике, тем больше институциональных возможностей необходимо государству: адекватное перераспределение для обеспечения социальной защиты и мониторинга эффективности собственных программ [15, с. 233].

Термин «государство всеобщего благосостояния» (Welfare State), так широко используемый в научном обороте, обозначает государственную систему программ, пособий и услуг, которые помогают людям удовлетворить социальные, экономические, образовательные и медицинские потребности, фундаментальные для поддержания стабильности общества [23]. В этой формулировке не учитывается конкретика каких-либо органов власти, виды их активности, однако так или иначе государство ставится в активную субъектную позицию.

Даже в самых *либеральных* современных обществах государство активно участвует в социальной политике, хотя и минимально. Его участие выражается в предоставлении адресной помощи после проверки получателя в нуждаемости. Такая помощь зачастую носит кратковременный и неинтенсивный характер. Напротив, идеология социализма ориентирует государство на роль главного и чуть ли не единственного субъекта. Легитимное перераспределение здесь настолько высоко, что в остальных акторах практически нет смысла.

Альтернативный государству субъект – коммерческие организации, или бизнес. Независимо от того, какую роль отводит бизнесу та или иная мировоззренческая система, его вклад в социальную политику как минимум выражается в производстве качественных товаров и услуг, уплате налогов и создании хорошо оплачиваемых рабочих мест [8; 17, с. 16]; так характеризуется пассивная модель поведения бизнеса. Существует и активная модель, в которой этот актор наделяется такими обязанностями, как «осуществление вклада в развитие внутренней и внешней среды... предприятие реализует внутренние и внешние социальные программы, согласующиеся со стратегией его развития... стремится иметь репутацию социально ответственной организации и для этого принимает активное участие в формировании общественных стандартов, например таких, как качество образования» [16].

Для более наглядной характеристики социальной ответственности государства и бизнеса приведем едва ли не хрестоматийный пример, так широко используемый в научной литературе последние десять лет [5; 9; 20].

До 1991 г. СССР проводил патерналистскую авторитарную социальную политику, основанную на отлаженной системе перераспределения. Со сменой государственной власти произошла смена модели социальной политики: с социалистической на социал-либеральную де-юре и либеральную де-факто. Произошло переосмысление сущности социальной политики, поменявшее роли государства и институциональных акторов, что создало ситуацию, в которой старые механизмы оказались неадекватными, а новые еще только обозначались. Бизнес во взаимодействии с населением не учитывал необходимости совместных усилий по созданию специализированных либеральных институтов социальной защиты – обязательного и добровольного социального страхования. В свою очередь население, продолжая ассоциировать государство со всей полнотой власти, до сих пор не может избавиться от психологии иждивенчества [14].

Типологии социальной политики

Основательный анализ всевозможных разделений социальной политики, проведенный И.А. Григорьевой [2, с. 29], показал неоднородность выделяемых параметров для построения типологий. Поэтому одна и та же социальная по-

литика может быть классифицирована по-разному в зависимости от параметров, лежащих в основе типологии.

Реальность влияния идеологических систем на практику социальной политики доказывают многочисленные ее типологии по социально-экономическим основаниям. Даже при поверхностном анализе этих типологий не может остаться без внимания то значительное влияние, которое оказывают ценностные ориентации на социальную практику. Приведенные далее в качестве примера лишь некоторые из типологий социальной политики указывают на эту связь.

Начнем с классификации, предложенной Г. Эспинг-Андерсеном [24] и получившей мировое признание. Он выделяет такие параметры для типологии социальных политик, как стратификация общества, государственное вмешательство в экономику и уровень декоммодификации. Последний параметр понимается как «замещение принципа рыночного распределения товаров и усиление бюрократизации» [24, р. 37]², что в отечественной литературе традиционно называется государственным распределением [15, с. 292]. Несмотря на то что предложенные Г. Эспинг-Андерсеном параметры редко относят к идеологическим, сам автор связывает их с представлениями о справедливости и общественном выборе, которые удовлетворяют нашим условиям.

Итак, на основе предложенных параметров Г. Эспинг-Андерсен предлагает три модели государств благосостояния (по терминологии автора – социальной политики):

1. Неолиберальная модель (или американская) характеризуется низким уровнем декоммодификации, высоким уровнем стратификации в обществе и вмешательством государства в форме регулирования рынков.

2. Социально-демократическая модель (или скандинавская) реализуется с высоким уровнем декоммодификации, низкой стратификацией общества и прямым предоставлением финансового обеспечения государством.

3. Консервативно-корпоративистская модель (или франко-германская) имеет следствием высокий уровень декоммодификации и стратификации при государственном вмешательстве, осуществляемом и в форме прямого предоставления финансового обеспечения, и в форме регулирования рынков.

Адаптируя типологию государств благосостояния к предложенной типологии идеологических систем, можно ассоциировать неолиберальную модель с либеральной идеологией, социально-демократическую – с социал-либеральной, а консервативно-корпоративистскую – с социалистической.

² Декоммодификация имеет место тогда, когда та или иная услуга предоставляется как право и позволяет индивиду поддержать свой уровень благосостояния независимо от степени включенности в рыночные отношения.

Также ярким примером может служить типология разновидностей капитализма, предложенная М. Альбером и П. Козловски [4, с. 9]. Здесь мировой капитализм разделяется на неоамериканскую и рейнскую модели, и хотя в типологию не вписываются многие азиатские страны (в том числе Япония) и британский капитализм, она весьма интересна в контексте того, какая модель окажется предпочтительней для постсоветской России.

По мнению П. Козловски, капитализм характеризуется на основе трех параметров: частной собственности, стремления к максимизации прибыли (полезности) и координации через рынки и цены. Все эти параметры, возведенные очень близко к абсолюту, будут присущи неоамериканской (или англосаксонской) модели, которая «нацелена на почти полное освобождение рынка от распределительных и политических ограничений» [15, с. 303].

Отличительная черта рейнской модели – «уравновешивание» тенденций капитализма, ведущих к монополизации и массовому неравенству. Например, в Германии и Австрии такое уравновешивание находит свое отражение в бесплатности высшего образования. Примерами уравновешивания могут служить прогрессивный подоходный налог и налог на наследство. Важной отличительной чертой рейнской модели является роль государства, которое понимается как государство социальной безопасности, а не государство минимальное, хотя его целью не является создание «государства всеобщего благоденствия» [4, с. 12].

К группе типологий, доказывающих основательную взаимосвязь социальной политики и мировоззренческих систем, можно отнести типологии, описанные в получивших признание в мире науки работах У. Корпи и Х. Палма [25] в области систем социального обеспечения, Н. Мэннинга [26] в области управления социальной политикой и т.д. Из отечественных исследований следует выделить типологию социальных политик в контексте социального неравенства С. Пронина, В. Люблинского и Р. Цвылева [11].

* * *

Итак, влияние идеологических систем на практику не вызывает сомнения, однако отследить это влияние в реальной социальной политике реального государства будет гораздо сложнее, чем может показаться. Причин может быть несколько. Во-первых, за реальными действиями любого уполномоченного актора скорее стоит «гибрид» идеологий, а не их «чистые» формы. Во-вторых, зачастую многие действия (особенно государственные) камуфлируются совершенно противоположными популистскими целями (иногда либеральные по сути программы нацелены на социалистические идеалы). В-третьих, представленная поляризация идеологического поля на практике будет выглядеть не так категорично: например, самая социалистическая политика не сможет обойтись без элементов рынка. И наконец, вряд ли какой-либо актер дотошно

ориентируется на «выпуклую» теоретическую модель идеологии, даже если он ее осознает как основную.

Эвристический смысл проделанного действия – выделить характеристики идеологических систем, которыми можно пользоваться для диагностики причин тех или иных практических действий субъектов социальной политики.

Библиографический список

1. Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М.: ГУ–ВШЭ, 2004.
2. Григорьева И.А. Социальная политика: основные понятия // Журнал исследований социальной политики (Саратов). 2003. №1.
3. Ивин А.А. Либерализм // Философия: Энциклопедический словарь. М.: Гардарика, 2004.
4. Козловски П. Социальное рыночное хозяйство и разновидности капитализма // Социальное рыночное хозяйство. Теория и этика экономического порядка в России и Германии. СПб.: Экономическая школа, 1999.
5. Макинтайр Р. Социальная политика в странах с переходной экономикой в аспекте развития человеческих ресурсов // Проблемы прогнозирования. 2002. № 2.
6. Малинова О.Ю. Современные либеральные политические программы // Запад – Россия: культурная традиция и модели поведения. М.: МОНФ, 1998.
7. Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
8. Матвеева Е.В. Роль директоров в становлении предприятия в качестве субъекта социальной политики» (на примере предприятий г. Москвы). М., 2004.
9. Матвеева Е.В., Сидорина Т.Ю. Многосубъектность социальной политики и становление гражданского общества в России // Корпоративная социальная ответственность: общественные ожидания. М.: Ин-т социологии РАН, 2005.
10. Прокофьев А.В. Социальная справедливость // Философия: Энциклопедический словарь. М.: Гардарика, 2004.
11. Пронин С., Люблинский В., Цвылев Р. О приоритетах социальной политики // Общество и экономика. 2000. № 8.
12. Радаев В. Исчез ли социализм? Опыт интеллектуальной самокритики // Родина. 1993. №2.
13. Радаев В.В. Экономическая социология. М.: ГУ–ВШЭ, 2005.
14. Роик В.Д. Социальная политика времен отказа от патернализма и иждивенчества // Человек и труд. 1997. №2.
15. Сидорина Т.Ю. Два века социальной политики. М.: ГУ–ВШЭ, 2005.
16. Сидорина Т.Ю. Социальный капитал в системе внутрифирменной социальной политики // http://d1.hse.ru/data/684/667/1234/20060405_sidorina.doc
17. Социальная ответственность бизнеса: актуальная повестка / Под. ред. С.Е. Литовченко, М.И. Корсакова. М.: Ассоциация менеджеров, 2003.
18. Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф, 2000.

19. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости, 1992.
20. Шаронов А. Социальная политика: умеренная либерализация // Человек и труд. 1997. №5.
21. Шумпетер Й. История экономического анализа // Истоки. М.: Экономика, 1989. Вып. 1.
22. Якубович В. Институты, социальные сети и рыночный обмен: подбор работников и рабочих мест в России // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Под ред. В.В. Радаева. М.: ГУ–ВШЭ, 2002.
23. Barker R.L. The Social Work Dictionary. Washington, DC: National Association of Social Workers, 1995.
24. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity Press, 1990.
25. Korpi W., Palm J. The Paradox of Redistribution and Strategies of Equality: Welfare State Institution, Inequality and Poverty in Western Countries // <<http://jstore>>
26. Manning N. The Politics of Welfare // Social Policy / Ed. by J. Baldock et al. N.Y.: Oxford University Press, 1999.

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК ПОЗНАНИЕ И ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА¹

.....

Т.В. Оберемко²

В быстрый и технологический XXI в. трудно успевать за временем, опираясь на классические формы образовательной деятельности, когда педагог был носителем и хранителем правильного миропонимания и информации, а ученик – их потребителем. Сегодня главная задача педагога – научить своих питомцев ориентироваться в растущем в геометрической прогрессии потоке информации, найти свое место в глобальном мире. В попытке успеть за стремительно меняющимся миром педагогическая наука все чаще обращается к методу проектирования как к универсальному средству развития человека – и ученика, и педагога – методу, содержащему в себе удивительные возможности.

В учебном пособии И.А. Колесниковой и М.П. Горчаковой-Сибирской «Педагогическое проектирование», адресованном студентам высших учебных заведений, авторы рассматривают научно-практические основы проектирования как профессиональной педагогической деятельности особого рода. Книга состоит из введения, восьми глав и ряда приложений. Каждая глава завершается вопросами для самопроверки и размышлений, дается список рекомендуемой литературы, в конце пособия приводится список дополнительной литературы.

Во введении представлена общая характеристика проектной деятельности, уходящей корнями в глубокую историю человечества, которую авторы рассматривают как универсальное средство развития человека, обладающее огромным педагогическим потенциалом. Они считают, что «идея проектирования

¹ Рецензия на книгу: Колесникова И.А., Горчакова-Сибирская М.П. Педагогическое проектирование. М.: Академия, 2005.

² Оберемко Татьяна Викторовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков для естественных специальностей Кубанского государственного университета. Электронная почта: toberemko@mail.ru.

всегда актуализируется в эпоху перемен», что особенно ярко выражено в наши дни, когда в обществе «проектный тип культуры начинает доминировать».

В качестве ключевых понятий, связанных с проектной деятельностью, авторы пособия называют следующие: «природа проектной деятельности», «алгоритм проектирования», «субъекты проектной деятельности», «предметы (объекты) проектирования», «целесообразные установки и основания осуществления проектов», «средства проектной деятельности», «проект как результат проектной деятельности», «культурная коммуникация».

Первая глава книги обращена к истории проектирования в области образования. Авторы отслеживают историко-культурные источники развития проектной деятельности человека от хозяйственной деятельности древних людей, продуктивного воображения, отразившегося в мифологическом сознании и игровом сознании детей. Позднее проектирование развивается в архитектуре, строительстве и инженерно-технической деятельности. Возникает также социальное проектирование, направленное на создание новых форм общественной жизни.

Началом отсчета развития и применения идей проектной деятельности в области образования и педагогики авторы считают деятельность Я.А. Коменского, который полагал, что для успешности обучения необходимо приносить в работу педагога исследовательский стимул. Далее эта идея прослеживается в работах Ж.-Ж. Руссо, И.Г. Песталоцци, Ф. Динтера и А. Дистервега.

Переход из области педагогической практики в сферу теории происходит в первой трети XX столетия и связан, по мнению авторов, с именами представителей самых различных областей знания, среди которых Дж. Дьюи, К. Поппер, Г. Саймон, В.Х. Килпатрик. Педагогика этого периода провозглашает активное, направленное на будущее начало обучения при практическом характере «деятельного» знания. В это же время получает распространение метод проектов. Последователь Дж. Дьюи В.Х. Килпатрик первым вводит проектную деятельность в педагогический контекст. Авторы отмечают, что он выделял три основных элемента своей педагогической системы: «учебный материал, вытекающий из природы и интересов учащихся; целесообразная деятельность; обучение как непрерывная перестройка жизни и подъем на высшие ступени» (с. 11). Вслед за Килпатриком авторы делят проекты на созидательные (производительные), потребительские (в том числе связанные с развлечениями), проекты решения интеллектуальных задач и проекты-упражнения. По построенным по этим проектам учебным программам детям приходилось не только самостоятельно добывать знания и, опираясь на них, проделывать некоторую конкретную работу, но и координировать свои действия с другими. Таким образом дети учились учиться. Постепенно проектная деятельность начинает использоваться как способ демократизации внутришкольных отношений, «продуктивная форма организации совместной деятельности взрослых и де-

тей» (с. 13). Метод проектирования целенаправленно развивается как способ социализации содержания обучения путем поиска проблем и вопросов в самой окружающей жизни.

В России идеи проектного обучения возникают тогда же, в начале XX в., в работе таких педагогов, как В.А. Гердт, А.П. Пинкевич, Б.Е. Райков, К.П. Ягодовский. Перевод на русский язык и издание книги В.Х. Килпарика «Метод проектов» значительно стимулировал процесс учебного и социально-педагогического проектирования в России. Однако из-за постановления ЦК ВКП(б) 1931 г., осуждавшего такую форму работы как не дававшую «возможности ученикам овладеть системой знаний в области конкретных учебных курсов» (с. 14), самостоятельно метод не использовался. Понятие проектирования в российской педагогической науке применялось А.С. Макаренко, позднее Г.П. Щедровицким. В 1970-е гг. Н.В. Кузьмина специально выделяет проектировочный элемент в структуре деятельности педагога.

Авторы полагают, что развитие идей стандартизации образования во второй половине 1990-х гг. дает новый толчок применению проектной деятельности к сфере образования, так что педагогическое сообщество постепенно перейдет от метода проектов к проектному обучению, а проектная среда приобретет свойства образовательной среды (с. 15). С одной стороны, все увеличивающийся объем информации диктует принцип непрерывности образования, меняет его фокус: основной задачей образования становится не усвоение постоянно увеличивающегося объема знаний, а научение ориентироваться в потоке информации. Научные сведения быстро устаревают, что вызывает потребность искать источник новых знаний непосредственно внутри системы образования и образовательных процессов. Таким источником, по мнению авторов, и может стать метод проектирования.

С другой стороны, процесс формирования так называемой экранной культуры (с. 16), в основе которой лежат быстро сменяющие друг друга образы, поток экранных изображений, вмещающий в себя поведение и устную речь актеров, письменные тексты и т.д., идеально сочетается с центральными понятиями проектирования. Образование при этом понимается как «самостоятельное построение образа окружающего мира на основе экранных информационных представлений» (с. 17).

Вопрос выбора содержания перерастает в вопрос определения типовых задач, необходимых для успеха в жизни и в работе. Само же образование превращается в способ информационного обмена человека с окружающими людьми, который предполагает не только усвоение, но и генерирование информации. Авторы делают вывод, что педагогическое проектирование «исторически обусловлено объективной необходимостью развития у субъектов педагогической деятельности проективного воображения, мышления, способа действий» (с. 18).

Вторая глава посвящена теоретическим основам педагогического проектирования. Глава начинается с рассмотрения терминов и понятий, формирующих основу научного контекста педагогического проектирования. К ним авторы относят следующие: «проект», «проектирование», «проектный», «проективный», «проектировочный» и производные от них понятия, их соотношение между собой и применительно к сфере образования. Особое внимание уделено понятиям «педагогический проект», «проектная культура», а также соотношению понятий «проектирование», «прогнозирование», «конструирование», «моделирование».

Далее рассматриваются центральные идеи, лежащие в основе проектирования как особого способа познания и преобразования окружающего мира: идея опережения, «разности потенциалов» исходного состояния предмета проектирования и желаемого, идея пошаговости, совместности (объединения ресурсов и усилий), идея «разветвляющейся активности» участников проекта. Авторы подчеркивают также выраженность общественного характера проектной деятельности. Это непосредственно связано с тем, что проблематика проектов социально обусловлена, в ходе работы используются сложные виды коммуникации, получаемый результат, как правило, социально значим.

Вслед за О.С. Газманом авторы отмечают педагогический потенциал любой проектной деятельности, ее автодидактизм, когда параллельно с непосредственным результатом проекта его участники приобретают новые знания, умения и навыки, у них формируются новые представления, новые смыслы. Таким образом «проектная деятельность становится средством развития и саморазвития как специфических проектировочных способностей, так и личности в целом, выступая универсальным источником обучения, воспитания, творческого взаимодействия» участников проекта (с. 32).

Утверждается, что благодаря мозаичной природе проектной деятельности, которая, по сути, складывается из других видов деятельности (диагностических, прогностических, оценочных действий; разнообразных форм и видов мыслительных и практических процедур и т.д.), ее развивающий потенциал очень высок. На различных этапах работы над проектом у участников развиваются творческое воображение и критическое мышление, от них часто требуются воля и упорство, самостоятельность, ответственность и самодисциплина. Необходимость действовать совместно с другими формирует основы коммуникативной культуры.

Рассматривая проектную деятельность в образовательной сфере, авторы отмечают, что кроме характерных для проектирования в целом ей свойственны и специфические черты. Так, в образовательном пространстве проектная деятельность подчинена педагогическим целям, выступает в качестве средства их достижения, а отнюдь не является самоцелью. В данном контексте «речь идет об обучении (воспитании) действием и в действии».

Отмечается также, что отечественная педагогическая наука трактует проектирование как полифункциональную педагогическую деятельность, при этом выделяются следующие ее основные функции: исследовательская, аналитическая, прогностическая, преобразующая и нормирующая.

В зависимости от объекта преобразования, целевой направленности и результата, в современном педагогическом проектировании выделяются три его основных вида: социально-педагогическое, психолого-педагогическое и образовательное проектирование (с. 34). Социально-педагогическое проектирование направлено на изменение социальной среды, решение социальных проблем педагогическими средствами. Его результат может лечь в основу организации более эффективной работы образовательных систем. Психолого-педагогическое проектирование нацелено на преобразование человека и межличностных отношений в пределах образовательных процессов с опорой на особенности мотивации, восприятия материала, усвоения знаний. Образовательное проектирование занимается качеством образования и инновационными изменениями образовательных систем и институтов.

В зависимости от требований к результату и формам представления продукта проектирование в области образования может осуществляться на разных уровнях: концептуальном (результатом в этом случае может стать модель образовательного стандарта, концепция программы, проект учебного плана), содержательном (стандарт ступени образования, программа развития образовательного учреждения), технологическом (учебные планы, должностные инструкции, методика коллективного творческого дела и т.д.) и процессуальном (дидактические средства, планы уроков, разработка учебных тем, сценарии праздников) уровнях. С переходом на новый уровень меняются масштаб объектов проектирования и проектных задач, возрастает степень конкретности.

Далее авторы рассматривают основные принципы проектной деятельности. Принцип прогностичности естественным образом связан с природой проектирования, так как она ориентирована на будущее состояние объекта. Принцип пошаговости предполагает постепенный переход от замысла авторов проекта к его цели, где каждое последующее действие базируется на результатах предыдущего. Непосредственно связан с ним принцип нормирования, предполагающий обязательное прохождение всех этапов проекта в рамках регламентированных процедур. Принцип обратной связи диктует необходимость отслеживать результаты каждого шага проекта и в случае надобности вносить в действия коррективы. Принцип продуктивности настаивает на прикладной значимости результатов проектной деятельности. Принцип культурной аналогии позволяет не отрываться от определенных культурных норм, не выходить за пределы культурного поля, так как индивидуальное творчество участников проекта не является абсолютно самодостаточным. И наконец, принцип саморазвития. Он связан как с субъектом проектирования на уровне «ветвящейся

активности участников» (с. 40), так и с возникновением новых проектов по достижении поставленных целей.

Авторы отмечают также необходимость выполнения ряда требований для успешной организации проектной деятельности. К таковым они относят требование контекстности, требование учитывать многообразие потребностей всех заинтересованных сторон, а именно: индивидуумов, государства, общества; при этом подчеркивается необходимость ценностно-смыслового согласования позиций и действий всех заинтересованных участников проекта. Немаловажны и требования активности участников проектирования, непосредственно связанное с добровольной включенностью и эмоционально-ценностным проживанием своего участия в проекте, требование реалистичности, а также требование управляемости, напрямую связанное с наличием проектной дисциплины.

Третья глава посвящена рассмотрению вопроса субъектов и объектов проектной деятельности. По мнению авторов, в зависимости от вида и цели проектной деятельности ее субъекты могут быть как индивидуальными, так и совокупными. Всех их объединяет то, что любой участник проектирования всегда выступает как сознательный преобразователь действительности (с. 44). Примером совокупного субъекта проектирования могут служить поисковые, пилотные группы и команды, моделирующие пары, группы тьюторов, проектные команды, разнообразные учебные и рабочие группы. Авторы подчеркивают важность правильного подхода к формированию группы в каждом отдельном случае в зависимости от поставленных перед группой целей. Отдельно авторы рассматривают специфику деятельности таких совокупных субъектов проектирования, как тренинг-групп, наблюдательных или консультативных советов, экспертных, редакционных и других групп (с. 49). Крупными субъектами педагогического проектирования могут выступать и образовательные учреждения. Специфика их в данной ситуации заключается в том, что они одновременно являются и объектом преобразования. Среди проблем организации совокупного субъекта проектирования авторы рассматривают проблему обоснованного выбора участников и достижение ценностно-смыслового согласования между всеми участниками, проблему создания общего категориально-понятийного пространства проектной деятельности, а также проблему психологического обеспечения культурной коммуникации, которая часто требует тренинговых занятий. Авторы демонстрируют механизм сплочения группового субъекта на примере стартового семинара проектной команды, отмечают важность пропедевтики возвращения специалиста, получившего новый импульс к работе, в свой коллектив, где пока ничего не изменилось, и рассматривают различные пути формирования сетевого сообщества как особой разновидности совокупного субъекта проектирования. Далее анализируются особенности совместной проекторочной деятельности детей и взрослых.

В конце главы авторы уделяют внимание объектам педагогического проектирования и специфике предмета проектной деятельности. По их мнению, объектами в условиях педагогического проектирования могут становиться различные явления и процессы, происходящие в педагогической действительности, к которым авторы относят: образовательные системы разного масштаба, педагогические процессы всех видов и их отдельные компоненты; содержание образования на всех уровнях его формирования; образовательное и информационно-коммуникативное пространство; социально-педагогическая среда; система педагогических отношений; все виды педагогической деятельности; личностные и межличностные структуры; профессиональная позиция; педагогические (образовательные) ситуации; качество педагогических объектов (процессов) (с. 58).

Специфику предмета проектной деятельности авторы видят в том, что предмет деятельности до начала этой деятельности отсутствует, а в процессе деятельности постоянно изменяется и раздваивается.

В главе 4 раскрывается логика организации проектной деятельности. После краткого обзора существующих подходов к выделению этапов проектной деятельности (Дж. ван Гиг, В.М. Шепель, Н.А. Масюкова, Е.С. Заир-Бек, В.Е. Радионов, В.В. Сериков) авторы предлагают свою, «укрупненную» в прикладных целях, схему выделения этапов: 1) предпроектный (предварительный, или стартовый) этап; 2) этап реализации проекта; 3) рефлексивный этап; 4) послепроектный этап.

Предпроектный этап авторы в свою очередь разделяют на следующие процедуры: диагностика, проблематизация, целеполагание, концептуализация, форматирование проекта и его предварительная социализация. После того как в поле зрения субъектов образовательного процесса попадают объект проектной деятельности и проблема, связанная с его преобразованием, необходимо выяснить, что именно их не устраивает, какими образовательными, педагогическими, социальными или иными возможностями и ресурсами они располагают и какими могут оказаться последствия такого вмешательства. То есть необходима «всесторонняя диагностика социально-образовательной ситуации» (с. 64), или предпроектное исследование, которое может включать в себя и требующие специальных умений процедуры: проблемно-информационный поиск в базах данных, проведение адресного предпроектного исследования, социальный опрос, организация общественной, комплексной или специализированной экспертизы. Подводя некоторый итог, авторы пишут, что «начальный импульс проектной деятельности возникает из постановки субъекта в исследовательско-поисковую позицию по отношению к той или иной области проектирования» (с. 65). Полученная диагностическая информация обобщается и упорядочивается (структурирование, ранжирование, дифференциация, математическая и статистическая обработка). Целевым ориентиром в предсто-

ящей деятельности может стать идеальный образ объекта, который в процессе работы перерастает в образ цели, отвечающий актуальным потребностям как социума, так и разработчиков проекта.

Процедуру проблематизации авторы определяют как «ценностное самоопределение в проблемном поле проекта» (с. 68). Реализация проекта должна стать субъективно значимой для его участников. Важно не только увидеть противоречие в окружающей среде, но и сформулировать на его основе свою проблему. В ходе обсуждения ситуации на базе стартовых представлений участников о проблеме и проекте формируется общее поле проблем, выделяется в рамках выбранного объекта преобразования предмет проектирования, конкретизируется то, что хотелось бы создать. Далее проблемы нужно сформулировать, систематизировать и выделить из всей их совокупности приоритетные, решение которых в первую очередь позволит продвинуть ситуацию к ее прогрессивному разрешению, т.е. нужно составить иерархию проблем.

Особую роль в совместной проектной деятельности авторы отводят процедуре концептуализации, связывая ее с необходимостью формирования системно-целостного представления о природе объекта проектирования и тенденциях его развития. Отмечается, что в ходе построения проектного дискурса наряду с «позитивным» проектированием важны также критическое отношение к проекту, формируемое на основе альтернативных взглядов и концепций, и «негативная эвристика» (с. 72), позволяющая выявить риски, противоречия, негативные эффекты и последствия проекта. Полезно также прогнозировать возможное «сопротивление материала» и среды. Категориальный анализ, определение границ и содержания категориального поля авторы относят к возможным направлениям работы на этапе концептуализации. Вслед за О.Г. Прикот и Е.С. Александровой они полагают, что «наличие целостного категориального описания превращает педагогическое проектирование в способ изменения педагогической действительности на основании самоопределения в ценностно-смысловом пространстве» (с.75). Далее следует конкретизация цели, играющей в проекте стимулирующую, преобразующую, нормирующую и ориентационную роли, разрабатывается стратегия проектной деятельности. Авторы расширяют традиционное деление стратегий на восходящую и нисходящую, выделяют следующие варианты развития проекта: линейный, зонтичный, системный и синергетический. Результатом концептуализации, по мнению авторов, должна стать согласованная, понятная всем участникам проекта теоретическая позиция, обычно включающая в содержательном отношении: описание и ценностно-смысловую оценку поля проектирования; ценностные основания проектной деятельности; цели проекта с описанием конечного продукта; ряд теоретических оснований, на которых базируется проект; подход, стратегию и принципы проектирования.

После этого следует определиться с форматом проекта, под которым авторы понимают своеобразный способ ограничения, или нормирования деятельности участников проектной деятельности посредством определения ее границ и масштаба. К выбираемым в ходе данной процедуры параметрам относятся определение времени, пространства (физического, социального, парадигмального, культурного, ценностно-смыслового пространства содержания), контекста проекта, круга его участников и т.д. При определении временного формата проектной деятельности существует три варианта выбора: ориентация на естественный ход событий, при этом временные границы зависят от циклов жизнедеятельности объекта/субъекта проектирования; установление регламентированных сроков; смешанный вариант.

Этап программирования и планирования хода проекта предполагает создание программы с набором необходимых мероприятий и действий с целью достижения задуманного, а также разработку плана достижения поставленных целей. Подробно рассматриваются особенности, структура и функции программы, плана, процесса планирования. Авторы подчеркивают также, что план (программа) реализации проекта не являются чем-то статичным и неизменным, наоборот, в силу специфики проектной деятельности идет постоянная коррекция действий на основе обратной связи. Соответственно уточняется план действий, который задает структуру проектной деятельности.

Процедурой публичного представления, или социализации, проекта завершается предпроектный этап. Окончательное же принятие решения о начале проекта предваряется экспертной оценкой предпосылок его успешности. Она осуществляется во время презентации или сразу после нее. После необходимой по результатам экспертизы коррекции начинается работа по непосредственному осуществлению проекта.

В следующем разделе, посвященном этапам реализации проекта, авторы уделяют внимание общим требованиям к основному проектировочному этапу. Они подчеркивают, что каждый шаг в рамках этого этапа определяется логикой создания или преобразования предмета проектирования и всегда соотносится с конкретной задачей, стоящей в тот или иной момент перед участниками проекта. Необходимо также, чтобы каждый участник проекта в любой момент представлял, где и в какой форме можно получить поддержку и помощь в случае затруднения. Не менее важны система обратной связи, четко организованная объективная промежуточная оценка полученных результатов, этап процедуры апробации продукта, а также презентация итогового проектного продукта, к которой рекомендуется привлечь по возможности всех участвовавших в его создании.

Завершают работу над проектом рефлексивный и послепроектный этапы. Рефлексивный этап предполагает оценку не только продукта проекта, но и его человеческого результата, при этом рефлексии подвергаются ход проекта и

система отношений, которая в нем сложилась. Послепроектный этап включает апробацию и распространение результатов и продуктов проектной деятельности и допускает различные варианты: переход к новому проекту; интеграция с другими проектами; начало работы новой организации, возникшей по итогам проекта; смена статуса субъекта проектной деятельности; смена адреса проекта (перенос полученного опыта на другие категории учащихся или специалистов); распространение проекта на другие уровни (административный, федеральный, международный) (с. 93).

В заключение авторы отмечают, что каждый этап процесса проектирования одинаково важен и может рассматриваться «как часть образовательного процесса, где помимо проектировочного продукта не только диагностически проявляются, но и формируются ценности, нормы, установки людей, иницируются их коммуникативные, творческие способности» (с. 94).

В пятой главе рассмотрены виды педагогических проектов, подробно описываются особенности, этапы и специфика того или иного вида проекта, приводятся примеры из отечественной и зарубежной практики проектной деятельности. Выделяются следующие виды педагогических проектов: учебные и досуговые проекты, проекты в системе профессиональной подготовки, социально-педагогические проекты, проекты личностного становления, сетевые и международные проекты.

В шестой главе исследуются типовые объекты педагогического проектирования. Авторы считают, что поскольку современный технологический тип культуры как нельзя лучше соответствует проектной деятельности, а в результате динамичности образовательной практики участники педагогической деятельности все чаще сталкиваются с отсутствием нужных систем, условий и ресурсов, педагогическое проектирование необходимых объектов и является одним из путей преодоления существующих трудностей. Параграф «Проектирование содержания образования» авторы посвящают обсуждению проблемы проектирования концепции содержания образования. В параграфе «Проектирование образовательной программы» авторы акцентируют внимание на понятии образовательной программы, логике ее проектирования и структуре, подчеркивая, что проектирование программ – одно из важных направлений образовательного проектирования. Завершает данный раздел рассмотрение процесса проектирования учебных планов. Далее авторы рассматривают логику проектирования образовательных систем, отмечая направленность проектируемых изменений на развитие, модернизацию и реформирование, а также проблему проектирования педагогических технологий, иллюстрируя свою точку зрения примерами из соответствующей практики. В параграфе «Проектирование контекста педагогической деятельности», отталкиваясь от практических примеров, авторы обсуждают вопросы проектирования среды и образовательного пространства.

Рассмотрев перечисленные объекты проектирования, авторы приходят к выводу, что логика взаимодействия с ними едина: следует сначала осознать педагогическую природу и логику становления объекта, с которым предстоит работать; описать его в терминах, соответствующих контексту определенной образовательной культуры; исследовать «актуальное состояние объекта, взятого в контексте его жизнедеятельности с позиций несовершенства и возможности позитивного преобразования»; осуществить «ценностно-смысловой выбор концепции», на базе которой формируется замысел проектного продукта и способ его получения; создать идеальный образ предмета проектирования, конкретизировать его, исходя из возможностей и ресурсов; пройти через этап «целестроения»; структурировать предполагаемые действия в определенной преобразовательной логике; постоянно поддерживать обратную связь и на ее основе осуществлять коррекцию и отбор продуктивных вариантов движения к желаемому результату; и наконец, получить проектный продукт и провести его экспертизу, исходя из заранее выбранных критериев (с. 185).

В седьмой главе «Результаты и оценка проектной деятельности в сфере образования» подчеркивается, что при всей «многослойности» результата любой проектной деятельности для педагогического проектирования прежде всего значимы «продуктивный» и «человеческий» результаты. К первому виду относятся изменения или инновации в образовательных системах и институтах разного уровня, ко второму – развитие креативного мышления, воображения, приобретение умений и навыков работы в проекте, формирование коммуникативной культуры.

В качестве критериев оценки результатов проекта авторы предлагают следующие: степень полноты реализации проектного замысла, соответствие контексту проектирования и культурному аналогу, степень новизны, социальная (практическая) теоретическая значимость, гуманитарность, эстетичность (для оценки продуктивного результата); удовлетворенность участием в проекте, степень освоения процедур проектирования, синергический эффект, наличие у участников потребности в дальнейшем развитии своего проектного опыта, становление социального партнерства (для оценивания педагогического результата проекта). При организации процедуры оценивания, по мнению авторов, важно также решить следующие вопросы: кто входит в число оценивающих результаты проекта, что именно подлежит экспертизе и оценке, что следует предпринять, чтобы оценить проектный результат.

Отдельный параграф посвящен «подводным рифам» проектной деятельности, где читатель найдет предостережения от типичных ошибок и просчетов при планировании и осуществлении педагогического проекта.

В последней главе рассматриваются требования, предъявляемые к участникам педагогического проектирования. Авторы считают, что определенные личностные характеристики участников проекта способствуют его успешности. К

таким образом они относят «особое состояние открытости сознания новому, неизведанному» (с. 205), так называемое проективное сознание, которому свойственны проектное воображение, проектное мышление, обладающее латеральными, критическими, креативными характеристиками и носящее методологический характер, и рефлексивность. По мнению авторов, в проектном типе мышления важны также дисциплинированность, способность к структурированию, умение увидеть связи внутри объекта и с внешней средой, способность следовать за логикой построения нормированных мыслительных процедур (с. 211). Проектное отношение обычно выражается в «эмоционально окрашенном желании целенаправленного преобразования объекта» (с. 211), оно всегда аксиологично, прагматично, реалистично, хотя и не лишено романтизма.

В заключении авторы утверждают, что проектная деятельность может развивать все личностные свойства человека, при этом специфика этой деятельности заключается в том, что участники проектной деятельности учатся в ходе самой этой деятельности.

Таким образом, авторы книги «Педагогическое проектирование» своей работой демонстрируют, что явление, лежащее в основе модных сейчас в научном (и не только в научном) дискурсе терминов «проект» (project), «проектирование», «проектная деятельность», имеет долгую историю развития, глубокое современное содержание и перспективу развития на ниве педагогики и педагогической науки.

РЕФЕРАТЫ

.....

Алексеева А.Ю. Уверенность, социальное и межличностное доверие: критерии различения

Категория доверия активно используется в социологических, экономических, политических, антропологических и других исследованиях, однако его определение остается серьезной проблемой из-за неоднозначности его интерпретации. В статье предпринята попытка проанализировать и обобщить научные представления о феномене доверия, выделить его разные типы и формы. Основное внимание уделено различиям между двумя парами понятий: «уверенность – доверие», «межличностное доверие – социальное доверие».

Библиогр. 45 назв.

Грязнова О.С. Теда Скокпол: феномен революции в структуралистской перспективе

Изложена концепция революционного процесса, разработанная Тедой Скокпол в работе «Государства и социальные революции». Рассмотрены методологические и методические основания классического исследования, специфика авторского структуралистского подхода, ключевые для социетальных изменений взаимодействия между государственными, экономическими и социальными структурами внутри общества и на международной арене, а также причины социальных революций в аграрно-бюрократических обществах.

Библиогр. 14 назв.

Ковенева О.В. Грани опыта в свете американского прагматизма и французской прагматической социологии

Прослежена преемственность между американским прагматизмом и французской прагматической социологией Л. Болтански и Л. Тевено. Представлен категориальный аппарат социологии градов: грады справедливости и оценочные миры, режимы (формы) вовлеченности.

Библиогр. 72 назв.

Верстова М.В., Улько Е.В. Правовые представления личности в связи с готовностью участвовать в суде присяжных

Исследовательский вопрос статьи — есть ли отличия в правовом сознании тех, кто соглашается, и тех, кто не соглашается выполнять роль присяжного? Выявлены связи между параметрами трех уровней правового сознания: 1) установками к (не)участию в суде присяжных заседателей; 2) общими социально-правовыми представлениями и отношением к правовому устройству общества; 3) смысложизненными и ценностными ориентациями.

Библиогр. 29 назв.

Дженкинс Р. Глобализация и идентичность: теоретический обзор

Автор ставит задачу показать, как современными авторами понимается глобализация и какую специфику она придает процессам идентификации. На основе сделанного обзора существующих точек зрения на различные аспекты глобализации формулируется ряд вопросов для дальнейшего исследования этого явления.

Библиография: 59 назв.

Евстигнеева Н.В., Оберемко О.А. Модели анализа нарратива

В работе исследуется значение нарратива в социальных исследованиях и его основные характеристики. Описывается ряд аналитических моделей и возможности их практического применения (анализ новостных, рекламных сюжетов).

Библиография: 31 назв.

Коваленко С.А. Социальная политика: основания и модели

Автор рассматривает взаимосвязь между политико-идеологическими концепциями и моделями социальной политики, роль государства как ее основного субъекта. По его мнению, отрицать влияния идеологии на деятельность государства в этой сфере невозможно, но отследить его в реальности сложнее, чем может показаться.

Библиография: 26 назв.

SUMMARY

.....

Alekseeva A.Yu. Confidence, Generalized Trust, and Interpersonal Trust: Criteria for Distinction

The concept of trust is largely used by sociologists, economists, anthropologists and others, but its strict definition is a serious problem. The article is an attempt to analyze and generalize the scientific uses of the notion, to discriminate different types and forms of trust. Two oppositions are stressed: «confidence–trust», «interpersonal trust – social trust».

Griaznova O.S. Theda Skocpol: Phenomenon of Revolution in a Structuralist Paradigm

The article exposes the conception of revolutionary process, developed by T. Skocpol in her famous «States and Social Revolutions». Here are analyzed methodological bases of this classical research, specificity of the author's structuralism, crucial for societal changes interrelationships between state, economic and social institutions inside and outside a society, and the causes of social revolutions in agrarian and bureaucratic societies.

Koveneva O.V. Aspects of Experience: the American Pragmatism and the French Pragmatist Sociology Points of View

The article exposes the continuity of the American Pragmatism by Ch. Peirce, W. James, J. Dewey and the French Pragmatist Sociology by L. Boltanski and L. Thevenot. A detailed presentation of “sociology of cities” is given: the «cities of justice» and the grandeur orders models, regimes (forms) of involvement etc.

Verstova M.V., Ul'ko E.V. Legal Conceptions and Attitudes to Participate in Jury

The main inquiry question is whether those, who accept to participate in jury, and those, who do not, differ with their legal conceptions and representations? Correlations between some parameters of 3 hierarchical levels of the "legal mind" were found: (1) attitudes to participate in jury, (2) general conceptions and attitudes to lawfulness, social order, authorities etc., (3) social identities and values.

Jenkins P. Globalization and Identity: the Theoretical Review

The target of the article is to demonstrate how modern scientists consider globalization and how it influences identification. The review done let the author to formulate a set of questions for future studying the problem.

Evstigneeva N.V., Oberemko O.A. Models of Narrative Analyses

The article examines the importance of narrative analyses in social surveys. Some models of such an analyses and fields of application are described.

Kovalenko S.A. Social Policy: Basics and Models

The author interprets how political ideologies concepts and models of social policy are interrelated. The state is considered as a main actor in social policy making, but it is rather difficult to reveal how an ideology influences an activity of state in social sphere.